

8/1 (2Рис = Р/С)
К 21

В. Каргалов

Вторая ошибка МАМАЯ

*Исторические
повести*

В.Каргалов

**Вторая ошибка
МАМАЯ**

*Исторические
повести*

Исторические повести

ЧЕРНЫЕ СТРЕЛЫ ВЯТИЧА

„КОЛУМБ ВОСТОКА“

МЕЧ ДОВМОНТА

ВТОРАЯ ОШИБКА МАМАЯ

В. Каргалов

Вторая ошибка МЯМЯ

Москва
«Детская литература»
МНПП «Траст»
1993

Художники
А. А. Верцайзер, Е. А. Поликашин

Четыре повести, включенные в книгу, — это четыре страницы многовековой истории Руси, и каждая — интересна по-своему.

Первая повесть — «Черные стрелы вятича» — посвящена Древней Руси времени князя-витязя Святослава Игоревича, который прославился победоносными походами на Хазарию, Болгарию и Византию.

Вторая повесть — «Колумб Востока» — рассказывает о венгерском путешественнике Юлиане, который в 30-х годах тринадцатого столетия, как раз накануне монголо-татарского нашествия, побывал в прикаспийских степях, в Приуралье и на Руси. Он был первым из европейцев, добравшихся сюда, и его по праву можно назвать «Колумбом Востока».

Третья повесть — «Меч Довмонта» — повествует о псковском князе, который после смерти Александра Невского продолжал святое дело обороны северо-западных рубежей Руси от рыцарей-крестоносцев.

И наконец, четвертая повесть — «Вторая ошибка Мама» — воссоздает малоизвестный военный эпизод, который предшествовал победоносной для Руси битве на Куликовом поле в 1380 году. Московская сторожевая застава на степном рубеже успела предупредить князя Дмитрия Донского о приближении войска Мама.

История Руси богата ратными подвигами. О некоторых из них вы узнаете из этой книги...

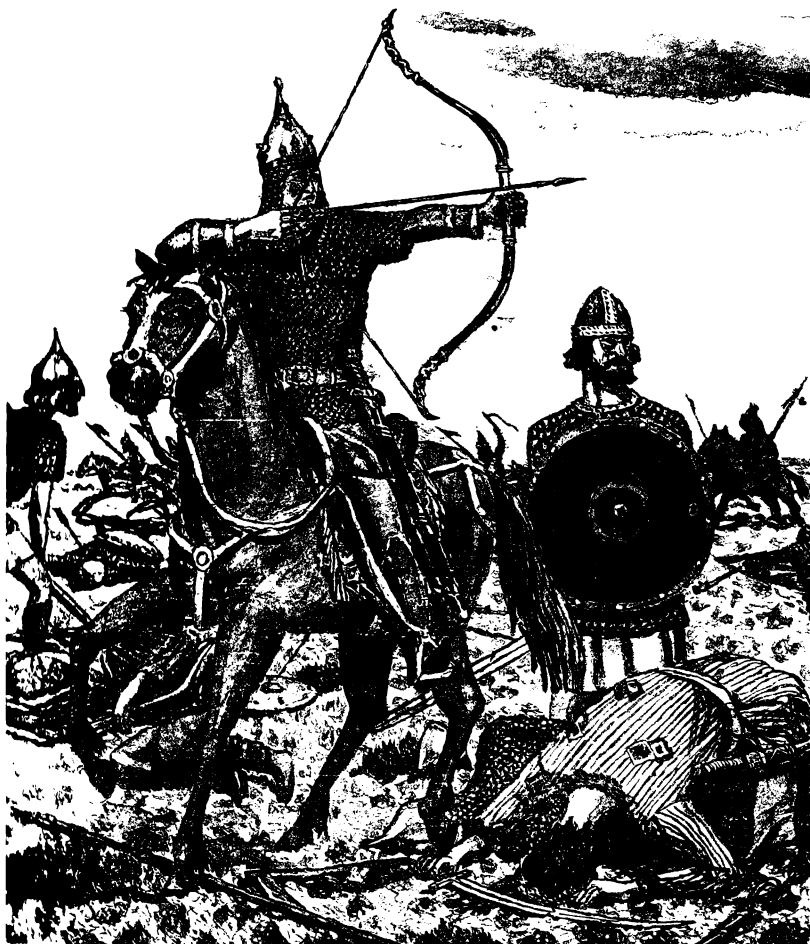
К 4803010201—272 Без объявл.— 93
М101(03)-93

ISBN 5—08—003630—3

© В. Каргалов, текст, 1989

© А. Верцайзер, Е. Поликашин, иллюстрации, 1993

ЧЕРНЫЕ СТРЕЛЫ ВЯТИЧА

УЗЕНЬКОЕ оконце пропускало в келью совсем немного света. Старик подслеповато шурился, с трудом разбирая выцветшие строчки. Совсем ветхой стала книга, давно пора бы перебелить ее на чистых листах пергамента¹, да все руки не доходили. Смутные наступили времена: то князья между собой воюют, то смерды бунтуют, то степняки набегают из Дикого Поля на порубежные деревни. Не случалось подобного при первых киевских князьях, Олеге Вещем и Игоре Старом. И при князе-ви-
тязе Святославе не было. Сам походами в дальние земли ходил, а на Руси было тихо. Древние сказания нынешним князьям как бы в укор, а кто укоры любит? Давненько никто не заказывал списки со старой летописи. А тут вдруг счастье привалило: приехал в монастырь молодой переяславский князь Владимир Мономах, попросил для себя летопись с самого начала переписать. И смышленного отрока прислал, понимающего книжную науку. Сам-то летописец дряхлым стал, пальцы дрожат, гусиное перо не слушается, а переписать книгу - труд великий.

Так и работали вдвоем. Летописец медленно диктовал, сверяясь со старым списком, а отрок проворно вычерчивал на пергаменте черные квадратные буковки, словно бусинки нанизывал на нитку.

За полтора месяца переписали всю старину, от сотворения мира до княгини Ольги. Сегодня о князе Святославе рассказ.

- "Когда князь Святослав вырос и возмужал, - нараспев читал старец, - стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус², и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко порезав конину, или

1 Пергамент - тонкая выделанная кожа, которая использовалась в древности вместо бумаги.

2 Пардус - гепард, охотничий зверь, который славился быстротой и бесстрашием.

зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие воины его. И посылал в иные земли со словами: "Иду на вы!"

Отрок положил гусяное перо, пошевелил занемевшими пальцами.

- Пиши, пиши, - несердито поторопил старик, - зимний день короток!

- Пишу, отче!

- "В лето шесть тысяч четьреста семьдесят третье¹ пошел Святослав в землю вятичей и спросил: "Кому дань даете?" И сказали вятичи: "Хазарам..."

Летописец замолчал, пододвинул книгу ближе к свету.

- Что еще писать о земле вятичей? - поднял голову отрок.

- Ничего больше в старом списке нет, и ты не пиши, - помедлив, ответил летописец. - Но старики вспоминали, что будто бы так было...

Глава I

ГДЕ ВЯТИЧИ?

Великими лесами покрыта земля вятичей.

Тянулись вятичские леса от Оки-реки до самой Волги.

И за Волгой тоже были леса, но обитали там люди уже не славянского племени. А вятичи были славянами, хоть не признавали власти киевского князя и жили от других славянских племен как бы отдельно.

И дальше бы они так жили, но в 964 году князь Святослав начал свой поход на восток. Лады княжеского войска поплыли по Оке, великой реке вятичей.

Тянулись по берегам нескончаемые леса. Медно-красные сосны стояли над песчаными обрывами, как воины

1 964 г. по современному летосчислению.

и строю. Ветер тревожно гудел в ветвях, швырял в светлую окскую воду сосновые шишки.

Вечерами на берег выходили медведи. Вытягивая лобастые головы, смотрели на ладьи и прятались в кустах, напуганные ревом боевых труб и плеском множества весел.

Проносились над водой громкоголосые птичьи стаи.

В омуты плескалась богатырская рыба - сом.

Кабаны проворно перебежали зеленые лужайки.

Земля вятичей щедро являла путникам свои богатства, обилие зверя, птицы и рыбы. Не видно было только людей, населявших ее. Избы на берегу стояли пустыми, рыбачьи челны унесены в овраги и укрыты под кучами хвороста. Дороги, ведущие в глубь леса, перегорожены завалами из подрубленных деревьев. Наверно, вятичи не ждали добра от княжеского войска и спрятались в укромных местах. Но они были где-то близко: над лесом то и дело поднимались столбы черного дыма, предупреждая об опасности.

Легкие сторожевые ладьи, далеко опередив большие суда, крались возле самого берега, сворачивали в устья речек и ручьев, останавливались у пустых деревень. Дозорные ратники взбирались на высокие деревья и подолгу обозревали окрестности. Возвращаясь к княжеской ладье, они виновато разводили руками:

- Нет людей, княже!

Святослав недовольно хмурил брови. Задумано великое дело: поставить под власть Киева обширную и многолюдную землю вятичей, чтобы сообща с другими славянскими племенами крепили державу и давали отпор врагам. А врагов у Руси было много. Из Дикого Поля нападали кочевники-печенеги, разбойничали на границе. Хазары оседлали устье великой реки Волги, мешали русской торговле с восточными странами. А за теплым морем притаились коварные византийцы, их им-

ператор мечтал поставить Русь под свою руку. Пришло время показать им силу Руси!

Могучее войско двигалось за князем Святославом, и не было силы, способной ему противостоять. Но непонятное исчезновение вятичей нарушало замыслы князя. Кого здесь побеждать? Медведей, что ли?

Князь Святослав был молод, но давно уже познал строгие законы войны. Первый свой поход он совершил трехлетним мальчиком. Лесные жители-древляне убили его отца, киевского князя Игоря Старого, и единственный сын должен мстить...

На широкой поляне среди лесов сошлись два войска - киевское и древлянское. По обычаю, сражение начинал князь, и маленький Святослав метнул копье. Копье упало на землю возле самых ног коня, потому что непосильно тяжелым оказалось для мальчика боевое оружие, но воеводы закричали:

- Князь начал битву! Последуем, дружина, за князем!

И ринулись вперед отважные киевские дружинники, и победили древлян, и восславили киевляне нового воителя за землю Русскую - князя Святослава Игоревича...

Много было потом сражений и походов. Все легче и легче казалось князю Святославу боевое копье. Уже не находилось храбрецов, которые осмелились бы выйти против него на поединок. Седобородые воеводы со вниманием слушали советы молодого предводителя, признавая его воинскую мудрость. Имени князя Святослава стали бояться враги. Он совершал с дружиной стремительные переходы, неожиданно обрушивался на врага и неизменно побеждал.

Но нынешний поход начинался неудачно, вятичи уклонялись от встречи. Снова и снова князь Святослав посылал вперед сторожевые лады:

- Возьмите языка! Узнайте, где искать вятичских старейшин!

Но вятичи будто растворились в своих немеренных лесах.

Вечерами, собираясь на берегу возле костров и прислушиваясь к таинственным шорохам леса, воины шептались о неуловимых лесных жителях, которые будто бы умеют превращаться в диких зверей.

"Может, медведи, которые выходили к реке, и есть заколдованные вятичи? Надо принести жертвы Перуну¹, чтобы он расколдовал лесных людей и отдал нам в руки!"

Старый воевода Свенельд, служивший и отцу Святослава - князю Игорю, и матери его - княгине Ольге, посоветовал высадить на берег конную дружину и углубиться в лес. Как видно, вятичи без сожаления покидают свои деревни, но есть у них священные места - капища, где стоят деревянные идолы. Вятичи весьма почитают идолов и не отдадут их без боя. Важно только найти такое капище, вятичи сами сбегутся отовсюду, чтобы защищать своих богов, и тогда можно поговорить со старейшинами.

- А с дружиной меня пошли, княже, или какого-нибудь другого воеводу, - закончил Свенельд. - Так будет ладно...

- Сам пойду с дружиной в лес! - решил Святослав. Воевода склонил голову, повинувшись княжеской воле.

Глава 2

АЛК ИЗ РОДА СТАРОГО СМЕДА

Отроку Алку было столько лет, сколько пальцев на трех руках и еще два года. Он не достиг возраста взрослого мужчины, но и мальчиком его в деревне уже не считали. Старейшина рода Смед вручил юноше длинный

¹ Перун - древнерусский бог грома и молнии, главный из языческих богов.

прямой нож и колчан с боевыми стрелами; стрелы были длинные, тяжелые, с железными наконечниками и с родовыми знаками на черных древках, с черными же перьями.

Печенег Пур, который пас родовое стадо на лугах за речкой Смедвой, хотел подарить Алку кривую саблю, но старейшина велел повременить. Носить меч или саблю полагалось только взрослому мужчине, а Алк еще отрок. Таков обычай.

Алк не обиделся на строгого старейшину. Не по своему нерасположению он не разрешил взять саблю, а по обычаю. Обычаями род держится...

А дружить с Пуrom старейшина запретить не мог. Печенег научил Алка лихо скакать на коне и разговаривать на печенежском языке. Не многие взрослые мужчины это умели.

До торжественного обряда посвящения в воины Алк жил не с родителями и младшими братьями, а в особой избе на краю деревни, с такими же, как он сам, отроками. Через год, достигнув полного совершеннолетия, Алк получит саблю, построит собственную избу и будет сидеть на совете рядом со взрослыми мужчинами. Пока же ему лишь доверяют сторожить ночью деревню и ходить в цепи загонщиков на охоте.

В здешние места род Смеда переселился не очень давно. Безымянную речку, возле которой построили деревню, люди называли по имени старейшины - Смедвой.

Алк гордился, когда незнакомые охотники, расспросив, кто он такой и из какого рода, уважительно отзывались о старом Смеде. И еще он гордился, что на земле его рода было капище.

Уже на памяти Алка пожар спалил старую Священную Рошу, где обитали родовые боги. Люди вынесли из огня деревянных идолов и поставили их на пологом холме возле самой деревни. Старейшины соседних родов стали собираться у очага Смеда, чтобы обсудить общие

дела и принести жертвы богам. Получалось, что Смед вроде бы старший над всеми старейшинами.

Едва донеслись слухи о походе князя Святослава, старейшины многих родов пришли к Смеду. О чем они говорили на совете, Алк не знал, потому что даже многие взрослые мужчины не были допущены в избу. Но по обильным жертвам, принесенным в тот день богам, можно было догадаться, что вятичам угрожает большая опасность. Разве иначе зарезали бы на капище двух черных быков?

Но вечером старейшина Смед сам пришел к отрокам. Присел на скамью возле очага, провел ладонью по седой бороде, промолвил тихо:

- Слушайте со вниманием, отроки. В нашу землю вошел князь Святослав с войском, бесчисленным, как деревья в лесу, и все воины его одеты в железные рубахи и в железные шапки. Люди спрячутся в лесу, чтобы Святославу не с кем было сражаться и чтобы он поскорее миновал нашу землю. А вы пойдете к Оке-реке и будете смотреть за войском князя. Для такого дела нужны зоркие глаза и быстрые ноги - как у вас, отроки...

После захода солнца юные сторожа покинули деревню.

Неслышно ступали их ноги в мягких башмаках-поршнях.

Руки осторожно раздвигали кусты.

Стройные тела юношей легко проскальзывали между стволами деревьев.

Только старейшина Смед знал, куда повели их лесные тропы.

Утром Алк был уже в назначенном месте, на высоком берегу реки. Он скинул с плеч кафтан из толстой кабаньей кожи и остался в одной рубахе, перепоясанной узким ремешком. Кожаные кафтаны вятичи носили в лесу, чтобы уберечься от колючек и острых сучьев, а здесь, возле реки, кусты были мягкими, ласковыми.

Тихо несла под обрывом свои могучие воды кормилица-Ока, общее владение вятичского племени. Но тревога ощущалась и здесь. На речном просторе не было видно рыбацких челнов, а в деревне на другом берегу - обычного утреннего оживления. Словно вымерло все вокруг, даже птицы примолкли.

Алк сел за кустом, положил под правую руку колчан со стрелами, под левую - лук и приготовился ждать.

Ждать охотники-вятичи умели. Порой приходилось целый день сидеть в засаде недвижимо и безмолвно, потому что сторожкого зверя могло спугнуть любое неловкое движение, шевеление ветвей, даже негромкое поскрипывание стрел в колчане. Малейшая неосторожность обрекала охотника на неудачу.

Солнце стояло прямо над головой, когда из-за поворота реки выскользнули чужие ладьи. Алк не сразу заметил их, потому что ладьи не выплывали на быстрину, а будто крались возле самого берега.

Ладья с хищно поднятым носом проплыла совсем близко. Воины в кольчугах и остроконечных шлемах мерно взмахивали веслами. Гребцы были опытные: ни плеска, ни скрипа уключин. Только за кормой шипит вспененная вода.

Метнулся в кусты дикий кабан. Затрещали, ломаясь, сухие ветви.

Ладья остановилась, тихо покачиваясь на волне.

Бородатый воин, сидевший возле кормового весла, долго всматривался из-под ладони в заросли кустарника. Потом, успокоившись, махнул рукой гребцам. Весла без плеска опустились в воду.

Проплыла вторая сторожевая ладья, третья, четвертая, и со всех ладей воины внимательно осматривали берег. Но Алк ничем не выдал себя, и сторожевая застава князя Святослава уплыла вниз по реке.

Из-за того же поворота показалось сразу множество больших ладей, они заполнили реку от берега до берега.

Блестели на солнце доспехи и оружие. Колыхались на ветру разноцветные стяги. Овальные щиты краснели на черных просмоленных бортах, как перевернутые языки пламени.

Так вот оно какое, войско князя Святослава!

Алк никогда не видел сразу такого множества воинских ладей. Он пробовал считать, загибая пальцы, но скоро бросил это бесполезное занятие. Голова судового каравана уже уползла вниз по реке, а из-за поворота выплывали новые и новые ладьи, и казалось, что им нет конца.

Алк подумал, что старейшины поступили правильно, спрятав людей в лесных убежищах. Сражаться с князем Святославом бесполезно: воинов у него действительно больше, чем деревьев в лесу.

Потом проплыли широконосые суда с высокими бортами из досок - насады. Алк расслышал приглушенное ржание, глухие удары копыт по дереву, а когда насады приблизились, разглядел сверху лошадиные головы.

Конница!

Значит, здесь княжеская дружина, а в других ладьях пешие ратники. Надобно предупредить старейшину Смеда. Вятичи не знали, что судовой караван везет лошадей. И еще надо выяснить место ночлега. Алк решил бежать за ладьями до вечера, чтобы узнать это. Осторожно упятился из кустов в лес, побежал, пригнувшись, вдоль берега, невидимый с реки.

То и дело путь преграждали овраги, во множестве спускавшиеся к реке. Но судовой караван двигался медленно, и Алк, спрямляя изгибы реки, бежал наравне с первыми ладьями.

В лесу к Алку присоединились еще два отрока. Они сразу признали его за старшего. Алк первым заметил ладьи, а потому имел право распоряжаться. Так поступали вятичи на охоте: охотник, первым увидевший зве-

ря, вел за собой всю облаву. А война и облавная охота - разве не одно и то же?

Молодые вятичи послушно бежали за Алком, пережидали в лесу, пока он подкрадется к берегу и своими глазами увидит ладьи, и снова устремлялись вперед, услышав условный свист.

Алка переполняла гордость. Кто из юношей не мечтает стать вождем на войне?

Длинные июньские дни, но и они имеют конец. На реку опускались сумерки. Поползли из оврагов, растекаясь по воде, сизые полосы тумана.

В голове судового каравана протяжно запела труба.

Ладьи неторопливо причаливали к берегу. Воины высаживались на большой луг, огражденный с двух сторон оврагами; дальний от реки конец луга упирался в непроходимую лесную чащу.

Алк удивился опытности воевод князя Святослава. Как они, чужие в этих краях, сумели сразу найти самое удобное и безопасное место для ночлега? Откуда они узнали, что именно здесь всегда останавливались осторожные болгарские купцы¹, приплывавшие с Волги? Может, по следам старых кострищ, черневших среди травы? Но ведь кострищ снизу, с воды, не видно...

Алк забрался на высокое дерево, притаился среди листвы. Военный стан князя Святослава был перед ним как на ладони. Воины копошились на лугу, как муравьи, и Алк не сразу уловил в их беспорядочном движении какой-то смысл.

От толпы отделились дружинники с длинными копьями в руках и редкими цепями стали у оврагов, словно живым частоколом оградили стан от посторонних. К опушке леса поехали всадники.

1 Волжская Болгария - государство на Средней Волге, существовавшее в X - первой половине XIII вв.

Взметнулись стяги на длинных жердях, и толпа возле них была гуще, чем в иных местах. Наверно, там остановились воеводы со своими телохранителями.

Задымилась, запылали костры.

Воины неторопливо прохаживались между кострами, проносили на плечах туши кабанов и баранов, складывали на землю доспехи. Свои длинные копья они вонзали древками в землю, и вскоре луг стал походить на колючее жнивье.

Но где сам князь Святослав?

Алк никак не мог этого понять.

В стане не было нарядных шатров, где обычно ночевали знатные люди. Воины укладывались спать прямо на землю, на звериные шкуры или попоны, а под головы подкладывали седла. Не видно было и медных котлов для приготовления пищи. Воины разрубали мясо ножами, нанизывали на прутья и жарили над костром, каждый для себя. Даже по одежде невозможно было понять, кто из них воевода, а кто простой ратник. Все в длинных белых рубахах, на ногах - кожаные сапоги. И оружие одинаковое: прямые обоюдоострые мечи, копья, боевые луки из упругих турьих рогов¹, топоры-секиры, тяжелые медные булавы.

В подчеркнутой одинаковости войска было что-то необычное и грозное. Будто сказочное боевое братство, о котором рассказывали зимними вечерами старики.

Алк подумал, что искать князя Святослава среди одинаково одетых и одинаково вооруженных воинов бесполезно. Каждый из них мог оказаться князем!

Ночь опустилась на окские берега.

Пламя костров медленно опадало, будто растворяясь в углях, а угли затягивались серым пеплом. Затихали голоса на лугу. Только сторожевые ратники изредка перекликались:

1 Тур - древний бык с длинными, загнутыми вперед рогами. Из рогов тура изготовляли дальнобойные воинские луки.

- Слу-у-ша-а-й!..

Воинский стан князя Святослава засыпал, доверившись бдительности ночной стражи...

Алк спустился с дерева, нашел между корневищами глубокую яму и прилег на песок: завтра предстоял не легкий день, надо набраться сил. А его товарищи побежали через ночной лес, повторяя про себя слова, которые нужно было в точности донести до старейшины Смеда:

"Войско князя Святослава ночует возле Оленьих оврагов. Воинов и ладей очень много, и кони тоже есть. Завтра Алк пойдет следом за войском".

Глава 3

ЧЕРНАЯ СТРЕЛА

Проторенную дорогу, уводившую в лес, нашел десятник Кара. Следы копыт и глубокие борозды от саней-волокуш были на ней еще свежими. Значит, по дороге совсем недавно ездили люди и перевозили тяжести.

Обрадованный десятник поспешил к князю, потому что каждому, кто найдет следы вятичей, была обещана награда - серебряная гривна¹.

Вскоре княжеская дружина углубилась в лес.

Святослав торопился: вятичей нужно застать врасплох, чтобы они не успели убежать из своих домов. А в том, что дорога вела к какой-то большой деревне, сомнений у князя не было.

Вековые сосны вплотную придвинулись к дороге, огромные сосновые лапы сомкнулись над головой, загораживая небо. Было сумрачно и тревожно, будто по дну глубокого оврага ехали всадники. Копыта коней сколь-

¹ Гривна - шейный обруч из серебра, служивший украшением. Гривнами называли в Древней Руси также слитки серебра, заменявшие деньги

зили на влажной земле. На дорогу выскочил заяц, замер на мгновение и испуганно метнулся в кусты.

Кара, ехавший со своим десятком впереди дружины, вскинул было лук, но косого и след простыл, исчез в зарослях. "Напугал, непутевый..." - облегченно вздохнул десятник и откинулся в седле.

Дорога обогнула холм и вдруг исчезла под завалом из могучих сосновых стволов. Ветви завала переплелись - колючие, угрожающе растопыренные, непреодолимые ни для конного, ни для пешего. И обойти завал было нельзя: одним концом он упирался в склон холма, другим - в частый ельник.

Спешенные дружинники бросились на завал яростно и дружно, как на штурм вражеской крепости. Взметнулись острые железные крючья, с глухим стуком вонзаясь в дерево. Десятки рук тянули веревки. Стучали топоры, обрубавшие ветки. Крики, скрежет, треск ломающихся веток, глухие удары падавших на землю сосновых стволов...

Не прошло и получаса, как сквозь разбросанный завал проехали первые всадники.

Потом был еще один завал, но не такой большой, да и строили его вятичи небрежно, торопливо, подрубая только деревья, стоявшие возле самой дороги. Сосны лежали в завале не острыми вершинами вперед, а как попало. Через такой завал продрасться было нетрудно, и дружина почти не задержалась.

Впереди посветлело. Видно, недалеко был конец леса.

Дружинники заторопили коней, оживились. Лучше уж бой, чем этот поход в неизвестность через дремучий лес. В бою все просто: вот он - враг, а вот - верный меч в руке и побратимы-товарищи, плечо в плечо, рядом!

Но поперек дороги - еще один завал, невысокий, неровный, не завал даже, а так, несколько подрубленных деревьев. Десятник Кара, красуясь серебряной шейной гривной, подъехал к нему без боязни. Да и чего бояться?

Если вятичи отдали без боя большие завалы в лесу, зачем им устраивать засаду здесь, возле малого завала?

Звон спущенной тетивы, похожий на мгновенно оборвавшееся жужжание шмеля, был неожиданным. Длинная черная стрела пронзила горло десятника, угадав прямехонько в вырез кольчуги.

А вокруг была тишина. Не слышно было ни торжествующих криков, которые обычно сопутствуют удачному нападению, ни топота убегающих ног, ни даже шелеста листвы на придорожных кустах, и невозможно было понять, откуда и кем пущена смертоносная стрела.

Дружинники осыпали завал стрелами, кинулись, выставив копья, на придорожные кусты. Островерхие шлемы замелькали между деревьями, удаляясь. Но лес был безмолвным и пустым, и только распростертое на дороге тело десятника Кара немо свидетельствовало, что звон тетивы не почудился дружинникам, что неизвестный враг нанес смертоносный укол и, как змея, уполз без следа...

Подъехал князь Святослав, молча снял шлем, поклонился павшему товарищу. Ему подали стрелу, поразившую десятника, - длинную, с черным древком и черным оперением. По зазубренному наконечнику красными бусинками скатывалась кровь. Первая кровь похода.

Князь протянул стрелу воеводе Свенельду:

- Глянь-ка! Зарубки на древке, а рядом будто крестик. Меченая стрела! По этой стреле будем искать с вятичей дикую виру!¹

Широкая и светлая поляна, круглая, как блюдо, была со всех сторон окаймлена синеватой гребенкой леса. Среди сочной луговой зелени кое-где чернели полосы пашни. Причудливо петляла речка, заросшая кустами ивняка. Привольное здесь место, обжитое. За речкой вя-

¹ Вира - штраф за убийство, который платили серебряными гривнами. Если убийцу не находили, то община, на земле которой произошло убийство, сообща платила князю дикую виру.

тичская деревня притаилась. Бревенчатые избы закопаны до половины срубов, крыши плоские, выложенные дерном. Только на отшибе одна изба побольше других, и окружал ее частокол из заостренных кольев.

Воевода Свенельд повелительно взмахнул рукой.

Сотня дружинников на гнедых конях с гиканьем и свистом понеслась к деревне, охватывая избы полукольцом. Но деревня была пуста, только ветер покачивал двери покинутых изб. Опять неудача?

К князю Святославу подъехал дружинник из бывшего десятка Кара, прокричал торжествующе:

- Там идолы, княже! Капище!

За деревней, возле березовой рощи, торчал могучий дубовый столб, потемневший от времени и непогоды; на высоте человеческого роста в него были высажены устрашающие кабаньи клыки, а венчался идол подобием головы, грубо вытесанной топором. Земля перед большим идолом была обильно полита кровью жертвенных животных, почернела и запеклась, как кострище. Рядом стояли идолы поменьше, тоже темные, щелястые, зловещие.

Капище было окружено забитыми в землю кольями, на которых белели черепа животных - быков, баранов, свиней. Только медвежьих и кабаньих черепов не было на ограде. Лесных зверей вятичи почитали почти что наравне с идолами, а вылепленными из глины медвежьими лапами украшали свои избы.

Ни один дружинник не ступил на священную для вятичей землю капища. Так приказал князь Святослав, посоветовавшись с воеводами. Чужих богов обижать нельзя. Чужие боги могут жестоко отомстить за обиду. Вятичи тоже не простят пришельцам, если они нанесут ущерб святыне. А князь Святослав надеялся сойтись со здешними старейшинами на мире, не на войне. Хоть далеко земля вятичей от Киева, но люди в ней не чужие, одного с другими славянами языка и племени.

И деревню князь не велел трогать, выбрал место для стана поодаль, посередине поляны.

Как всегда в чужой земле, воины вырыли вокруг стана глубокий ров, поставили на его краю частокол из заостренных кольев, сколотили деревянные мостки, чтобы самим можно было быстро выбежать в поле. Вечером они загнали коней за ограду и сами укрылись в стане, как в крепости. Только копья сторожевых ратников тихо покачивались над частоколом.

Ночь прошла спокойно. Перед рассветом сторожевым ратникам почудилось шевеление за рвом. Там скользили какие-то неясные тени, слышались приглушенные голоса.

Известили князя. Он долго стоял у частокола, вглядывался в предрассветный сумрак и, угадав присутствие в поле множества людей, удовлетворенно рассмеялся: хитрецы-вятичи собрались-таки к своему капищу!

Глава 4

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА МИРА

Коршуны кружили над поляной, и в их неторопливом полете было ожидание. Когда вместе собиралось так много людей, после них всегда оставалась вкусная еда.

Коршуны ждали своего часа.

С высоты птичьего полета на поляне были отчетливо видны два огромных кольца, одно внутри другого. То кольцо, что было поменьше, отливало сизым блеском железа, щетинилось колючками копий. Это за рвом, желтевшим свежим песком, изготовилась к бою дружина князя Святослава.

Наружное большое кольцо колыхалось множеством простоволосых голов и меховых шапок, красно-коричневыми пятнами щитов, сплетенных из ивовых прутьев и обтянутых бычьей кожей, матовыми отблесками топоров

и камышовой порослью охотничьих рогатин; оно то сжималось, то разбухало в стороны, пенилось, словно мутный речной прибой, готовый захлестнуть островок княжеского воинского стана. Множество вятичей из ближних и дальних деревень сошлись вместе, чтобы прогнать чужих людей от капища или умертвить их.

Впереди вятичского воинства стояли признанные храбрецы, дерзко подставившие стрелам голые груди. Всю одежду их составляли холщевые штаны, туго перетянутые ремнями и заправленные в сапоги, а оружие - огромные топоры-секиры, такие тяжелые, что рубиться ими можно только двумя руками. Зато сокрушительными были удары вятичских боевых секир, они разрубали даже железные доспехи.

Дальше стояли копьеносцы, составив вплотную щиты, а за ними притаились лучники - молодые воины, для которых эта битва будет первой.

На первый взгляд вятичское войско казалось грозным и непреборимым, способным задавить врага своей многочисленностью, но князь Святослав был уверен в победе. Он знал, что вятичи нестойки в рукопашном бою, потому что кольчуги и панцири имеют немногие. Начиная сражение, вятичи устрашающе кричат, делая вид, что собираются напасть, а на самом деле лишь запугивая противника. Если тот остается твердым, вятичи сами обращаются в притворное бегство, чтобы заманить в засады. Важно только не дрогнуть и не поддаваться на их хитрости. В прямом бою княжеская дружина разрубит беспорядочную толпу, как нож разрубает мягкую ковригу хлеба...

Вот и сейчас вятичи, по известному обычаю своему, испустили оглушительный вопль, разом качнулись вперед. И - остановились!

Потом снова закричали все вместе и снова сделали лишь несколько шагов.

На расстоянии перестрела¹ от рва вятичское воинство встало окончательно.

- Мыслью, на приступ вятичи не пойдут, - сказал Святослав воеводе Свенельду. - Пора говорить со старейшинами.

- Пора! - согласился Свенельд.

Протяжно, успокаивающе пропела труба в стане князя Святослава.

Вятичи попятились, как бы приглашая выйти в поле.

Пешие дружинники раздвинули колья частокола, перебросили через ров мостки. Сын воеводы Свенельда - старший дружинник Лют Свенельдович - вышел за ограду с зеленой веткой в руке, знаком мирных намерений.

Он шел под тысячами настороженных взглядов, мягко ступая сапогами по траве, весь облитый железом доспехов, но без меча у пояса.

Смуглое лицо Люта было строгим и торжественным, движения неторопливыми и величественными. Горячая степная кровь, доставшаяся в наследство Люту от матери-венгерки, выдавала себя лишь нетерпеливым блеском узких черных глаз. Будто два мира сошлись в посланце князя Святослава: лихая необузданность степного ветра и спокойная непоколебимость русских лесов. Но сейчас лихость смирилась перед спокойствием...

Вятичи продолжали пятиться, расходясь в стороны и освобождая послу дорогу к кучке старцев в длинных белых плащах и меховых шапках - старейшинам вятичских родов.

Старейшины стояли, одинаково опираясь на посохи, и молча смотрели на Люта. В их глазах не было ни страха, ни удивления - только гордая уверенность.

¹ Перестрел - древнерусская мера длины, равная полету стрелы (примерно 100 шагов)

Лют положил березовую ветку к ногам старейшин и, отступив на шаг, поднял обе руки, показывая всем, что пришел без оружия.

Повинуясь едва заметному жесту одного из старейшин, молодой вятичский воин бережно поднял ветку с земли. Лют облегченно вздохнул: вятичи согласны говорить о мире!

Рабы князя Святослава расстелили на лугу большой пестрый ковер, положили на одном конце несколько полосатых подушек, а на другом - седло, окованное серебром. Озираясь на молчаливые ряды вятичей, они отбежали к стану, и почти тотчас на мостки, перекинутые через ров, ступил князь Святослав.

Он был пешим, но два дружинника вели следом рослого воинского коня. Длинный княжеский меч был привязан к седлу.

Отставая на полшага, за князем шествовал воевода Свенельд. Серебряная цепь на шее воеводы позвякивала о железо панциря, на левой руке покачивался овальный красный щит с медной бляхой посередине, рука в железной рукавице поддерживала ножны прямого меча, боевой топорик заткнут за пояс. Воевода Свенельд как бы олицетворял собой грозную мощь дружинного войска.

А князь Святослав был одет просто. Белая рубаха, перепоясанная красным ремешком с бляшками. Сапоги тоже красные, с загнутыми вверх острыми носами, без каблуков. Князь был среднего роста, не слишком высокий, но и не слишком низкий, с густыми бровями, с голубыми глазами, с бритым подбородком и длинными усами: голова чисто выбрита, лишь на одной ее стороне оставлен локон волос, свидетельствующий о знатности рода. В левом ухе покачивалась золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посередине, - единственная драгоценность, которую Святослав надевал на себя. Шея у князя была толстая и крепкая, плечи широкие, в мускулистых руках угадывалась большая си-

ла. Взгляд из-под нависших бровей казался властным и строгим. Такого человека нельзя не запомнить, он внушал уважение и трепет...

Князь Святослав опустился на седло, заскрипевшее под его тяжестью, и застыл неподвижный, как каменное изваяние. Воевода Свенельд остановился за его спиной.

Приблизились вятичские старейшины и, повинувшись приглашающему жесту князя, присели на подушки. Они тоже были без оружия, но длинные посохи, положенные рядом на ковер, хищно поблескивали острыми железными наконечниками.

Ближе других сидел, положив на колени узловатые руки, седобородый старец со светлыми, почти белесыми глазами. Такие глаза князь Святослав видел у одного киевского гуслера, помнившего еще Олега Вещего. Люди говорили, что гуслер давно разменял вторую сотню лет своей жизни. И этот вятич старше всех старых. С ним, видно, и придется говорить...

Святослав угадал правильно - говорить начал белоглазый старец, а остальные старейшины почтительно слушали, кивая головами:

- Мое имя Смед. Я старейшина рода, на земле которого ты сидишь. Вятичи спрашивают: зачем ты пришел? Другом или недругом? С миром или с войной? Отвечай, князь, пока не пролилась кровь...

Святослав вытащил из-за голенища черную стрелу и протянул старейшине:

- Гляди! Кровь уже пролилась! Этой стрелой убили храброго воина из моей дружины!

Старейшина Смед принял стрелу, задержал взгляд на метке:

- Кровь твоего воина не останется без искупленья. Но ты еще не ответил...

- Кому вы, вятичи, даете дань? - резко прервал его князь.

.

- Хазарам, - помедлив, ответил Смед. - Хазарам, которые приходят с Волги.

- Разве у вятичей много лишних мехов? - напористо спрашивал Святослав. - Или меда? Или воска? Или одежды? Или хлеба, чтобы отдавать все это людям чужого племени?

- Когда берут дань, не спрашивают о желании, - возразил Смед.

- Тогда выслушай древнее сказание и постарайся понять его смысл, - сказал Святослав. - В стародавние времена жили в лесу на горах, над рекой Днепром, где ныне стоит стольный Киев, люди славянского племени - поляне. И нашли их хазары и сказали: "Платите нам дань!" Поляне, посоветовавшись между собой, дали хазарам по мечу от дыма¹. Отнесли мечи хазары к своему князю-кагану и к своим старейшинам и сказали им: "Вот новую дань взяли мы". И сказали тогда старцы хазарские: "Недобрая это дань. Вы доискались ее оружием, острым лишь с одной стороны, то есть саблями, а у полян оружие обоюдоострое, то есть мечи. Не взять с них дани, но сами они будут собирать дань с иных земель!" Так и получилось. Поляне никому не платят дани, но берут со многих. В чем смысл древнего сказания, старейшина?

И опять за всех старейшин ответил Смед:

- В том, что дань собирают оружием и оружие же освобождает от дани. Но у вятичей мало мечей и живут они каждый своим родом, друг от друга отдельно. Хазары приходят неожиданно, многим множеством воинов, и если не дают им ничего, то вырезают один род, потом другой, потом третий, пока остальные не устроятся и не принесут дань. Не для вятичей твое сказание, но для племени, собранного в одну горсть...

1 От дыма - то есть от каждого двора, где был очаг

- Ты сам догадался, старец, зачем я пришел в землю вятичей! - торжественно произнес Святослав, поднимаясь с седла; следом за ним встали старейшины. - Я хочу собрать вятичей в одну горсть! И не в горсть даже - в крепкий кулак! Настало время вятичам склониться под власть Киева! Тогда я скажу: между нами мир! Не другом я пришел сюда и не недругом - господином!

Смед молчал, поглаживая ладонями бороду. Другие старейшины выжидательно поглядывали на него. А Смед думал.

Слова молодого киевского князя не были для него неожиданными. Пришло время вятичам выбирать свою судьбу. Сколько можно стоять на перепутье? Сами не решим - другие заставят. Со всех сторон сильные народы давят: с Волги - хазары, с Камы - болгары, из степей - печенеги. С закатной стороны¹ киевская держава надвигается, обтекая земли вятичей полукольцом подвластных племен и народов. В одиночку вятичам не выстоять, нужно к кому-то прислоняться. А если уж выбирать, то единокровную Русь!

Но легко ли решиться вот так, сразу? С дороги на тропинку свернуть - и то задумаешься, а тут речь идет о судьбе целого народа... И старейшина Смед возразил осторожно:

- Вятичи не свободны в своем выборе, ибо давно даем дань хазарам. Мы согласимся, а они, может, нет? Не случится ли так, что ты уйдешь, а хазары снова придут в нашу землю, покарают нас и возьмут дань вдвойне?

- Защищать людей своих - княжеская забота. Сам с войском останусь зимовать в земле вятичей и буду щитом ей. А весной вместе пойдем на Хазарию...

И еще одно сомнение высказал старейшина Смед:

- Вятичи привыкли жить по своим обычаям, повиноваться своим старейшинам... И боги у нас тоже свои...

¹ Закатная сторона - запад.

- Неволить не буду, живите как хотите! - решительно сказал князь. - Будете давать мне воинов для походов и дань не больше, чем давали хазарам. На сказанном клятву принесу своим богам, а вы - своим. Мир или войну выбирают вятичи?

- Мудрые говорят: худой мир лучше доброй ссоры, - вздохнул старейшина.

- А по мне, лучше война, чем недобрый мир! - возразил Святослав. - Что выбирают вятичи, добрый мир или войну?

- Мир, который ты предлагаешь вятичам, может быть добрым, если исполнишь обещанное...

- Исполню!

Старейшина Смед поклонился князю и торжественно произнес:

- Будь господином в земле вятичей!

Другие старейшины послушно повторили:

- Будь господином!

Радостные крики разнеслись над поляной:

- Мир! Мир!

Вятичи складывали на землю оружие, приветственно взмахивали руками:

- Мир!

Из стана выезжали конные дружинники. Мечи мирно покоились в ножнах, в руках - зеленые ветки.

- Мир!

Празднично ревели трубы.

Вятичи несли дружинникам деревянные чаши с медом, круглые хлебы, куски жареной дичи. А проворные княжеские рабы уже подбегали к старейшинам с кувшинами вина.

Князь Святослав пригубил серебряную чашу и передал Смеду:

- Пусть будет между нами добрый мир!

Глава 5

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Князь Святослав и думать забыл о черной стреле: не до того было, неотложных забот накопилось невпроворот. Шутка ли, целая земля, равная доброй половине Руси, становилась под его державную руку!

Из глухих заокских лесов, с неведомых доселе княжеским мужам рек Цны, Пры, Унжи, Колпи и иных многих приходили старейшины с данью и клятвами верности. Всех надобно принять с честью, обласкать, условиться о числе воинов, которые пойдут вместе с князем в весенний поход. И свои воеводы отъезжали с конными ратями в разные концы земли вятичей, и каждому нужно было указать, куда идти и как вести дела.

Заботы, заботы без конца...

Поэтому Святослав даже удивился, когда к нему пришел старейшина Смед и многозначительно сказал, что выполнил обещанное. Два угрюмых вятичских воина ввели в избу юношу в длинной белой рубахе, босого. Руки юноши были связаны за спиной сыромятным ремешком.

- Я обещал найти человека, который убил твоего воина. Это он, - объяснил старейшина. - Род выдает его головой за смертоубийство.

Святослав, воевода Свенельд и гридни-телохранители, которые вошли следом за вятичами, с любопытством разглядывали юношу, а тот, чувствуя их недобрые взгляды, держался подчеркнуто прямо и гордо.

Глаза у юноши были голубые-голубые, совсем такие же, как у самого князя Святослава, и в них не было страха - только тоскливая безнадежность. Видно, юноша смирился со своей горькой участью и был готов принять любое, самое жестокое наказание.

Князю Святославу молодой вятич понравился. Достоинно держится!

Святослав любил смелых людей и многое прощал за смелость. А тут, кроме мимолетного расположения к смельчаку, был еще дальновидный расчет. Князь понял, что ему представляется случай показаться перед вятичами не только сильным, но и милосердным.

Разумный правитель не должен быть излишне жестоким. Жестокость порождает неверность, а доброта - благодарность и ревность к княжеской службе. Но, заранее решив, что помилует молодого вятича, князь спросил его подчеркнуто строго:

- Верно ли, что ты убил воина?

Юноша молча кивнул головой.

Старейшина Смед торопливо объяснил, снимая вину с остальных родичей:

- Это он, он! На всем роде вины нет, только на нем. Род не поручал ему проливать кровь, но только следовать за твоим войском в отдалении...

- Зачем же ты пустил стрелу? - удивленно спросил Святослав.

Юноша разлепил упрямо сжатые губы, проговорил хрипло, с усилием:

- Твое войско шло к капищу... Лесные завалы не остановили войско... Я хотел убить воеводу или другого знатного человека, чтобы воины остановились...

- Но ты убил простого десятника!

- Я видел на нем серебряную гривну... Серебро носят на груди только знатные люди...

Святослав вспомнил, как радовался десятник Кара, принимая в награду серебряную гривну. Гривну, которая погубила его спустя несколько часов... Вспомнил и нахмурился.

Тяжелое молчание повисло в избе. Гридни уже придвинулись к юноше, готовые схватить его по первому знаку. Но Святослав остановил их жестом, заговорил медленно, как бы взвешивая слова и размышляя, на что решиться:

- Кровь за кровь... Есть такой обычай у нас... Но есть и другой обычай, столь же древний, - жизнь за жизнь... К чему склониться? Кровь за кровь или жизнь за жизнь?

Люди слушали, затаив дыхание и стараясь угадать, каким решением закончит князь свою речь-размышление. А Святослав продолжал - так же медленно и значительно:

- Отрок пролил кровь до объявления мира. Он не знал, зачем идет войско - с миром ли, с войной ли. Оттого вина его вполовину меньше...

Воевода Свенельд кивнул, соглашаясь:

- Да, это было до мира!

- Мне не нужно крови этого отрока, старейшина! - решительно сказал Святослав. - Пусть он заменит павшего по его вине воина. Да! Пусть будет так: жизнь за жизнь! Это справедливо?

- Справедливо! - обрадованно поддержал старейшина Смед, разрезая ножом ремень на руках юноши, и добавил строго: - Отрок Алк! Служи князю верно, как служил роду своему!

- Но сможет ли сей млад заменить десятника? - усомнился воевода Свенельд. - Кар был отважным воином.

- Алк молод, но проворен и храбр, - заступился Смед за своего родича. - Он скачет на коне, как прирожденный степной наездник. Он владеет луком не хуже охотников за рысями. Он понимает печенежский язык...

- Столько много достоинств у столь юного воина? - недоверчиво улыбнулся князь.

- Так испытай его! - предложил Смед.

- Испытай, княже! - заговорили дружинники. - Пусть покажет, что умеет.

И воевода Свенельд тоже сказал:

- Испытай!

Алка подвели к длинной коновязи из березовых жердей, возле которой стояли воинские кони.

- Выбирай!

Алк неторопливо прошелся вдоль коновязи и указал на рослого гнедого жеребца, бешено взрывавшего копытами землю:

- Вот этот!

Дружинники переглянулись: выбор юноши показался им неразумным. Гнедой жеребец, недавно купленный у печенегов, был диким, не обученным ходить под седлом. Даже табунщики боялись приблизиться к нему.

Осторожный Смед посоветовал было взять другого коня, помирнее, но князь властно оборвал его:

- Воин сам выбирает коня. Пусть отрок возьмет того, на которого упал его взгляд.

Гнедой жеребец беспокойно всхрапывал, скалил зубы, косился на людей налитыми кровью глазами. Алк осторожно приблизился к нему, протянул руку к холке и едва успел отпрыгнуть, чудом избежав удара копытом.

Отвлекая внимание жеребца, с другой стороны коновязи подошли дружинники. Конь навалился грудью на прогнувшуюся жердину, силясь дотянуться до них зубами.

Смед подсказал юноше:

- Пора!

Алк с разбегу вскочил на спину коня, покрытую лишь тонкой попоной, и вцепился руками в гриву. Дружинники проворно отвязали уздечку от коновязи и кинули свободный конец Алку.

Как черная молния, взвился жеребец, пронесся по полю и исчез за Священной Рощей. Затихал, быстро удаляясь, судорожный перестук копыт.

Лют Свенельдович усмехнулся:

- Своими руками отпустили полоняника. Ищи теперь его, как ветра в поле!

Совсем тихо сказал Лют, на ухо отцу, но старейшина Смед услышал его слова и обиженно возразил:

- Алк не убежит. Род отдал его князю, и он не опозорит свой род. Если отрок останется жив, он вернется.

Алк вернулся - пропыленный, в разорванной одежде, с воспаленными от ветра глазами. Закостеневшие пальцы юноши так крепко вцепились в уздечку, что дружинники с трудом разжали их.

Но и конь устал. Он стоял, покачиваясь на дрожащих ногах, дышал тяжело, загнанно, и в глазах его не было прежней бешеной злости - только покорность воле наездника. Конь был усмирен.

Потом Алк из своего охотничьего лука метал стрелы в красный круг, прислоненный к стволу березы, и попадал без промаха. Потом рубился тупыми мечами с кричем Вестом и выстоял против него.

Дружинники одобрительно переглядывались.

Слово было за князем, и Святослав произнес это слово, одно-единственное слово, решившее судьбу молодого вятича:

- Достоин!

Гридни окружили нового товарища, повели к дружинной избе. Алк пошел с ними, все еще не веря, что все страшное позади, что он прощен и что не пленник он отныне, а княжеский дружинник. У Алка кружилась голова, и казалось, что он все еще мчится по полю на бешеном коне, а перед глазами, сливаясь в сплошную полосу, мелькают колючие репейники и луговая трава...

Только вечером, чувствуя на плечах непривычную тяжесть кольчуги, Алк поверил наконец, что все происходившее с ним сегодня не сон, а явь. Княжеское прощение, приветливые слова дружинников, доверие десятника Веста, поставившего его одного в карауле у самого леса - все это действительно было!

Кажется, вот он, лес рядом, шагни и скройся в темноте, ведь никто не приглядывает за Алком, один он здесь в карауле. Но крепче сыромятных ремней связало Алка доверие новых товарищей, и он чувствовал;

что не сможет обмануть их, что существуют узы не менее прочные, чем прежние, родовые, а имя этим узам - д р у ж и н а.

- Утром мимо Алка проехал князь Святослав. Он кивнул юноше приветливо, но равнодушно, как будто не было ничего удивительного в том, что вчерашний враг сторожит лагерь в кольчуге княжеского дружинника.

А может, и действительно нечему было удивляться?

Воины из многих славянских племен - поляне и северяне, древляне и радимичи, кривичи и дреговичи, уличи и тиверцы - приходили на службу к князю Святославу и, переварившись в общем дружинном котле, забывали родовые обычаи. Что особенного, если в дружину пришел еще и воин из племени вятичей? Не первый и не последний воин, вступивший в боевое дружинное братство...

Глава 6

ДРУЖИННОЕ БРАТСТВО

В своей деревне Алк привык верховодить среди сверстников. Даже многие взрослые мужчины уступали ему в искусстве стрельбы из лука и в верховой езде. Теперь Алку заново приходилось утверждать себя в глазах людей, и не все у него ладилось. С другой меркой подходили дружинники к достоинствам воина, и оружие в дружине было другое, непривычное для юноши. Даже кольчугу Алк не сразу научился надевать, а боевой лук из турьих рогов и вовсе оказался непослушным. Алк с трудом натягивал тугую тетиву, руки от напряжения дрожали, и стрелы пролетали мимо цели.

Обидно!

Алк уединялся в лесу и часами натягивал непослушную тетиву, сначала просто так, без стрелы, потом со

стрелой, взаправду. Дзинь ... дзинь... дзинь... - звенела стрела, как струна на гусях. Дзинь...

Немало дней прошло, пока Алк снова удивил товарищей своей меткостью и заслужил скупую похвалу десятника Веста.

Еще труднее давалось искусство рубиться мечом, а ведь в этом было главное достоинство княжеского дружинника. Ободренный успехом в первом поединке с Вестом, Алк смело вышел на бой и потерпел полную неудачу. Неуловимым движением десятник трижды выбивал меч из руки Алка, и тому пришлось поднимать свой меч с земли под насмешливыми взглядами дружинников. Видно, прославленный поединщик просто пожалел молодого вятича перед лицом князя, сражался тогда вполсилы, и следовало долго учиться, чтобы сражаться с княжескими дружинниками на равных...

И Алк постигал хитрую воинскую науку старательно, до изнеможения, до тупой боли в натруженных плечах. Десятник Вест был терпелив, а Алк настойчив. Оба они, учитель и ученик, оставались довольны друг другом.

Дружинники похвалили Алка за успехи, но в их словах Алк чувствовал насмешливое снисхождение. Алк понял, что новые товарищи еще не полностью приняли его в свою семью, лишь присматриваются. Понял и не обиделся. Как оценить воина до настоящей битвы? Разве можно назвать побратимом¹ человека, о котором пока не известно, будет он твердым перед лицом смерти или покажет спину врагу?

На побратимстве держалась дружина. Оставшийся вне побратимства воин не мог считать себя полноправным дружинником. Не мастером считался такой человек, а лишь подмастерьем. Как вятичский юноша Алк, еще не имевший случая показать себя в бою... Алк жаждал боевого отличия. Но все лето было мирным. Если и слу-

¹ Побратим - названный брат

чались бои, то лишь для ученья, тупыми мечами. В таких боях можно показать силу и ловкость, но не воинскую доблесть.

Князь Святослав словно забыл о молодом вятиче, заменившем в дружинном строю десятника Кара. Другие дела занимали князя, но знать о них Алку было не дано.

Как-то неожиданно подкралась и вошла в силу осень. Рассветы стали прозрачными и холодными, как родниковая вода. Утром в низинах уже ложились первые осенние заморозки. Солнце еще щедро разливало свет, но не обжигало, как летом, а лишь слегка касалось земли ласковым теплом.

В один из ясных осенних дней к князю Святославу приехали послы из Волжской Болгарии.

Послов ждали давно. Еще летом с попутным купеческим караваном князь Святослав отправил богатые дары болгарскому царю и намекнул, что желает быть с ним в мире и дружбе.

Воевода Свенельд уверял, что болгарский царь откликнется. Волжская Болгария искала союзников, которые помогли бы ей освободиться от обременительной хазарской дани. В прошлые времена болгарские цари посылали посольства и в Хорезм, и к арабскому халифу в Багдад, не смущаясь немыслимой дальностью расстояний. А теперь совсем рядом, в земле вятичей, вдруг остановилось сильное войско, которое можно повернуть против Хазарии. Разве упустит болгарский царь такой случай?

Свенельд оказался прав. Болгарские послы приехали.

Правда, прибыли они с большим промедлением и не пышным посольством, а тайком, в одежде простых купцов, с немногими слугами. Видно, болгарский царь осторожничал, боялся раньше времени навлечь на себя гнев хазар. Ну что же, пусть хоть так. Осуждать царя не следовало, его можно понять. Старшая дочь царя замужем за хазарским Каганом, а единственный сын то-

мился заложником в хазарской столице - городе Итиле. Кому хочется рисковать родной кровью?

Понять-то Святослав понял, но решил, что показать свое неудовольствие болгарскому царю за потаенность посольства тоже не будет лишним. Он не удостоил послов личной беседой. Переговоры были поручены воеводе Свенельду.

Нелегкими оказались эти переговоры.

Болгарские послы осторожничали не меньше своего царя, не хотели себя связывать твердыми обязательствами. О совместном походе на Хазарию они слушать не хотели, испуганно отмахивались широкими рукавами халатов:

- Нет! Нет! Такого мы не можем!

Однако беспрепятственно пропустить войско князя Святослава через царские владения на Волге послы все-таки обещали. И еще обещали дать суда для перевозки воинов и припасов, если у самого Святослава судов окажется недостаточно. Только пусть князь возьмет суда, оставленные в условленном месте, как бы насильно, без ведома болгар. И пусть князь пройдет через Болгарию как бы войной, а царское войско запрется в крепости и ничем мешать не будет...

Князь Святослав только посмеивался, слушая рассказы Свенельда о лукавой хитрости послов, которая навряд ли могла ввести в заблуждение хазарских правителей:

- Пусть тешатся надеждой, что обманули хазар. Нам главное - пройти по Волге спокойно. А мнимую войну, если им того хочется, устроим: и избы в деревнях сожжем, и возле болгарских градов пошумим, чтобы было вроде взаправду...

Договор скрепили взаимными клятвами, и болгарское посольство отбыло так же тихо, как приехало. Волжский путь к Итилю был открыт для русского войска.

Князя Святослава больше тревожила сухопутная дорога, по которой пройдут в Хазарию конные дружины: в степях между Волгой и Доном господствовали печенег-и.

Кочевые печенежские племена ворвались сюда давно, почти сто лет назад, но известно о них было немного. Печенеги старались не пускать в свои кочевья чужих людей, а смельчаков, которые на свой страх и риск углублялись в Дикое Поле, безжалостно убивали. Известия о печенегах доходили до Руси стороной, через другие кочевые народы.

Рассказывали, что печенеги - многочисленный и богатый народ, владеющий большими табунами коней и стадами баранов; у них драгоценные сосуды, серебряные пояса и хорошее оружие, большие трубы в виде бычьих голов, рев которых поистине ужасен. Вся Печенегия разделяется на восемь округов с великими князьями во главе, а округа в свою очередь - на племена, в которых тоже есть князья, и таких князей сорок. Все они воинственны и алчны. Своими набегами печенеги внушают страх соседним народам.

Рассказывали, что набег печенегов подобен удару молнии, а отступление их тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, печенеги предупреждают молву об этом, отступая, даже не дают возможности преследователям взглянуть на себя - так они стремительны. Жизнь мирная - для них несчастье, а верх благополучия - удобный случай для нападения. Самое худшее, что печенеги своей численностью превосходят весенних пчел, и никто еще не сосчитал, сколькими тысячами или десятками тысяч они нападают...

Князь Святослав знал о воинственности печенегов, но знал и другое: опустошая набегами соседние земли, печенеги сами много страдали от хазар. Ежегодно хазары совершали походы в печенежские степи, захватывали

пленников и продавали в рабство азиатским купцам. Печенегии ненавидели хазар и вредили им чем могли. Эта ненависть поможет сговориться о совместном походе на Хазарию или хотя бы о благожелательности печенегов при переходе русской конницы через их владения...

Осень - самое подходящее время для переговоров с печенегами.

Зимой печенеги кочуют возле теплого моря, откуда с наступлением весны начинают двигаться с табунами и стадами к северу, по мере того как солнце выжигает пастбища, и оказываются в конце концов совсем близко от славянских земель, на расстоянии нескольких дней пути. С наступлением же холодов они снова уходят к морю, и найти их трудно. Значит, посольство к печенежским вождям надо посылать, не откладывая до зимы.

Долго и тщательно выбирали посла. Князь Святослав не единожды советовался с воеводой Свенельдом, с руководителями пешей рати Воистом и Асмудом, со старым боярином Алвадом.

Сошлись на Люте Свенельдовиче, ибо он походил обликом на степняка, был неутомимым наездником и уже ездил с посольством к другим печенегам - тем, которые кочевали у реки Днепра.

В товарищи к Люту назначили десятника Веста, и тоже не без умысла. Известно было, что печенеги очень уважают больших и сильных людей. А кто мог сравниться с Вестом мощностью плеч и ростом? Богатырь!

Когда заговорили о толмаче-переводчике, князь Святослав сразу вспомнил о молодом вятиче, понимавшем печенежский язык. Пусть послужит в посольстве, покажет усердие и верность!

Так исполнилось желание Алка.

Разве поездка в стан свирепых печенегов не равна по опасности самому большому сражению?

Глава 7
ДИКОЕ ПОЛЕ

До реки Прони посольство ехало лесами.

Но леса здесь были не дремучими и хмурыми, как в родных местах Алка, а нарядными, веселыми, насквозь прошитыми солнечными лучами.

Часто попадались поляны, такие просторные, что казалось, тянутся до самого горизонта. Но всадники выезжали на возвышенности, и снова впереди открывались леса, вечные спутники вятичей в пути.

За рекой Проней, которая отливала студеным серебром, как кривая печенежская сабля, лес кончился. Дальше тянулась безбрежная степь.

Алк никогда раньше не видел сразу столько земли и столько солнца. Он остановился на высоком речном берегу, ошеломленный.

Вест ткнул его кулаком в бок, хрипло рассмеялся:

- Ослеп, что ли?

- Просторно-то как, - только и вымолвил юноша.

- Здесь малая степь начинается, - заметил подъехавший Лют. - Еще и справа, и слева леса есть, у Дона и у Рановы. А вот прямо, на полуденную сторону¹, большая степь начнется, без конца и без края. Настоящее Дикое Поле.

На пронском берегу Лют Свенельдович приказал надеть кольчуги и шлемы, которые дружинники везли привязанными к седлам, и решительно направил коня к броду. Всадники сбились плотной кучкой, готовые отразить неожиданное нападение. Зашуршала под копытами жесткая степная трава. Высоко в небе кружился орел. Алк с завистью поглядывал на грозную птицу. Сколь далеко видит она!

¹ Полуденная сторона - юг

Лют Свенельдович был серьезен и озабочен. Безлюдье в степи не успокаивало его. Как истинные степняки, печенегии умели подбираться незаметно, будто волки. Правда, обычай защищал послов, но откуда знать печенегам, с миром или с войной пришли чужаки? Все решит первая встреча...

Беспокойство Люта передалось дружинникам, и они настороженно оглядывались по сторонам, вздрагивали, когда из травы с шумом вырывались птицы. Только Вест благодушно улыбался, подставляя лучам солнца круглое лицо. Чего беспокоиться? Меч-то он всегда успеет обнажить, а остальное его не касалось. На то есть Лют Свенельдович, старший в посольстве.

Как ни остерегались, встреча с печенегами оказалась неожиданной. Из оврага высыпали всадники в длинных черных одеждах, островерхих колпаках, обтянутых черной же тканью, - не понять, шлемы под ней или шапки из плотного войлока. Печенеги на скаку натягивали луки, размахивали копьями и трехгранными кривыми мечами.

Дружинники встали плотным кольцом возле Люта, ошетинились копьями. Печенеги закружились вокруг посольства диким хороводом, почти касаясь наконечников копий своими развевающимися черными одеждами, угрожающе визжали, скалили желтые зубы. Казалось, еще мгновение - и они сомнут горстку дружинников.

Лют Свенельдович поднял над головой зеленую ветку.

Хоровод печенежских всадников постепенно замедлил свое бешеное вращение, умолкли крики и визг. Наконец, печенеги остановились, опустили мечи и копья.

- Мы идем к вашим вождям! - крикнул Алк по-печенежски. - Не убивайте нас, но дайте проводников. Жизнь послов неприкосновенна!

Вперед выехал печенежский воин с длинной бородой, в которую были вплетены ленточки. Под его одеждой угадывались складки кольчуги, на запястьях покачива-

лись массивные серебряные браслеты. Браслеты и серебряные пояса свидетельствовали у печенегов о знатности рода, и послы поняли, что от этого человека зависит их судьба.

Алк повторил свою просьбу, добавив, что посольство приехало от славного и непобедимого князя Святослава. Бородатый печенег что-то прокричал резким, срывающимся на визг голосом и указал пальцем на землю.

- Он требует, чтобы мы бросили оружие в траву, - перевел Алк. - Тогда он выслушает нас.

Лют Свенельдович кивнул дружинникам. Копья и мечи полетели на землю.

Печенег снова заговорил, уже спокойнее, дружелюбнее:

- Если вы действительно послы, то ваша жизнь в безопасности. Завтра вы предстанете перед вождями печенежского народа. Следуйте за моим конем и не пытайтесь убежать...

Кольцо печенегов разомкнулось, пропуская посольство.

Лют Свенельдович облегченно вздохнул, обтер ладонью вспотевший лоб. Начало положено, первый мостик к печенегам перекинут...

Печенежский стан находился в низине и открылся взглядам послов неожиданно, когда они поднялись на гряде холмов. За составленными кругом повозками теснилось множество юрт из бурого войлока, а среди них большой белый шатер - жилище вождя. Едкий кизячный дым струился над круглыми кровлями, развевались на ветру лошадиные хвосты, привязанные к концам длинных жердей - бунчуки. Сколько бунчуков торчало над юртами, столько сотен воинов было в стане.

Из-за телег высыпала огромная толпа печенегов, которые с пронзительными криками, размахивая топорами и обнаженными мечами, побежали навстречу дружинни-

кам, грозя растерзать, затоптать в пыльную землю, изрубить в куски...

Лют и его спутники остановились, захлестнутые бующей толпой, и уже прощались с жизнью - столь устрашающей была ярость обступивших их печенегов. Всадники, которые встретили посольство в степи, оттачивали своих соплеменников ударами копий, тоже что-то кричали, но толпа продолжала напирать.

Вопли, визг, лязг оружия, испуганное конское ржание.

Но вот из стана выехала группа всадников в блестящих на солнце доспехах, в круглых железных шлемах, над которыми колыхались пучки разноцветных перьев, и толпа вдруг отхлынула, злобно ворча. Это были вожди печенежского племени.

Лют Свенельдович вторично за сегодняшний день возблагодарил богов за избавление от верной смерти. Сколь дики и свирепы печенеги, если так встречают даже послов! И сколь опасны, если выходят на ратное поле врагами! И сколь мудр князь Святослав, не пожелавший видеть в них врагов!

Мимо расступившихся печенегов, которые продолжали угрожать оружием, но больше не кричали из уважения к своим вождям, послы проехали к белому шатру главного вождя, которого печенеги называли великим князем.

Печенежский князь оказался тучным белолицым мужчиной. Волосы у него были светлыми, необычными для степняка, а жирные плечи обтягивал полосатый шелковый халат. Если бы не железный шлем с перьями и сабля, заткнутая за серебряный пояс, его можно было бы принять за купца. Лют Свенельдович видел подобных купцов в Киеве, куда они приезжали с персидскими товарами. Князь возлежал на горе подушек, возле сидели на корточках остальные вожди, а позади застыли свирепого вида телохранители с обнаженными мечами.

Дружинники внесли следом за послами подносы с дарами князя Святослава и, поставив их к ногам печенежского князя, тихо отступили за спину Люта Свенельдовича.

Великий князь печенегов скользнул равнодушным взглядом по дорогим мехам, по золотым и серебряным чашам. Внимание его привлекли лишь доспехи и оружие: остроконечный русский шлем, кольчуга с панцирными пластинками на груди, прямой меч, булава с острыми шипами. Он шевельнул короткими волосатыми пальцами, и подскочившие телохранители унесли оружие в глубину шатра. Остальные дары расхватили вожди.

Печенежский князь молча выслушал посольскую речь Люта Свенельдовича, переведенную Алком, и что-то шепнул невзрачному старичку в черной длинной одежде, сидевшему рядом с ложем. Старичок проворно вскочил на ноги и заговорил на языке славян:

- Великий князь из рода Ватана приветствует посла князя Святослава. Речь посла выслушана и дошла до сердца великого князя. Хазары такие же враги печенегам, как руссам. Но решить, примкнут ли печенеги к походу, может только совет всех великих князей, чьи люди и стада кочуют по сию сторону Днепра. Ждите их слова. В юрте, куда вас проводят, вы найдете воду, пищу и безопасность.

Дружинники, кланяясь, попятились к выходу из шатра.

Великий печенежский князь по-прежнему сидел неподвижно, как истукан, и взгляд его был устремлен вверх, к круглому отверстию, через которое видно было голубое небо.

...Долгое ожидание утомляет не меньше, чем бесплодная погоня. А среди чужих людей, в душном полумраке незнакомого жилища, оно поистине иссушает душу и тело.

Три томительно длинные недели Лют Свенельдович и его спутники видели только бурый войлок юрты, тусклое пламя очага да хищные наконечники копий печенежской стражи, которые покачивались у входа. Часы сливались в непрерывную сонную череду, и лишь нити солнечных лучей, с трудом пробивавшиеся сквозь дыры в обшивке юрты, возвещали о приходе нового дня. Перед вечером молчаливые печенежские воины вволакивали большой медный котел с вареной бараниной, вносили бурдюки с водой и кобыльим молоком - еду и питье на грядущий день. И только ночью, в полной темноте, послов выводили, окружив стражей, за пределы печенежского стана на прогулку. За три недели послы узнали о жизни печенегов на больше, чем увидели в первый день...

Все на свете имеет конец. Пришел конец и печенежскому сидению. Послов снова привели в большой белый шатер. Трехнедельное ожидание завершилось разговором, который продолжался не дольше, чем требовалось проворному человеку, чтобы переобуться.

Тот же старичок в черной одежде произнес слова, сразу оправдавшие все труды и тревоги посольства:

- Великие князья из печенежских племен Ватана, Куеля, Майну и Ипая пришли к согласному решению воевать с хазарами. Пусть князь Святослав начнет, а печенеги поспешат к хазарским границам из тех мест, где их застанет известие о его походе. Да погибнут наши общие враги!..

Отъезд из печенежского стана показался Люту Свенельдовичу и его товарищам вызволением из подземной тюрьмы-поруба. Они жадно вдыхали степной воздух, жмурили отвыкшие от солнечного света глаза, горячили застоявшихся коней.

Домой! Домой!

Что может быть желаннее дороги к дому после таких ожиданий и опасностей?

А для Алка возвращение обернулось еще одной неожиданной радостью. На берегу речки Прони, ступив на русскую землю, десятник Вест вдруг сказал юноше:

- Будь побратимом мне!

Алка окружили дружинники - веселые, улыбающиеся. В серебряную чашу зачерпнули студеной пронской воды. Лют Свенельдович прикоснулся кончиком ножа к запястьям новых побратимов. Алые капли крови скатились в чашу, замутив прозрачную воду. Десятник Вест и Алк по очереди отпили из чаши, сначала старший побратим, за ним - младший, и Лют торжественно произнес:

- Брат за брата! Единым сердцем! Плечо в плечо! Стремя в стремя! Отныне и вечно!

Побратимы обменялись оружием и прошли, обнявшись, под склоненными копьями дружинников. Для отрока Алка это была дорога в дружинное братство.

Глава 8

ИТИЛЬ - ЖЕСТОКИЙ ГОРОД

О том, что пора сбить хазарский замок с волжских ворот торговли с Востоком, о том, что немочно терпеть больше хазарские разбои на границах, на Руси говорили давно. Пришло время превращать слова в действие.

Для всех людей, населявших соседние с Хазарией земли, Итиль был жестоким городом.

Сюда хазары приводили их в оковах и продавали на невольничьих рынках, как скот, иудейским и мусульманским купцам, и навечно пропадали страдальцы в неведомых землях.

Сюда на скрипучих двухколесных телегах привозили дань, собранную с подвластных народов безжалостными хазарскими тадунами¹.

¹ Тадун - сборщик дани

Отсюда вырывались хищные ватаги хазарских всадников и, прокравшись по оврагам и долинам степных рек, обрушивались огнем и мечом на беззащитные земледельческие селения.

Опасность, угрожавшая со стороны Итиля, казалась соседям вечной и неизбежной, и только немногие, мудрые и дальновидные, уже догадывались, что сама Хазария тяжело больна, а награбленное чужое богатство придает ей лишь внешний блеск, но не исцеляет внутренние недуги.

Потом, после гибели Хазарии, люди станут гадать, когда и почему она покатилась к упадку, теряя прежнюю силу и завоеванные земли.

Может, упадок Хазарии был предопределен с восьмого столетия, когда на нее напали арабы? Каган, правитель Хазарии, склонил голову перед чужеземной грозной силой, принял из рук халифа урезанную власть, отдал себя под защиту наемной гвардии мусульман-арсиев...

Может, удар Хазария получила не извне, а изнутри, в девятом столетии, когда против Кагана подняли мятеж своенравные хазарские беки? Могучий и честолюбивый бек Обадий объявил себя царем, а Каган превратился в почитаемого черню, но безвластного затворника кирпичного дворца в центре Итиля...

Может быть, роковую роль сыграла иудейская вера, к которой склонились беки? Она разъединила людей, оттолкнула от Хазарии могучего союзника - Византию, разрушила связи с христианскими и мусульманскими странами...

А может, конец могущества Хазарии наступил позднее, в десятом столетии, когда начали таять, как весенний снег под жаркими лучами солнца, некогда огромные хазарские владения? Крым перешел под власть Византии. Степи между Волгой и Доном заняли печенеги. С востока наступали кочевники-гузы, и раскосые всадники на лохматых лошадках набегали на коренные хазарские

области в низовьях Волги. Глухо роптали болгары, готовые поддержать любого врага Хазарии. Стремились к самостоятельности вожди аланов в предгорьях Северного Кавказа. Владения Хазарии сжимались, как сохнувшая кожа, и в конце концов у нее остался небольшой треугольник степей между низовьями Волги и Дона и побережье Азовского моря. Жалкие остатки прежнего могущества...

А может, все перечисленное не причины, а только следствие упадка Хазарии? Может, настоящая причина совсем в другом - в самой сущности этого государства-грабителя, государства-паразита, живущего чужим добром?

Хазария не создавала богатства, а лишь присваивала чужое. Хазары кормились и одевались за счет соседних народов, изнурая их данями, разбойничьими набегами, торговыми пошлинами. В городе Итиле пересекались торговые пути, а самим хазарам нечего было предложить иноземным купцам, кроме рабов да белужьего клея. На рынках Итиля торговали болгарскими соболями, русскими бобрами и лисицами, мордовским медом, хорезмскими тканями, персидской посудой, византийским оружием. Из рук в руки переходили серебряные монеты с непонятными хазарам надписями.

Чужое, все чужое...

Не было даже своего народа.

В городе Итиле жили мусульмане, иудеи, христиане, язычники, неизвестно какой веры и какого племени пришельцы из дальних стран, привлеченные обманчивым блеском богатства, которое текло мимо, не задерживаясь в Хазарии. Люди точно бы жили рядом, но не вместе - каждый по своей вере и по своим обычаям. Отдельными были базары, бани, кладбища. Как будто стены Итиля замкнули в свое кольцо несколько разных городов, и жители их понимали друг друга не лучше, чем пришельцы из дальних стран.

А для коренных хазар, кочевников и скотоводов, город Итиль был только местом временного обитания. С наступлением весны они уходили со своими юртами и стадами в степи, на знаменитые Черные земли в долине реки Маныча, к Дону и к Волге, и кочевали там до осени.

Станный, непонятный, проникнутый взаимной неприязнью и недоверием город...

Что же объединяло в одно государство - Хазарский каганат - всех этих разноязыких, разноплеменных, внутренне разобщенных людей?

Слепая вера во всемогущество Кагана, которому поклонялись как живому богу и называли просто "Каган", не прибавляя имени. Божественная сила Кагана будто бы оберегала Хазарию от всех бедствий.

Каган жил в большом кирпичном дворце, построенном на острове; с остальным городом остров соединялся только мостом, возле которого всегда стояла стража. Только управитель дворца - кендер-каган - и привратник-чаушиар удостоивались чести лицезреть Кагана. Даже царь, предводитель войска и полновластный правитель Хазарии, допускался во дворец лишь изредка. Остальным людям запрещалось приближаться к красным дворцовым стенам.

Только трижды в год Каган нарушал свое загадочное уединение. На белом коне он проезжал по улицам и площадям столицы, а позади ровными рядами следовали гвардейцы-арсии в кольчугах и чеканных нагрудниках, в железных шлемах, с копьями и кривыми мечами - все десять тысяч арсиев, составлявших наемное войско. Встречные падали ниц в дорожную пыль, будто ослепленные солнцем, закрывали глаза и не поднимали головы раньше, чем Каган проедет мимо. Ужасной была участь тех, кто осмеливался нарушить обычай, оскорбить божественного Кагана своим взглядом. Арсии пронзали дерзких копьями и оставляли лежать у дороги.

Никто не осмеливался унести и похоронить их. Выбеленные солнцем кости так и оставались на обочине, и люди осторожно обходили их, ужасаясь дерзновенности поступка. Как можно, осмелиться взглянуть в лицо Кагана?

Даже после своей смерти Каган оставался загадочным и недоступным. Никто не знал, где именно он похоронен. Для мертвого Кагана строили большой дворец за городом. В каждой из двадцати комнат дворца, одинаково украшенных шелковой парчой, рыли могилы. Самые близкие слуги Кагана вносили тело во дворец и плотно закрывали за собой двери. Спустя некоторое время следом за ними входили молчаливые арсии с широкими секирами в руках и выкидывали за порог, к ногам потрясенной толпы, отрубленные головы слуг Кагана. Тогда люди могли пройти чередой по комнатам дворца, но могилы были уже зарыты, и никто не догадывался, где похоронен Каган.

Сколько бы ни прошло лет, каждый путник обязан был склониться в поклоне перед погребальным дворцом Кагана, а всадники спешили и шли, ведя в поводу коня, пока дворец не скрывался из глаз.

Вера в Кагана была требовательной и беспощадной.

Если дела в Хазарии шли хорошо, люди прославляли своего Кагана. Но если случалась засуха или поражение на войне, то знатные вельможи и чернь собирались толпами к дворцу царя и кричали: "Мы приписываем несчастье Кагану! Божественная сила Кагана ослабла, и он бесполезен для нас! Убей Кагана или отдай нам, мы сами его убьем!"

И Кагана убивали, если царь по какой-нибудь причине не брал его под защиту...

Нового Кагана выбирали из одной и той же знатной, но не очень богатой семьи. Хазары считали, что Каган, воспитанный в роскоши, не будет как следует заботиться о благосостоянии народа. Рассказывали, что на одном из

рынков Итиля можно было увидеть молодого человека, продававшего хлеб, о котором знали, что это будущий Каган.

Вновь избранный Каган уединялся с царем и четырьмя самыми могущественными хазарскими беками в круглой комнате без окон, с единственной узкой дверью, которую сторожили арсии с обнаженными мечами. Никто, кроме немногих избранных, не знал, что там происходило.

А происходило вот что: царь накидывал на шею нового Кагана шелковую петлю и сдавливал до тех пор, пока тот не начинал задыхаться, теряя сознание. Тогда беки хором спрашивали Кагана: "Сколько лет ты желаешь царствовать?" Полузадушенный Каган называл то или иное число лет, и только после этого его усаживали на золотой трон с балдахином, воздавая высочайшие почести. Если Каган не умирал к назначенному им самим сроку, его убивали, ссылаясь на его же божественную волю. Если же Каган называл непомерно большое число лет, его все равно убивали по достижению сорокалетнего возраста. Хазары считали, что с годами ум ослабевает, рассудок мутнеет, божественная сила становится меньше, и Каган больше не может приносить пользу.

Да, Итиль был жестоким городом. И к соседям, и к своим людям, и даже к божественному Кагану...

Но зло не может продолжаться вечно. Зло несет гибель в самом себе. Неостановимые часы истории отсчитывали последние месяцы Хазарии. В вятичских лесах собиралась очистительная гроза...

Глава 9

ИДУ НА ВЫ!

После возвращения из печенежских степей Алк стал гриднем - телохранителем князя Святослава, - столь высоко оценил князь успехи посольства.

Обильными снегопадами, лесным морозным треском и метелями прошла северная зима. Наступила весна 965 года, канун хазарского похода Святослава.

Алк много узнал и передумал за это время. Мир его расширился далеко за пределы родных лесов. В дружине князя Святослава собрались люди бывалые, много повидавшие из разных земель и городов.

Из рассказов дружинников юноша узнал о славных русских городах Киеве и Новгороде, о неприветливой скалистой земле варягов¹, откуда выбегали на морские просторы хищные остроносые корабли грабителей и купцов, о Студеном море², над которым полгода стоит день, а полгода - ночь. И о теплых морях рассказывали дружинники, восхищаясь богатством Царьграда³ и насмехаясь над высокомерием и лукавой лживостью византийцев.

Дальние страны представлялись Алку в облике знакомых людей.

Земля варягов казалась ему похожей на злого, алчного Веремуда, мечтавшего только о добыче, а Византия - на царьградского купца Антония, немощного, изнемогавшего после самого малого перехода, но взиравшего на всех окружающих со скрытым презрением, как на темных варваров. А Студеное море, наверно, походило на скуластого раба из неведомого северного народа весь, который старательно прятался от прямых лучей солнца и

1 Земля варягов - Скандинавия

2 Студеное море - Северный Ледовитый океан

3 Царьград (Константинополь) - столица Византийской империи

тянул бесконечную песню, тоскливую, как февральская метель...

Алк размышлял над огромностью и многообразием мира и верил, что Русь - середина мира, а все остальные земли вокруг нее как шелестящие ветки вокруг ствола дерева, зыбкие и непостоянные. Здесь, на Руси, истинный корень жизни...

Как и остальные гридни-телохранители, Алк теперь постоянно был при князе, слушал его речи, приглядывался к нему, но так и не сумел до конца понять своего господина. Сложным и противоречивым был князь Святослав, его слова и поступки порой казались непонятными, и только после долгих раздумий Алк улавливал какую-то внутреннюю последовательность, да и то не всегда.

В домашнем обиходе князь Святослав был прост. Ел из дружинного котла, а в походе довольствовался, как все воины, куском поджаренного на углях мяса. Одевался в простую белую рубаху. Голову часто оставлял непокрытой. Ходил босиком по утренней росе и громко свистел, подзывая коня. Гридней своих называл по именам, будто добрых товарищей. Поощряя отличившегося, с размаху хлопал тяжелой ладонью по плечу и весело смеялся, если кто не мог удержаться на ногах от этой могучей ласки. Любил сидеть вечерами у костра и слушать песни гусяров о подвигах предков.

Казалось, Святослав ничем не выделяется из дружины, что он не князь, а лишь уважаемый старший брат в дружинном сообществе, плоть от плоти его.

Но это только казалось...

Когда Святослав сдвигал брови и хмурился, мгновенно замолкали вольные голоса. Отмеченные почетными боевыми шрамами дружинники боязливо пятились, не смея поднять глаз, и будто незримая стена вырастала между ними и князем.

Неожиданными казались некоторые поступки Святослава, и Алк терялся в догадках, пытаясь осмыслить их.

Однажды к князю пришли вятичские старейшины с реки Пры - жаловаться на воеводу Асмуда. Воевода набирал там воинов, но некоторые молодые охотники спрятались в лесные убежища. Их долго искали, но все-таки нашли, а Асмуд приказал отрубить беглецам головы топором. "Они трусы, если избегают войны, - объяснил Асмуд старейшинам. - Трусы не нужны ни родичам, ни князю Святославу".

Все ожидали, что князь осудит жестокость своего воеводы, но Святослав поступил иначе. Он разгневался на старейшин и сказал:

- Асмуд выполнял мою волю. Пусть ваши роды соберут новых воинов, сколько было указано. Если опять не найдется храбрецов, желающих идти на войну, я пошлю дружину и прикажу убить всех мужчин, а женщин и детей продать в рабство болгарским купцам. Род, неспособный воспитать храбрых воинов, должен исчезнуть!

Многие тогда ужаснулись. Поползли по деревням слухи о жестокости князя Святослава, и осудили его вятичи. Но воинов старейшины стали посылать без задержки.

Значит, князь Святослав жесток?

Тогда как расценить вот это, к примеру?

По поляне мчатся конные дружинники. Их ждет Святослав с серебряным кубком в поднятой руке. Кто быстрее доскачет до князя, тому и награда.

Под варягом Веремудом нечаянно споткнулся конь. Наездник, не удержавшись в седле, свалился на землю. Остервенелый, задыхающийся от ярости Веремуд принялся хлестать коня крученой ременной плетью - по голове, по глазам, по мягким губам. Конь испуганно ржал, приседая на задние ноги, но Веремуд крепко держал его за уздечку и бил, бил, бил.

Захрипев, конь завалился на бок.

Веремуд несколько раз ударил его сапогом в живот, выхватил нож... и упал, опрокинутый могучей рукой Святослава. В наступившей тишине прозвучали гневные слова князя:

- Кто по злобе истязает своего коня, недостоин садиться в воинское седло! Кто сегодня обидел своего коня, завтра предаст побратима! Гридни, гоните его плетями прочь!

И побежал Веремуд, втянув голову в плечи, и дружинники хлестали его плетями, пока не скрылся в лесу. А Святослав склонился к умирающему коню, ласково гладил ладонью по гриве, и Алку показалось, что в глазах у князя блеснули слезы...

Вспоминалось и другое.

Святослав заставил целый день и еще ночь ожидать у своей избы вождей сильного племени гузов, а потом выслушал их, коленопреклоненных, высокомерно и безразлично, будто не вожди перед ним, а жалкие рабы, прах земной.

Святослав без чести выгнал с пира знатного боярина Гуда только за то, что осмелился боярин прежде князя поднять заздравный кубок, нарушая обычай. Гридни сорвали с боярина бобровую боярскую шапку и почетную серебряную гривну и вытолкали за дверь.

Значит, князь Святослав высокомерен?

Тогда почему он прост и ласков с дружиной и многими другими обыкновенными людьми?

Почему, не допустив к себе послов болгарского царя, он приветливо беседовал с кормчими¹, которые пришли проситься к нему на службу? Бедно одетые, неловкие в движениях и в словах, речные люди казались чернью, недостойной внимания князя, а Святослав обласкал их...

Почему?

1 Кормчий - рулевой у кормового весла, старший на судне

Не сразу уразумел Алк, что простота князя неразрывна с грозным величием, что они едины, и это единство олицетворяет сущность самой Руси, где люди не разединены так, как случилось в других начавших уже дряхлеть странах. Разве осмелился бы византиец, веками воспитанный в унижении перед высшей властью, просто заговорить с императором? И разве императору свободное общение с обыкновенными людьми не показалось бы крушением основ империи? На Руси - иное.

Люди были вчерашними свободными земледельцами, охотниками или воинами родовых дружин, и их предводитель не мог быть иным, чем князь Святослав. Мудрость Святослава как раз в том и заключалась, что он оставался простым и понятным людям, не теряя величия, был грозным, не опускаясь до бессмысленной жестокости, и при этом всегда оставался самим собой, потому что человек, не имеющий своего лица, не внушает уважения.

Алк считал, что служить такому князю - счастье.

Наверное, Святославу чем-то понравился молодой вятич, и он часто беседовал с новым гриднем, расспрашивал об обычаях вятичей, о земле, на которой жили эти лесные люди. Если Алк затруднялся с ответом, поучал без осуждения:

- Не знаешь, так и скажи. Не оскверняй уста ложью из желания угодить. Спроси лучше знающих людей, а потом расскажи. Любознательный знание добудет, а лживый и ленивый если знал что - забудет. Ленивых и лживых не люблю...

Однажды, остановившись у коричневого торфяного озера, Святослав сказал задумчиво:

- К воде меня тянет. Чтобы много было воды. В Днепре много воды, в вашей Оке тоже, но вода бегущая, неласковая. Здесь вода стоячая, темная, недобрая. До теплого моря хочу дойти, до синей воды, где плавали ладьи отца моего, князя Игоря Старого. И не путником

мимоезжим прийти к морю, но стать на берегах его крепко...

Алк не нашелся, что ответить. Князь ничего вроде не спрашивает, раздумывает вслух. Но слова о теплом море словно вошли в душу, и юноша выпалил звонко, по-ребячьи:

- Я тоже хочу, чтобы теплое море!

Святослав рассмеялся. Ему вторил воевода Свенельд, упершись ладонями в бока и раскачиваясь от смеха всем своим грузным телом. Смущенный Алк опустил глаза.

- Если ты, княже, прикажешь...

- А что? Может, и прикажу, - вдруг серьезно сказал Святослав и повернулся к воеводе. - Слышишь, воевода, о чем отрок мечтает? Подальше глядит, чем иные седобородые мужи. Иные ведь думают, что сверну я шею хазарскому царю и обратно в леса упрячусь. Знаешь ты таких недомысленных мужей, воевода?..

- Как не знать, княже! А имена им... - И воевода Свенельд замолчал, оглянувшись на Алка.

Алк поспешно отбежал на десяток шагов: понял, что между князем и воеводой начинается тайный разговор, который не должны слышать даже ближние гридни-телохранители.

За последнее время таких разговоров было много. Войско готовилось к весеннему походу на Хазарию.

По большой вешней воде из Киева и Новгорода пригнали множество ладей, так что, может, и не понадобится болгарская помощь. Печенеги привели из Дикого Поля многотысячные табуны степных коней. В конные дружины Святослав звал всех, кто умел держаться в седле, невзирая на род и достаток, если у кого не было оружия - давали из княжеских запасов. С утра до позднего вечера на лесных полянах слышался топот копыт, звон оружия, повелительные выкрики десятников и сотников. Новые дружины обучались ратному делу. Не было уже отдельных ратей полян, северян, радимичей,

кривичей, древлян, дреговичей и вятичей - было единое Войско Русское, и главой всему войску был князь Святослав Игоревич.

Крепкие сторожевые заставы перегородили все дороги и тропы на границе Дикого Поля и на Оке, чтобы в Итиль не проскользнул ни конный, ни пеший лазутчик. Ни к чему знать хазарскому царю о готовности войска. Когда придет время, князь Святослав сам оповестит о походе. А пока пусть нежатся хазарские правители в награбленном богатстве, пересчитывают мзду с торговых караванов. Как весенний гром будет для них поход князя Святослава!

И наконец, этот день наступил. Князь Святослав напутствовал гонца, который отправлялся к хазарскому царю:

- Лишних слов перед хазарами не говори. За многими словами - малая сила, за немногими громкими словами - сила великая. Сильный прошепчет, а слышат все. А крика слабого только заяц испугается, да и то потому, что отроду пуганый. Всего три слова передашь царю: "Иду на вы!" Сказав, молчи. Смертью грозить будут, молчи. Помни: в молчании твоём - сила...

- Исполню, как велишь, княже! - поклонился гонец.

Алк смотрел на посла с почтительным удивлением. На верную смерть отправляется, рубаху перепоясал черным похоронным поясом, а лицом светел, невозмутим. Меча у гонца не было, только короткий нож за пояс заткнут, чтобы самого себя до сердца достать, если придет крайний случай. Немыслимого мужества и жертвенности человек. По нему хазары о всем русском воинстве судить будут. Не на посольской разговор отправляется гонец - на смертельный поединок. Доблесть хазарам показать, чтобы поколебать их дух еще до битвы.

Гонец двинулся к двери, тяжело ступая сапогами по сосновым доскам пола, будто память о себе навечно вко-

лачивая. Потянулись из избы воеводы и бояре-советчики. Возле княжеского кресла остались только гридни.

Гридни-телохранители всегда при князе. Игорь Старый этот обычай завел, а Святослав посчитал полезным сохранить. Понадобятся зачем-нибудь гридни - вот они, рядом. А если ненадобны, то будто и нет их, столь молчаливы и ненавязчивы. Как копья, прислоненные до поры к стене...

- Эй, отрок! - обратился вдруг князь к Алку. - Замечал я, что смысленный ты. Угадай, зачем я хазарского царя о походе сам упреждаю?

- Не ведаю, княже... Поступок князя был ему действительно непонятен. Всем известна воинская мудрость: нападай внезапно, не давай врагу изготавиться к войне, тогда твой верх. А князь Святослав сам извещает хазарского царя о походе. Должен быть в этом какой-то смысл, князь ничего без смысла не делает...

- Не ведаешь? - улыбнулся Святослав. - Не один ты, многие в недоумении. А догадаться просто. Сам поразмышляй: намного ли опередит гонец идущее следом войско?

- На неделю, наверно, - предположил Алк.

- А сумеет царь за неделю новое войско набрать, вооружить и обучить?

- Нет, думаю.

- И я так думаю, - согласился Святослав. - Что есть под рукой, то и выведет на битву. Но трепет у него в душе от нашей дерзости будет великий. Решит царь, что безмерно сильны мы, если сами о походе предупредили. Того мне и нужно.

Гридни с восхищением слушали князя, а тот, расхаживая по избе, рассуждал дальше:

- Всех воинов, что есть у хазарского царя, хочу одним ударом сразить. А что получится, если царь не успеет всех собрать? Разбредутся кто куда, разыскивай их по-

том по степям. Лучше гонца послать: собирайтесь-ка вместе, а я не замедлю, приду. Так-то вот, отроки!

Под ликующие трубные возгласы отплывала судовая рать, ратники-пешцы. Путь ей предстоял неблизкий, но привольный: вниз по великой реке Волге до самых низовьев, где на островах, образованных волжскими протоками, притаилась за глиняными стенами столица Хазарии - город Итиль.

Конные дружины пошли к Итилю прямым путем, через печенежские степи. По дороге к ним присоединялись со своими ордами печенежские князья, заранее оповещенные гонцами о начале похода.

Грозным и неудержимым было движение войска князя Святослава. Его тяжелая поступь спугнула сонный покой хазарской столицы.

Глава 10

ТРЕВОГИ ЦАРЯ ИОСИФА

Прозрачным майским утром, которое отличалось от других разве что тем, что накануне был большой торг и усталые горожане крепче обычного спали в своих жилищах, к воротам Итиля подъехали всадники, забарабанили древками копий.

Сонный стражник выглянул в бойницу воротной башни и кубарем скатился вниз. Промедление было опасно: перед воротами ждал сам Иосиф, царь Хазарии и многих соседних земель.

Медленно, со скрипом отворились городские ворота. Стражники склонили копья, приветствуя царя. В почти-тельно прикрытых глазах стражников - любопытство, тревога. Неожиданное возвращение царя в столицу было непонятным и пугающим. Лишь дела чрезвычайной важности могли оторвать царя Иосифа от милых его сердцу весенних степей, где буйно поднималась свежая трава,

струи ручьев и речек еще сохраняли прохладу, а солнце не пекло, но ласкало кожу...

Что это были за дела, можно только гадать. Кто из смертных осмелится расспрашивать гром, почему он гремит, или молнию, почему она огненной стрелой проносится по небу?..

Час был ранний, улицы пустынные. Только благочестивые старцы, для которых многие прожитые десятилетия сократили время сна до короткого забытья, брели к храмам на утреннюю молитву, да ночные сторожа дремали на перекрестках, опершись на древки копий. Но старцы отрешены от земных забот и не любопытны, а сторожа молчаливы, и в городе мало кто узнал о возвращении царя.

Царь Иосиф равнодушно скользил взглядом по жилищам ремесленников из войлока и дерева, похожим на юрты, по купеческим глинобитным домам, прятавшимся за глиняными же заборами, по приземистым, с плоскими кровлями и крохотными оконцами, караван-сараям. Постройки были присыпаны желтой пылью, казались унылыми и безликими. Скучный город, постылый город...

Иосиф представил на мгновение зеленую праздничность весенних степей, прохладные струи Маныча, синие дымки костров между юртами, опьяняющий запах свежей баранины и тяжело вздохнул. Проклятая жизнь, ни дня покоя...

Улица спустилась к протоке Волги, которая делила город на две части - Итиль и Хазар. Посередине протоки, на песчаном острове, высился кирпичный дворец Кагана, окруженный малыми дворцами, садами и виноградниками. Это был город в городе, недоступный для простых людей. Возле моста стояли вооруженные арсии. Иосиф спешил, бросил поводья арсию, пошел по скрипучим, зыбко вздрагивавшим доскам моста. Внизу кати-

лась желтоватая, будто тоже припорошенная пылью, вода.

Площадь, выложенная известковыми плитами, а за ней дворец Кагана, поражающий своей громадностью. Выше были только минареты некоторых мечетей, но они торчали, как древки копий, а дворец загораживал полнеба. Все, что окружало дворец, казалось ничтожно малым. Жилище, достойное равного богам...

Даже царь Иосиф, пересекая площадь, испытывал непонятную робость. Для него не было тайн во дворце, да и сам Каган был выбран из числа безликих и безвольных родичей прошлого владельца дворца по его указке, но сейчас Иосиф чувствовал себя ничтожным и униженным, ступал по белым плитам осторожно, будто опасаясь нарушить звуком шагов величавый покой дворцовой площади.

У высоких дверей, украшенных золотыми и серебряными бляхами, царь положил на ступени меч, железный шлем, стянул сапоги из мягкой зеленой кожи и выпрямился, босой и смиренный. Приоткрылось оконце, прорезанное в дверях:

- Кто нарушил покой равного богам?
- Иосиф, слуга богов.
- Что ищет слуга богов у равного богам?
- Совета и благословения.
- Пусть ищущий войдет...

Двери бесшумно отворились, и царь Иосиф шагнул в полумрак дворцового коридора. Молчаливые арсии в золоченых кольчугах с маленькими топориками в руках сопровождали его. Влажные плиты пола неприятно холодили босые подошвы. Струйки дыма от пылающих факелов ползли, как змеи, к сводчатому потолку.

У порога тронного зала Иосифа остановил привратник-чаушиар. Он коротко поклонился, поднес к жаровне палочку пропитанного благовониями пальмового дерева. Царь благоговейно подержал в руке горящую палочку и

вернул чаушиару. Таков был обычай: хазары верили, что огонь очищает и освобождает от недобрых мыслей, а перед лицом Кагана совесть человека должна быть прозрачной, как горный хрусталь...

- Войди и припади к источнику мудрости! - разрешил наконец чаушиар.

Золотой трон Кагана стоял посередине большого круглого зала. Над троном висел балдахин из алого индийского шелка с золотыми тяжелыми кистями. Лучи утреннего солнца, проходя сквозь длинные окна, полосами расцветили ковер на полу. Торжественная тишина царила в зале.

Царь Иосиф трижды поклонился пустому трону, упал ниц и не поднимал головы, пока не услышал негромкий певучий звон: управитель дворца кендер-каган ударил молоточком по серебряному диску.

- Жаждающий совета может приблизиться!

Иосиф на коленях пополз к трону. Когда до его подножия осталось пять шагов, снова раздался серебряный звон, и царь поднял голову. Он увидел Кагана.

Высокая шапка Кагана, сплошь вышитая золотом, поблескивала множеством драгоценных камней, рукава белого одеяния спускались почти до пола. У Кагана было безбородое, бледное от постоянного затворничества лицо, глаза прикрыты набрякшими веками. Что-то отрешенное, неземное было в лице Кагана, как будто он, вознесенный на немыслимую высоту, уже не способен испытывать волнения и страсти, свойственные простым смертным, мир утратил для него всякий интерес, и Каган всматривается только в самого себя, отыскивая в себе непостижимую ни для кого мудрость...

- О, равный богам! - начал царь Иосиф. - Пусть не покажется дерзким известие, нарушившее твой покой! От северного правителя князя Святослава приехал гонец с угрожающими словами. Святослав сказал: "Иду на вы!" Призови свою божественную силу, защити Хаза-

рию, ибо войско у Святослава сильное. Вели рабам своим взяться за оружие. Благослови их на победу!

Каган медленно склонил голову.

- Слово твое услышано и одобрено, - торжественно возгласил кендер-каган. - Божественная сила Кагана с тобой, царь Иосиф. Да постигнет врагов злая смерть и забвение потомков! Да обратятся они в пепел, сдуваемый ветром твоей славы!

Иосиф снова опустился на колени и пополз к двери. Обычай был соблюден. Каган устами своего первого слуги произнес благословляющее слово. Теперь судьба Хазарии вручалась царю, а Кагану оставалось молить богов и ждать исхода войны. И придет к Кагану безмерное восхищение и благодарность народа в случае победы. Или смерть, если не поможет его божественная сила.

Над башней дворца смуглолицые арсии подняли на шесте большой золотой круг. Блеск золота можно было видеть со всех концов города. Гулко ударили барабаны. Заревели большие медные трубы, пробуждая дремавший город. Великий Каган сзывал в войско подданных своих, невзирая на племя их, достаток и вероисповедание. Ослушников ждала немедленная казнь.

Забурлил, заволновался Итиль. Толпы людей заполнили улицы и площади. Муллы и раввины, священники и языческие жрецы призывали своих единоверцев к войне с возгордившимися руссами, осмелившимися обнажить меч против священного города Кагана. Городские власти ставили на перекрестках виселицы - для вразумления тех, кто не внемлет призывающим словам.

Хазары-кочевники собирались возле юрт на окраине города и ждали слова родовых вождей. Но вождей не было в городе. С большинством своих людей они уже ушли в степи, на весенние пастбища. За ними срочно послали гонцов, но скоро ли они найдут кочевья в бескрайних степях? И захотят ли кочевые беки, известные своим своевольством, спешить на помощь царю?

Тревожно, ох как тревожно было на душе у царя Иосифа! Наступал час расплаты и за чрезмерное властолюбие, оскорблявшее беков, и за невыносимую тяжесть налогов, на которые роптали горожане, и за разбойничьи набеги на соседние народы.

Но только ли его, царя Иосифа, в этом вина?

Так поступали все прежние цари, а Хазария гордо стояла на рубеже Европы и Азии, внушая страх врагам, и жители ее, разъединенные жизненными судьбами и религиями, тем не менее покорно собирались под золотое солнце Кагана!

Почему же так тревожно теперь? Или времена переменялись?

Из разрозненных славянских племен сложилась могучая держава - Русь. Заходит солнце Хазарии...

Только через неделю, когда на равнине перед городскими воротами собралось для смотра хазарское войско, царь Иосиф немного успокоился.

Нет, у него еще достаточно силы, чтобы отразить любого врага!

Десять тысяч отборных всадников-арсиев, закованных в блестящую броню, застыли стройными рядами. Перед каждой сотней арсиев развевался на бамбуковом шесте зеленый стяг.

Грозно стояло пешее ополчение, тоже одетое в железные доспехи. Итиль - богатый город, в купеческих амбарах и караван-сараях нашлось достаточно оружия для всех способных носить его. На плечах ополченцев лежали заостренные колья, из которых в любом месте можно было за считанные минуты составить неприступный колючий частокол.

А вокруг кипело, перемещаясь в клубах пыли, потрясая луками и короткими копьями, множество легковооруженных хазарских всадников. Кочевые беки все-таки привели свою конницу и теперь смирно стояли возле царя Иосифа.

Казалось, забыты прежние обиды, и все поданные Кагана, как в старые добрые времена, сплотились перед лицом грозной опасности. Но насколько прочным будет это объединение, могла проверить только битва...

Измученные, почерневшие от недосыпания царские писцы едва успевали заносить в свои книги прибывавших воинов, и их число уже приближалось к заветной цифре - пятьдесят тысяч. Войско множилось на глазах, и царь Иосиф без прежнего трепета выслушивал известия о приближении по Волге русской судовой рати, а по степям - русской и печенежской конниц.

На военном совете было решено не утомлять хазарское войско длинными переходами и сражаться здесь, под самыми стенами Итиля.

Глава II

БИТВА ПРИ ИТИЛЕ

Царь Иосиф считал самыми искусными воителями мусульман-арабов и перед сражением выстроил свое войско по арабскому образцу, в четыре боевых линии.

Первая линия - "утро псового лая". Она называлась так потому, что состояла из конных лучников, которые, как охотничьи псы, должны были смелыми наскоками и ливнем стрел раздражить противника, заставить его расстроить ряды. В эту линию царь Иосиф поставил кара-хазар¹, быстрых наездников, пастухов и табунщиков, жилистых, злых, со смуглыми лицами и множеством туго заплетенных косичек, которые свешивались из-под войлочных колпаков. Кара-хазары не носили доспехов, чтобы не стеснять движений, и были вооружены луками и дротиками.

¹ Кара-хазары - черные хазары

Вторая линия - "день помощи". Она как бы подпирала конных лучников и составлялась из тяжеловооруженных всадников, одетых в кольчуги, железные нагрудники, шлемы. Длинные копья и мечи, палица и боевые топоры составляли ее вооружение. Тяжелая конница всей своей массой обрушивалась на врага, уже ошеломленного лихими наскоками кара-хазар. Здесь у царя Иосифа были поставлены дружины беков, белые хазары - рослые, плечистые, гордые прошлыми заслугами и почетным правом служить в отборной панцирной коннице.

Но если и "день помощи" не добивался успеха, то вся конница расходилась в стороны и пропускала вперед третью боевую линию - "вечер потрясения". Пешие ратники этой линии, бесчисленные, как камыши в дельте Волги, стояли стеной, опустившись на одно колено и прикрываясь щитами. Древки своих длинных копий они упирали в землю, а острия склоняли в сторону противника. Преодолеть эту колючую изгородь было не легче, чем добраться голым пальцем до кожи ежа. Нападающие истекали кровью в бесплодных атаках, а потом на них, ослабевших и упавших духом, снова обрушивалась с флангов панцирная конница.

Наконец, позади всех ждала своего часа последняя боевая линия, которую арабы называли "знамя пророка", а хазары - "солнце Кагана". Здесь, возле большого золотого круга, изображавшего солнце, собиралась наемная гвардия мусульман-арсиев.

Арсиев берегли. Они вступали в бой только при крайней необходимости. Зато им доставалась львиная доля добычи. Они вырубали дамасскими мечами и бегущих врагов, и своих же воинов, если те, дрогнув, начинали отступать. Арсии были последней надеждой царя Иосифа, они не знали пощады и не ждали ее от врага. Верность и жизнь их были давно оплачены царским золотом...

Окруженный железными рядами арсиев, царь Иосиф стоял на помосте под золотым кругом и смотрел, как впереди, на зеленой равнине, разворачивается для боя войско князя Святослава.

Руссы приближались медленно, и царю показалось даже, что они намеренно оттягивают начало битвы. Не утрашился ли князь Святослав, узрев перед собой столь многочисленное и грозное войско? Не завяжет ли переговоры? Можно посулить серебра и товаров, чтобы руссы искали добычу в других землях. Разумнее пожертвовать частью богатства, чем рисковать всем. Может, и князь Святослав думает так же?

Даже самому себе царь Иосиф боялся признаться, что мысли эти были порождены неуверенностью в войске. Когда он утром объезжал ряды хазарской конницы и пехоты, воины встречали царя угрюмо и обреченно. На их лицах не было той восторженной готовности к самопожертвованию, без которой невозможно добыть победу. Хазарское войско показалось царю похожим на дерево, с виду могучее, но на самом деле уже надломленное, готовое рухнуть от бури.

Только арсии были спокойны и бесстрастны. Для них, потомственных воинов, война была просто работой, пусть опасной, но - работой. Ничего другого они делать не умели и будут сражаться, как разъяренные быки.

Иосиф подумал, что не следует бросать их в сечу: в случае чего, они прикроют бегство царя. Подумал - и ужаснулся. Неужели это предчувствие поражения?

А пешие руссы медленно приближались, вытягиваясь клином. На острие клина шли богатырского роста воины в железных панцирях и шлемах, глубоко надвинутых на брови: живот, бедра и даже голени воинов были обтянуты мелкой кольчужной сеткой, непроницаемой для стрел. Руки в железных рукавицах сжимали устрашающе большие секиры. Вправо и влево от дружины богатырей-секироносцев - сплошные линии длинных красных

щитов, прикрывавших пеших руссов почти целиком. Над щитами поблескивали острия копий.

На крыльях русского войска неторопливо двигалась конница: справа - светлая, переливающаяся железом дружинных доспехов; слева, ближе к Волге, - черная, зловещая. Царь Иосиф догадался, что это печенеги. Там слабое место всего строя. С печенегами хазары умели воевать и знали, что они быстры, но нестойки в рукопашном бою. Но пока рано думать о печенегах. Главное - пешая рать руссов. Если сокрушить пешую рать, печенеги сами разлетятся, как брызги от брошенного в лужу камня...

Царь Иосиф поднял вверх обе руки.

Арсии вскинули копья и разом испустили грозный боевой клич, от которого качнулся золотой круг над головой царя. Заревели медные трубы, возвещая о начале битвы.

Завизжали, завыли кара-хазары, подобно гончим псам рванулись на русский строй, натянули луки. Непрерывным весенним ливнем полились оперенные железом стрелы.

Руссы продолжали идти мерным тяжелым шагом, от которого вздрагивала земля. В строю не было заметно павших, только щиты обрастали щетиной вонзившихся стрел. "Утро псового лая" минуло бесполезно.

Снова затрубили хазарские медные трубы. Повинуясь их зову, мимо расступившихся конных лучников промчались белые хазары, все сокрушающий "день помощи". Звенья доспехами, тяжелая конница докатилась до красных русских щитов и остановилась, словно натолкнувшись на крепостную стену. Задние всадники напирали на передних, а те пятились от колющей изгороди копий.

Все смешалось. Белые хазары кружились на месте, не в силах прорвать строй руссов и уже не в состоянии вырваться из схватки. Медленно поднимались и опускались

огромные секиры руссов. Хазарские шлемы раскалывались, не выдерживая сокрушительных ударов. Кучки всадников вырывались из сечи, скакали, нахлестывая коней, подальше от страшного русского клина. "День помощи" рассыпался на глазах. Царь Иосиф с ужасом понял, что первых двух линий у него уже нет, что рассеянную конницу больше не собрать и не бросить вперед, ей едва под силу сдерживать печенегов и конных дружинников князя Святослава, если они попытаются окружить царское войско.

Иосиф думал только о том, как бы продержаться до темноты и укрыть остатки войска за городскими стенами. Пехотинцы "вечера потрясений" должны остановить руссов, остановить во что бы то ни стало!

Но клин русского войска вонзился в толпу хазарских пехотинцев неожиданно легко, как топор в вязкую глину. Началась сеча грудь в грудь, в которой побеждает тот, кто сильнее духом. В тесноте воины отбрасывали бесполезные копья и сражались мечами, топорами, кинжалами. Перешагивая через чужих и своих павших, поскальзываясь на мокрой от крови траве, выкрикивая хриплыми голосами боевые призывы, руссы напирали, и царь Иосиф почувствовал, что "вечер потрясений" долго не выстоит.

Тогда Иосиф решился на последнее, отчаянное средство - послал гонца за Каганом, чтобы равный богам лично воодушевил воинов и устранил врагов.

Каган выехал из ворот Итиля на белом коне. Чаушиар и кендер-каган держали над ним большой шелковый зонт, чтобы ни один луч солнца не упал на божественное лицо. Многокрасочная, как весенний луг, следовала за своим повелителем свита. Шествие замыкали двадцать пять жен Кагана, каждая на отдельном, богато украшенном верблюде.

В свите Кагана было так много нарядных всадников, драгоценности вельмож и оружие телохранителей так

ослепительно блестели на солнце, что князю Святославу показалось: на помощь хазарам спешит из города новая отборная рать.

Святослав поманил пальцем Алка и приказал:

- Скачи к печенежскому князю Идару! Пусть воины Идара преградят дорогу тем хазарам и прогонят их обратно в город!

Алк, гордый ответственным поручением, помчался к реке, где в зарослях была спрятана засадная печенежская рать. Ей не велено было выходить без особого приказа.

Князь Идар был нисколько не огорчен этим. Он спокойно возлежал на ковре в окружении своих старейшин. Рабы разливали из бурдюка кобылье молоко и с поклонами подносили деревянные чашки. Идар прихлебывал холодное молоко лениво и безмятежно, как будто рядом кипела не жестокая битва, а мирно паслись стада. О чем ему тревожиться? Добычу приносит не битва, а преследование разбитого врага. В преследовании свежие кони и не утомившиеся в сече воины князя Идара будут первыми...

Когда Алк, нетерпеливый, запыхавшийся, еще не опомнившийся от бешеной скачки, спрыгнул с коня у края ковра, Идар встретил его без особой радости. Заставил выпить чашку молока и только потом выслушал приказ князя Святослава. Лениво поднялся, подбежавшие рабы помогли своему князю усесться в седло.

- Храбрые воины! Бой ждет вас! - повелительно прокричал Идар.

Затрещали ветки. Печенежские всадники высыпали из зарослей и с воинственными криками устремились следом за князем Идаром и русским дружинником Алком.

Огибая сражавшихся, Алк направлял коня к равнине между хазарским войском и городом, по которой медленно шествовал Каган.

Бег печенежской конницы казался неудержимым, вот-вот она захлестнет свиту Кагана. Но случилось неожиданное...

Каган остановился. Остановилась и его свита, спокойно разглядывая приближавшихся печенегов, как будто Каган был щитом, прикрывшим от опасности всех сопровождавших его людей.

- Каган! Это Каган! - вдруг испуганно завопил князь Идар.

Он натянул уздечку, и послушный конь встал как вкопанный. Идар скатился с седла и упал ничком в траву. На глазах изумленного Алка печенежские всадники, мгновение назад свирепые и неудержимые, последовали примеру своего князя. Они бросали оружие и ложились, уткнувшись лбами в землю. Слепая вера в божественную силу Кагана, о которой они столько слышали, лишила печенегов воли. Преклонение перед Каганом оказалось сильнее страха смерти, и печенеги безропотно ложились под копыта хазарских коней.

Так вот на что надеялся царь Иосиф, призывая Кагана на поле битвы!

А Каган продолжал свое неторопливое шествие, он был уже совсем недалеко от Алка. Из всего конного отряда, скакавшего наперерез Кагану, Алк один остался в седле, в окружении печенежских коней, которые беспокойно ржали, переступали с ноги на ногу возле своих распростертых на земле хозяев.

Ободренные хазарские воины радостно кричали:

- Каган! Каган! С нами божественный Каган!

Сразу что-то изменилось на поле битвы. Пешие хазарские воины яростнее взмахивали мечами и топорами, теснее смыкали ряды. Конница белых хазар собиралась вместе, готовясь к новой атаке.

"Что делать?" - лихорадочно думал Алк. - Как задержать помощь из города? Князь Святослав понадеялся на меня, а я обманываю его доверие!"

Юноша будто наяву представил, как ободренные хазары бросаются на его товарищей, как пьются под напором воины в родных остроконечных шлемах, как князь Святослав спрашивает воевод, почему отрок Алк не привел печенегов... Представил и даже застонал от горя и бессилия...

Алк не испытывал, подобно печенегам, суеверного страха перед Каганом. Для вятичей боги были понятными и доступными, как люди. Богов можно было просить о помощи, принося им жертвы. Но деревянных идолов можно было и наказать, отхлестав прутьями или выкинув из избы на мороз, если они плохо помогали людям!

И Алк сделал то, на что никогда не осмелился бы ни один человек в здешних степях: в руках у него оказался лук, на тетиву привычно легла черная боевая стрела и, зазвенев, полетела прямо в лицо Кагана.

Взмахнув длинными рукавами, Каган вывалился из седла. Чаушиар и кендер-каган склонились над своим поверженным живым богом. Каган лежал на спине, черная стрела вонзилась между бровей, и капельки крови скатывались по переносице в остекленевшие глаза.

Божественный Каган был мертв!

Приближенные, в отчаянии раздирая ногтями щеки, завывали:

- Горе! Горе! Каган ушел от нас! Закатилось солнце Хазарии!

Рассыпались и обратились в беспорядочное бегство телохранители и слуги.

Высоко вскидывая голенастые ноги, затрусили к городским воротам верблюды с женами Кагана.

Горестная весть дошла до хазарского воинства. Воины пешей рати дрогнули, опустили оружие, покорно склонили головы под мечи и топоры набегавших руссов. Каган убит, божественная сила отступилась от Хазарии, стоило ли продлевать агонию бесполезным сопротивлением?

Войска больше не было - была толпа растерявшихся, упавших духом людей, которых теснили и избивали руссы.

Летучие отряды печенегов окружили поле битвы. Но хазары не помышляли о бегстве. Что значила их смерть по сравнению со смертью Кагана?

Только царь Иосиф с конными арсиями ринулся на прорыв и, потеряв множество воинов, ускакал-таки в степь. Печенеги долго преследовали их, осыпая стрелами. Тела арсиев усеяли дорогу бегства, но сам Иосиф с остатками своей гвардии скрылся. Ночь, покровительница беглецов, спасла его от смерти.

Русское войско осталось ночевать на поле битвы. Запылали огромные костры, в которые воины Святослава подбрасывали колья, будто специально для этого принесенные на поле хазарскими пехотинцами; потом в костры полетели и древки хазарских копий.

Звенели, разбрызгивая рубиновое аланское вино, серебряные кубки. Бурдюки с вином тоже принесли на поле сами хазары, чтобы взбодриться перед битвой, но вино стало добычей победителей.

Гремели над полем победные песни, и даже раненные подтягивали слабыми, прерывистыми голосами. Сладок пир на костях поверженного врага! Нет лучше тризны¹ павшим товарищам!

Слава храбрым, отличившимся в бою!

Слава князю-воителю Святославу!..

Немало дружинников и русских пешцев из судовой рати получило в ту ночь почетные серебряные гривны из рук князя. Святослав был весел и щедр, смех его разносился далеко вокруг, и воины тоже смеялись и пели, и поднимали чаши, и дарили друг другу взятое в бою оружие, хазарских коней, дорогие одежды.

Слава! Слава! Слава!

¹ Тризна - поминальный пир

Алк тоже принял из рук князя почетную серебряную гривну, а вместе с ней - новое поручение. Князь Святослав сказал своему удачному ближнему дружиннику:

- Царь Иосиф убежал и скрылся, как волк в ночи. Догони и возьми его. С тобой поедут дружинники на самых резвых конях и печенеги князя Идара. Сотник Вест будет слушаться тебя...

- Десятник... - робко поправил князя Алк.

- Сотник Вест! - повторил Святослав. - Был десятник, а после сегодняшнего боя - сотник. Как ты - был княжим отроком, а отныне можешь величаться княжим мужем! Дождись рассвета - и в добрый путь!

Глава 12

ПОГОНЯ

В степи вокруг Итиля было очень много следов.

Здесь прошли, собираясь под золотым кругом Кагана воины из хазарских кочевий. Потом здесь же прокатилась лавина печенежских всадников, союзников князя Святослава, оставив за собой широкие полосы вытоптанной копытами травы.

Однако следы царя Иосифа и его спутников преследователи нашли без труда. Степняки не подковывают своих коней, а породистые аргамаки¹ царской свиты несли на всех четырех копытах железные подковы; глубокие вмятины от шипов отмечали их путь.

Потом начали попадаться и другие следы поспешного бегства: брошенное в траву дорогое оружие, издохшие кони под нарядными седлами, распростертые на земле раненые и убитые арсии в золоченых кольчугах.

Печенеги князя Идара, присоединившиеся к погоне, коршунами бросались на них, добивали раненых, сдира-

1 Аргамак - старинное название породистых верховых лошадей, которых разводили в Средней Азии и на Кавказе

ли с убитых доспехи, рубахи из цветного шелка, сафьяновые сапожки с острыми каблуками.

Русские дружинники смотрели на этот разбой насмешливо и презрительно. Не к лицу витязю обирать павших, даже врагов, его дело сражаться в честном бою!

А над степью висело безмятежное, прозрачно-голубое небо, еще не замутненное летним пыльным маревом. Ветер пробегал по траве, и степь колыхалась, будто море, бесконечно длинными волнами. В такую весеннюю благодать хотелось наслаждаться созерцанием красоты природы, а не нестись сломя голову за чужими всадниками, которых никто из преследователей не знал и не имел причины лично ненавидеть, но которых непременно нужно догнать и убить. Такова уж судьба воина...

Алк глубоко вздохнул.

Ехавший рядом князь Идар, неправильно истолковавший вздох юноши, только что отмеченного великим подвигом и княжеской милостью, поспешил успокоить его:

- Не горюй, догоним царя. Царь и слуги его на аргамаках, быстрых, но не таких выносливых, как наши кони...

- Не о том я... - тихо сказал Алк. - Глянь вокруг, красота-то какая...

Князь Идар недоуменно оглянулся.

Степь как степь. Травы много. Высокая трава, сочная. От такой травы скот округляется, жирком заплывает. Хорошо! Воды еще много, в каждой ложинке стоит вода, колодцев искать не надо. Тоже хорошо! Солнце не палит зноем, лишь теплом ласкает. Под весенним солнцем ехать по степи хорошо! Но красота-то при чем? Да и зачем воину красота? Что он, женщина?

Совсем непонятно было князю Идару, чем восхищается молодой русский храбрец, осмелившийся поднять руку на самого Кагана и поразивший его стрелой, как дичь. Не зная, что ответить своему спутнику, но не же-

лая и обижать его молчанием, князь Идар кряхтел неопределенно:

- Красота... Да, красота... - И тут же переводил разговор на другое, достойное внимания предводителя княжеской дружины: - К полудню аргамаки царя задохнутся от долгой скачки. Им понадобится отдых, и неоднократный. Думаю, к вечеру царь Иосиф будет в наших руках...

Но опытный в погонях печенежский князь ошибся.

В степи между Доном и Волгою еще бродили хазарские кочевья. Взрослые воины ушли к Итилю, но при табунах и стадах остались старики, подростки и женщины. Царь Иосиф нашел здесь пищу, целебный настой из степных трав для раненых и ослабевших, а главное - свежих коней.

В первом же кочевье спутники царя Иосифа бросили измученных аргамаков и пересели на выносливых степных жеребцов; следом под бдительным присмотром арсиев двигались табуном запасные кони.

Так поступал царь Иосиф и в других кочевьях: бросал усталых коней и забирал свежих. Он двигался почти безостановочно. Дружинники и печенги князя Идара всюду заставляли одно и то же: хазары, стоявшие возле войлочных юрт, угрюмо молчали или слезно жаловались на царя, который забрал лучших коней, не отблагодарив хозяев даже маленькой серебряной монеткой. А силой воспрепятствовать они не могли: взрослые воины еще не вернулись...

Кочевники охотно показывали, в какую сторону удалился царь со своими людьми. Считали, загибая пальцы, сколько часов назад он покинул кочевье. Видно, хазары-кочевники не больно-то любили своего правителя!

Выходило, что, несмотря на спешку, преследователи не приближались к беглецам, царь Иосиф неизменно опережал на половину дня пути.

Ночевали прямо в степи, под удивительно яркими и близкими звездами, подложив под головы седла и ук-рывшись попонами. Костров не разжигали. Да и коротки были ночлеги. На рассвете, наскоро перекусив копченым мясом, которое печенеги везли в переметных сумах, дружинники и воины князя Идара седлали коней и продолжали погоню.

Князь Идар был весел и уверен в успехе. Он убеждал Алка, что царю негде спрятаться. Впереди река Д^он, а за ней кочуют печенеги. Только безумец решится войти в землю печенегов, ибо там ждет беглецов неминуемая смерть.

- Теперь уже скоро, - говорил Идар. - Закатный ветер пахнет речной водой, царю Иосифу думать надо, куда повернуть коней. Крепко думать! Только две дороги у него осталось: на полдень, к морю, и к северной стороне - на Саркел...

Царь Иосиф повернул на север, к Саркелу.

Саркел по-хазарски означает "Белый дом".

Свое название Саркел перенял у старой хазарской крепости, которая была построена на другом берегу До-на действительно из белоснежного камня - известняка. Старая крепость давно разрушилась, обломки ее заросли колючей степной травой, а вот название осталось в па-мяти людей. Когда на левом берегу Дона построили но-вую крепость, название Саркел осталось ей как бы в наследство.

В новом Саркеле не было ничего, что бы оправдывало старое название. Стены крепости были сложены из крас-но-бурых квадратных кирпичей. Шестнадцать башен, как зубы сказочного дракона, угрожающе поднимались над стенами. Еще две башни, самые высокие и мощные, стояли внутри крепости. Оттуда стража следила за степью. Ночью на башнях зажигали костры, чтобы пут-ники могли и в темноте найти крепость.

Но попасть в Саркел было нелегко. Он отгородился от степи не только крепостными стенами, но и водой. С трех сторон мыс, на котором стоял Саркел, омывался быстрыми волнами реки, а с четвертой - восточной - стороны были выкопаны два широких и глубоких рва, тоже наполненных водой.

Что-то чужое, нездешнее было в облике Саркела.

Хазары-кочевники говорили о Саркеле с суеверным страхом и старались по возможности не приближаться к его стенам цвета запекшейся крови.

Как ненасытное чудовище, Саркел поглощал целые стада быков и баранов, длинные обозы с хлебом и другими припасами, тысячи бурдюков с кобыльим молоком и вином, взамен выплескивая в степь только летучие отряды свирепых царских наемников - гузов.

Как саднящая заноза, торчал Саркел в зеленом теле степей - зловещий, непонятный, ненужный населявшим эту степь людям...

Крепость Саркел подняли из земли честолюбивые замыслы хазарского царя, но осуществили эти замыслы не сами хазары, а пришельцы - византийцы. По просьбе царя византийский император Феофил прислал своих зодчих и мастеров, которые построили крепость по привычному византийскому образцу.

В Саркеле селились разноплеменные и разноязычные, отчужденные друг от друга люди: болгары, буртасы, иудеи. А за внутренней стеной, в цитадели, стояли гарнизоном триста наемников-гузов. Царь не доверял собственному народу. Хазар-кочевников допускали в крепость только днем, в небольшом числе, и оружие они должны были оставлять возле воротной башни. И наемникам-гузам царь тоже не очень-то доверял, заменял гарнизон ежегодно, чтобы не успела созреть измена.

Жизнь в Саркеле текла уныло и однообразно.

Мастера-ремесленники копошились в своих темных землянках, крутили гончарные круги, выстукивали молотками по наковальням, дубили в чанах вонючие кожи.

Уличные торговцы раскладывали прямо на земле свои нехитрые товары и дремали, присев на корточки, прислонившись спиной к стене.

А в цитадели рядом с домами стояли войлочные юрты гyzов. Кочевники сохраняли свой образ жизни, варили пищу в котлах над кострами, тянули свои заунывные, грустные песни. Только за хорошую плату они соглашались запереться в эти тесные для степняков каменные стены.

Наместником Саркела всегда назначался близкий родственник царя, младший брат или племянник. Хазарские беки говорили с обидой, что не Хазарии принадлежит крепость, а лично царю. В этом была большая доля правды. Царь Иосиф смотрел на Саркел как на последнее убежище в случае смертельной опасности. Здесь он хотел отсидеться под защитой крепких каменных стен и верного гарнизона, пока князь Святослав не покинет пределы Хазарии. Потом можно попытаться сложить из обломков новое величественное здание державы Кагана. Главное - выиграть время...

Царь Иосиф выиграл бешеную гонку по степи. Тяжелые, окованные железными полосами ворота Саркела захлопнулись за спиной царя раньше, чем погоня успела добежать до внешнего рва.

Князь Идар переломил и с досадой швырнул на землю свою плеть. Плеть, которая не сумела взбодрить коня настолько, чтобы он догнал врага, недостойна висеть на руке война!

Потом печенежский князь уселся на ковер, раскинутый слугами на возвышенном месте поодаль от города, и принялся неторопливо отхлебывать из чаши кобылье молоко, показывая своим безразличием, что дело свое он сделал, безошибочно привел погоню по следам царя,

а остальное его не касается. Печенеги штурмовать каменные стены не привыкли, пусть руссы сами думают, как поступать...

Алк и Вест подъехали к краю внешнего рва. Под ногами лениво покачивалась мутная вода. Через ров перекинут узкий, в три доски, мостик - едва конному проехать. Дальше, за половину перестрела, желтел обмазанный глиной откос внутреннего рва, а за ним крепостная стена с зубцами, с квадратными башнями.

- Неладно вышло, - задумчиво проговорил Вест. - Твердыня эта нам не по зубам. Опоздали.

- Может, поговорить с хазарами? - предложил Алк. - Так, мол, и так, цареву войско побито, следом за нами придет князь Святослав, тогда крепости конец. Пусть выдадут царя, если хотят сохранить жизнь...

Вест в сомнении покачал головой. Но Алк уже направил коня к мостику.

Конь осторожно ступал по качавшимся доскам, испуганно косился на стоячую воду. Копыта негромко постукивали по дереву, и этот стук был единственным звуком, нарушавшим тишину. Молчали дружинники, стоявшие за внешним рвом. Безмолвной и зловещей была крепость.

Когда Алк переехал через мостик, между зубцами стены поднялись головы в лохматых меховых шапках. Широкие бурые лица гузов почти сливались с мехом, узкие глаза казались издали черными черточками.

Алк поднял обе руки вверх, показывая, что приехал с мирными намерениями. Закричал по-печенежски, надеясь, что в степях, пограничных с печенежскими кочевьями, люди понимают этот язык:

- Храбрые воины Саркела! Князь Святослав побил хазарское войско. Великий город Итиль пал к его ногам. Каган принял смерть на поле битвы и больше не защитит вас. Выдайте нам царя Иосифа, и мы уйдем!

Яростно, негодуяще взвыли гузы на стене. В Алка полетели стрелы. Прикрываясь щитом, он попятился к мостику. Стрела вонзилась в шею коня. Алк выдернул ноги из стремян, отпрыгнул в сторону, чтобы падающий конь не придавил его, и на миг опустил свой щит. Тотчас стрелы гузов ударили в грудь, в плечо, в правую руку выше локтя. Железная кольчуга спасла жизнь юноше, лишь одна стрела скользнула по бедру, не прикрытому доспехами. Прихрамывая, Алк перебежал мостик и упал на руки товарищей.

Подошел князь Идар, посмотрел, как дружинники перевязывают рану чистой тряпицей, проворчал недовольно:

- Почему меня не спросил? Разве не знаешь: гузы, будто хищные звери, на всех кидаются? Разве с ними можно разговаривать? Нехорошо, нехорошо...

Потом Алк лежал в шатре и слушал, как сотник Вест и князь Идар, словно состязаясь в рвении и воинской опытности, распоряжаются началом осады.

Против всех воротных башен Саркела встали сторожевые заставы, были поставлены частоколы из заостренных кольев, чтобы помешать всадникам-гузам делать вылазки.

Гонцы князя Идара поехали на другую сторону Дона и вернулись из печенежских кочевий с большими телгами. Составленные рядом, телеги окружили весь Саркел. За ними притаились печенежские лучники.

Осажденным некуда было деваться, но осаждающие не могли взойти на крепкие стены города. Осада Саркела оказалось долгой и изнурительной.

Весенняя прохлада давно сменилась летним зносом, а Саркел стоял. У Веста и Алка дружинников было немного, штурмовать с такой горсткой крепость было чистым безумием. А печенегам лезть на стены просто отказывались.

Алк послал гонца за помощью, но гонец привез лишь строгий наказ князя Святослава: "Сторожить царя крепко и ждать!"

Потянулись дни и недели томительного осадного сидения.

...Потом, когда закончится, наконец, осада Саркела, это время останется в памяти Алка беспросветной тоской, сплошным черным провалом.

Войлочные стены юрты - единственное место, где можно спрятаться от жгучего солнца...

Пыльные вихри в степи...

Смрадный чад печенежских костров - деревья в степи не было, и в костры бросали сухой навоз.

Непереносимый трупный смрад - умерших жителей Саркела гузы сбрасывали со стены в городской ров...

Щемящие сердце, грустные песни дружинников...

И бездействие, томительное и иссушающее душу. Лениво лежать в юрте и жевать даровое мясо, как это делал князь Идар, юноше было не вмоготу.

Алк не понимал еще, что не удачный полет стрелы, не азартная погоня и даже не яростное самозабвение битвы превращают юношу в настоящего мужчину, а вот такое длительное испытание стойкости, терпения и силы духа...

Наступила осень - самое невеселое время в степях.

Пожелтевшая трава звенела, как выкованная из меди.

Обмелевший Дон обнажил песчаные отмели, и, когда задувал ветер, мелкий белый песок струился, как речная вода.

Над Саркелом кружились коршуны, их было так много, что казалось, стервятники слетелись в это страшное место со всего Дикого Поля.

Князь Идар жаловался, что коней нечем кормить, что пора кочевать дальше на север, где в низинах еще сохранилась трава. Алк уговаривал его подождать, пугал гневом князя Святослава. Идар уходил недовольный и

каждый раз повторял, что эта отсрочка - последняя: он не может рисковать табунами, слабеют кони и помирают...

Худо было осаждающим, но защитникам Саркела - еще хуже. Наемники-гузы давно съели своих коней и теперь варили в котлах сырые кожи, благо в амбарах кожевников оказались большие запасы. Колодцы в крепости почти пересохли, а добывать воду из близкого Дона удавалось редко: тропинки к реке сторожили лучники князя Идара. Люди в осажденном Саркеле тоскливо смотрели на безоблачное небо, молили богов о благодатном дожде. Тщетно! Однажды небо нахмурилось тучами, но дождь пролился за Доном, будто в насмешку обронив на пыльной городской площади несколько крупных капель.

Царь Иосиф заперся в высокой башне, которая стояла посередине цитадели. Возле узких, всегда запертых дверей, прорезанных в кирпичной толще, стояли свирепого вида арсии. Остальные горожане давно иссохли от голода и жажды, а усатые лица арсиев жирно лоснились, могучие плечи распирали кольца доспехов. Это казалось удивительным: иссыта-сытые, здоровые!

Немногие в Саркеле знали, что в глубоких подвалах башни еще сохранились запасы пищи и вино в больших глиняных кувшинах. Тяготы осады не коснулись царя Иосифа и его верных телохранителей.

Царская башня была крепостью в крепости, со своим гарнизоном и своими запасами. Иосиф надеялся, что она выдержит приступ, если даже руссы ворвутся за крепостные стены Саркела. Стены башни были толстыми и крепкими, бойницы так узки, что сквозь них не сумел бы протиснуться даже ребенок, а крутые лестницы, которые вели наверх, к жилищу царя, легко защищать даже немногим воинам. Руссы захлебнутся в крови, если попробуют штурмовать башню. А до нее ведь еще две мощные стены - внутренняя и наружная - да два рва.

Только бы продержаться до морозов. Зимовать под крепостью руссы не будут, уйдут.

Перед заходом солнца Иосиф выходил на верхнюю площадку башни и стоял, прямой и неподвижный, в белой длинной одежде, пока солнце не скрывалось за горизонтом.

Защитники Саркела верили, что царь беседует с богами, и надеялись на чудо, и эта надежда поддерживала их решимость обороняться.

А на что надеялся сам Иосиф? Чего он ждал?

На этот вопрос мог ответить только он сам, но в крепости не было человека, который бы осмелился спросить царя.

Обитатели жилищ внешнего города и войлочных юрт цитадели страдали от голода и жажды, умирали от ран, изнемогали в несменяемых караулах у бойниц и тоже чего-то ждали. Может, смерти, ибо ничто, кроме смерти, не могло избавить людей от нестерпимых мучений осады.

Глава 13

МУДРОСТЬ ПОЛКОВОДЦА

Молчаливые дружины руссов вошли в Итиль на следующее утро после битвы. Они миновали глинобитные жилища западной части города, где зимой жили кочевые беки со своими родичами и рабами, а летом по пустым улицам, заросшим пыльной, скудной травой, бродили верблюды и овцы. Не здесь было главное богатство Итиля, а на острове, где были дворцы Кагана и его приближенных, и на другом берегу - в Хазаре, который еще называли Сарашек, то есть Желтый город, место обитания купцов, рынков и складов с товарами.

Возле наплавного моста уже не было сторожевых арсиев. Небольшой отряд наемников преградил дорогу рус-

сам только на площади перед дворцом. Не рассудок, но отчаяние вывело их под русские мечи. Короткая схватка - и последние защитники Итиля легли на каменные плиты. Руссы вырубили секирами двери дворца и ворвались внутрь.

Целый караван верблюдов, тяжело нагруженных золотом, серебром, драгоценными камнями, дорогим оружием и амфорами с редкостными винами, привел в стан князя Святослава воевода Свенельд, которому было доверено собрать лучшую добычу. Дружинники вывозили добро из купеческих амбаров и караван-сараев, из домов богатых горожан.

А когда руссы покинули город, в Итиль ворвались буйные орды печенегов. Они грабили всех подряд. Всадники в черных шапках рассыпались по улицам, вламывались в жилища, убивали жителей трехгранными кривыми мечами, тащили на волосяных арканах пленников. Город окутался дымом пожаров. Князь Святослав расплатился со своими временными союзниками хазарским добром!

Потом впереди русского войска полетит добрая молва о том, что князь руссов беспощаден только к врагам, не убивает мирных жителей и не берет последнего, и другие хазарские города предпочтут сдаваться без боя, чтобы их не отдали на растерзание свирепым печенегам...

А поход продолжался. От разоренного печенегами Итиля руссы пошли дальше на юг, к древней столице Хазарии - Семендеру. Здесь, в предгорьях Северного Кавказа, жили оседлые люди, разводили сады и виноградники, сеяли хлеб. В Семендере был свой царь, по имени Селифан, он подчинялся хазарам, но имел своих вельмож, свое войско и свои крепости, и хазары не входили в его владения, довольствуясь данью и покорностью.

Царь Селифан дерзнул встретить руссов с оружием в руках и потерпел сокрушительное поражение. Остатки его войска рассеялись по укрепленным поселкам; таких

поселков, обнесенных каменными стенами, здесь было много, потому что завоеватели неоднократно приходили в эту страну. Беззащитный Семендер сдался на милость победителей.

Князю Святославу город не понравился. Жалкие постройки в виде шатров из жердей, переплетенных камышом и обмазанных глиной... Хищные минареты мечетей... Бурые караван-сарай... Пыльные вихри на площадях... Душный зной и зловоние из переполненных нечистотами рвов... Бедно одетые, униженные люди...

Вельможи и богатые горожане бежали в горы, увозя во вьюках и на двухколесных повозках, запряженных волами, все ценности. Раздосадованный Святослав отдал Семендер печенегам.

Стремительно пролетели дни, но еще стремительнее было движение войска Святослава через земли аланов и косогов, жителей предгорий.

Взята копьем сильная крепость Семикара, построенная хазарами для защиты сухопутной дороги к устью реки Дона.

Вперед! Только вперед!

Нечастые дневки на берегах речек и у степных колодцев почти не задерживали войско. Одни дружины отдыхали, другие продолжали двигаться вперед, расчищая путь мечами и копьями и захватывая свежих коней для обоза. Близился край коренных хазарских владений. Ночные ветры уже приносили соленый запах моря.

Когда от жителей прибрежных городов Тмутаракани и Карчева приехали тайные послы, князь Святослав объявил своим воеводам:

- Война окончилась. Впереди земля, жители которой не хотят быть нашими врагами. Пора вложить мечи в ножны и проявить к людям милость...

И это была правда. Разноязыкое и разноплеменное население приморских городов лишь вынужденно терпело власть хазарского царя. Хазарские гарнизоны сидели

за стенами цитаделей, окруженные морем ненависти. В князе Святославе горожане видели избавителя от хазарского ярма и готовы были подняться с оружием в руках против своих угнетателей.

Князь Святослав отослал обратно в степи своих союзников-печенегов и дальше двигался один.

А в городе Тмутаракани уже разгоралось пламя мятежа. По темным улицам, прячась от стражи, перебегали закутанные в плащи люди. Из-за саманных заборов слышался скрежет стали о точильные камни. В храм Иоанна Предтечи собрались городские старейшины. Ненависть к хазарам объединила всех, а приукрашенные людской молвой рассказы о непобедимости русского войска вселяли уверенность в успехе.

Тмутараканский тадун, извещенный соглядатаями о недовольстве горожан, решил покинуть город. Из цитадели выехали всадники с факелами в руках. Хазары швыряли факелы на крыши домов, убивали жителей, пытавшихся тушить пожары. Сплошное зарево поднялось над городом.

Навстречу русскому войску понеслись, загоня насмерть коней, гонцы от старейшин гибнувшего города: "Спаси, князь! Поспеси в Тмутаракань!"

Но русское войско опоздало. Хазарский гарнизон успел переправиться на другую сторону пролива, где в городе Корчеве тоже была цитадель и тоже сидел хазарский тадун.

Князя Святослава встретили толпы рыдающих тмутараканцев в прожженных одеждах, с набрякшими от крови повязками на свежих ранах. Воздевая руки к небу, они проклинали хазар. Многие изъявляли желание тут же взяться за оружие, чтобы помочь руссам изгнать хазарского тадуна из Корчева.

Через пролив переправилась отборная дружина восводы Свенельда, но в штурме ей не пришлось участвовать. Вооруженные горожане со всех сторон окружили Кор-

чев, привезли камнеметные машины и множество лестниц. С отчаянной храбростью горожане полезли на стены. К вечеру ни одного живого хазарина не осталось в Корчеве. Не осталось и мертвых: их тела были сброшены в городской ров на съедение бродячим псам. Отрубленные головы двух тадунов - тмутараканского и корчевского - привезли князю Святославу...

Руссы, не приближаясь к огнедышащим стенам Тмутаракани, разбили свои станы в окрестных селениях и в садах, которых было много вокруг города. Омывали усталые, растертые кольчугами до кровавых ссадин тела в ласковых водах Сурожского моря¹. В огромных количествах поглощали вареную баранину и фрукты, принесенные благодарными тмутараканцами. Как будто не на чужбину, а на родную землю пришло войско. Наступило время отдыха от ратных трудов, время пиров и мирной торговли. Тмутараканские и корчевские купцы, еще вчера с яростными воплями карабкавшиеся на стены цитадели, теперь звенели серебром в кожаных кошельках, раскидывали перед дружинниками драгоценные греческие паволоки, щедро наливали в кубки темное вино из узкогорлых амфор.

Мирное небо голубело над Сурожским морем, и князь Святослав даже не подозревал, какой переполох вызвали его победы над хазарами, какие устрашающие слухи опередили суровую поступь его воинов. Смятение было и в Царьграде, и в Багдаде, и в фьордах Скандинавии.

Архонт руссов Святослав вышел к Боспору Киммерийскому², благоденствие херсонской фемы³ зависит лишь от его доброй воли!...

Железнобокая конница эмира северных народов Святослава в неделе пути от кавказских перевалов, и неко-

1 Сурожское море - Азовское море

2 Боспор Киммерийский - Керченский пролив

3 Фема - провинция Византийской империи.

му преградить ей дорогу во владения арабского халифата!..

Конунг Святослав собирает ладьи, и скоро все море станет опасным для варяжских торговых караванов!..

Святослав выбирает, на кого обрушить меч!..

Святослав, Святослав, Святослав...

Грозное имя русского князя звучало летом 965 года на многих языках, его произносили с тревогой и ненавистью, с восхищением и надеждой, но никогда - равнодушно. Князь Святослав казался воплощением могучей силы, которая вдребезги разнесла обветшалое здание Хазарского каганата и теперь готовилась к новому прыжку.

Но куда?

Вожди кочевых племен и наместники земледельческих областей, стратеги византийских фем и императорские сановники, мусульманские визири и прославленные полководцы арабского халифата ловили слухи о князе Святославе, подсылали соглядатаев, составляли про запас посольские речи, готовили караваны с богатыми дарами на случай мира и полки на случай войны.

Но больше всего их интересовал сам русский князь, неожиданно вознесшийся на вершину воинской славы. Они расспрашивали очевидцев о словах и поступках Святослава, прикидывали, как использовать его возможные слабости, чтобы повернуть дело себе на пользу. Даже за внешней простотой, которой, по слухам, отличался предводитель руссов, подозревали какой-то скрытый смысл. Гадали, к какой религии склоняется князь. Казалось, все взяли на заметку опытные вершители государственных дел, даже то, что князь Святослав был молод, очень молод - в лето хазарского похода ему исполнилось всего двадцать три года. А это возраст, когда чувства еще властвуют над разумом...

Представлялось вероятным, что юный предводитель руссов поведет войско в сказочно богатую Таврику¹, где среди вечной зелени нежатся на берегу теплого моря белые города, где сады отяжелели от фруктов, а неслучайные отары овец сползают по горным склонам в долины. Разве можно удержаться при виде такого незащищенного богатства?

Таврический путь князя Святослава казался единственно возможным и даже неизбежным, как ливень, который следует за черной тучей...

Но они ошиблись, эти многомудрые мужи, угадыватели чужих мыслей и похитители чужих тайн, и причина их ошибки коренилась в непонимании самой сути хазарского похода. К Босфору Киммерийскому пришел не лихой стяжатель военной добычи, но предводитель войска великой державы, и его стремительный бросок на Хазарию был лишь началом единого сабельного взмаха, который прочертит широкий полукруг от Каспия до Дуная. Не о сиюминутной выгоде думал Святослав, остановивший войско на пороге Таврики, но о будущих великих походах. Ворваться в Таврику значило воевать с Византийской империей, а время для этого еще не пришло. Недавние завоевания требовали закрепления.

Еще сидел за кирпичными стенами Саркела царь Иосиф, помышлявший сложить из обломков Хазарии новый каганат. С опаской поглядывали вятичи на невидимый Саркел, который они называли "Белая Вежа" и который по-прежнему казался им символом хазарского могущества. Что значили для вятичей победы на Волге и на Северном Кавказе? Лишь негромкое эхо этих побед доносилось до вятичских лесов. А Саркел был рядом, и там сидел хазарский царь!

Только падение Саркела развеяло бы последнюю веру вятичей в силу хазар. Самому Святославу взятие степ-

1 Таврика - Крым

ной крепости не сулило ни достойной добычи, ни славы - что это значило по сравнению с недавними громкими победами! Но все-таки Саркел нужно было брать, и князь Святослав повернул свое войско на север.

Он уходил из Тмутаракани, оставляя позади себя не кровь, не дым пожаров и не проклятия, а благодарную память жителей. Добрые семена доверия и дружбы, посеянные в тмутараканской земле, прорастут щедрой нивой. Поднимется на берегу Сурожского моря еще одно русское княжество, и будут там править князья русского рода...

Глава 14 **ШТУРМ САРКЕЛА**

На исходе сентября, когда к теплому морю потянулись первые журавлиные стаи, в русской стан под Саркелом приехал гонец от князя Святослава. Он передал долгожданные слова князя: "Лады построены, войско готово к походу. Скоро буду сам!"

Много было радости в дружине. Приближался конец осады. Гонец сказал, что на лады погружены камнемётные орудия, перед которыми не устоят никакие стены.

Камнемётные орудия - катапульты¹ были изготовлены искусными византийскими мастерами. Византийцы, озабоченные безопасностью своих владений в Таврике, искали дружбы князя Святослава и были готовы на любые услуги. Первой пришла, опередив судовой караван князя Святослава, большая конная рать воєводы Люта Свенельдовича. Алк вздохнул с облегчением: кончилось их с Вестом воеводство под стенами проклятого Саркела, тяжкий груз ответственности перекладывался на другие, более сильные и опытные плечи!

1 Катапульта - механизм, предназначенный для метания камней или горшков с горючей смесью в осажденную крепость

Лют Свенельдович был настоящий военачальник, не то что добродушный силач Вест. Воин он отважный и товарищ хороший, но не воевода. Вест с самого начала объявил: "Драться нужно - вот он я! Всегда готовый! А от начальствований меня освободи, побратим. Не по мне это дело..."

Алк даже обиделся на побратима, но потом понял, что нельзя требовать от человека того, чего нет. Сила-то у Веста богатырская, но ум небыстрый. Каждый на свой лад красен...

Однако, думать одному за всю дружину было нелегко, и Алк искренне обрадовался воеводе Люту.

Гузы тоскливо смотрели сквозь бойницы, как надвигается из степи на город многочисленная конница, как растут возле стен Саркела воинские стены. Они больше не кричали и не пускали стрелы, даже если любопытные дружинники из новоприбывших подъезжали к стенам совсем близко. Видно, защитники Саркела чувствовали приближение конца и берегли стрелы для последнего боя.

С ликующими трубными возгласами, развевающимися стягами подплыла к Саркелу судовая рать князя Святослава. Все осадное войско столпилось на донском берегу, оставив возле воротной башни небольшую сторожевую заставу. Вылазки из города уже не опасались - не до того гузам. Видят, поди, как по реке надвигается неминуемая гибель!

Воинские лады плыли величественно и грозно.

Алк вспомнил свое сторожеванье на Оке и поразился несхожести тогдашних и нынешних чувств. Тогда были страх и враждебность, теперь - горделивая радость, счастливое приобщение к этой могучей силе...

Не дожидаясь, когда гридни перекинут на берег мостки, с большой нарядной ладьи спрыгнул князь Святослав, пошел, разбрызгивая воду красными сапогами к воеводе Люту и Алку. Князь был без доспехов, в про-

сторной белой рубахе до колен; ветер шевелил длинный локон волос на его непокрытой голове.

Князь почти не изменился с того времени, как Алк видел его в последний раз под Итилем, только лицо его больше загорело, стало почти коричневым, и еще ярче выделялись на нем голубые глаза. Он по-прежнему носил серьгу с жемчужинами и рубином, но теперь к ней прибавилась массивная золотая цепь на шее. Алк узнал потом, что эту цепь подарили князю благодарные жители Тмутаракани.

- Ну как, воевода? - весело спросил князь, повернувшись к удивленному таким обращением Алку. - Не упустил царя-то? На том спасибо. Кончилось твое сидение под Саркелом!

Да, осадное сидение кончилось!

Прибытие князя Святослава словно прогнало из дружины сонную одурь. Застучали топоры плотников, ладивших штурмовые лестницы. Печенеги под присмотром русских десятников растаскивали заграждение из телег, открывая проходы для приступа.

Византийские мастера в коротких синих кафтанах хлопотали возле катапульт, прилаживали к деревянным рамам упругие канаты, сплетенные из воловьих жил, натягивали рычаги.

Дружинники ставили на колеса большой деревянный сруб, обтянутый сырой кожей, - "черепаху". Сырые кожи должны были уберечь боевую машину от хазарских горячих стрел. Внутри "черепахи" висело на цепях тяжелое дубовое бревно, окованное железом, - таран.

Тысячи людей, русских ратников и печенегов, подносили землю в мешках, корзинах, а то и просто в шапках - засыпали рвы. Как по ровному полю, поползет к Саркелу страшная своей неуязвимостью "черепаха", и воины, спрятавшиеся внутри, будут долбить тараном крепостные ворота.

Вечером ратники искупались в прохладной речной воде, переоделись в чистые рубахи. Утром - приступ!

Штурм Саркела поразил Алка осмысленностью и четкостью движений войска.

Первыми к стене побежали цепи лучников, осыпая врагов стрелами. Едва меж зубцами стены или в бойнице показывалась лохматая шапка гуза, туда летело несколько смертоносных стрел, и защитники города не могли как следует прицелиться в набегавших со штурмовыми лестницами пешцев.

Лестницы густо облепили стену, по ним взбирались наверх воины с мечами и топорами, а у подножия стены ждали своей очереди другие воины, прикрываясь от камней и стрел большими щитами.

"Черепаха" уткнулась в проем воротной башни. Тяжелые удары тарана сотрясали башню, крошились железные полосы на воротах, летели щепки от толстых дубовых брусьев. Ворота гнулись и расползались щелями.

А за "черепахой" уже стояла конная княжеская дружина, ожидая, когда наконец рухнут ворота и можно будет ворваться в крепость. Честь первыми ворваться в город была доверена самым храбрым воинам. Среди них был сотник княжеской дружины вятич Алк.

Но первыми в Саркеле оказались не княжеские дружинники, а пешие ратники, которые забрались по лестницам на стену. Они захватили башню и изнутри откинули засовы.

Бой разгорелся на узких улочках внешнего города. Гузы молча падали под ударами мечей и копий. Они не просили пощады. Сами не щадившие никого, они считали, что побежденный не достоин жить...

Только немногие гузы успели добежать до внутренней стены и укрыться в цитадели.

И все повторилось снова.

Пешие лучники натянули свои луки, поражая стрелков на гребне стены. Пешцы прислонили к стене лестницы и полезли наверх; выставив вперед мечи, они протискивались между зубцов и исчезали в цитадели. Затихал, удаляясь, шум боя. Распахнулись ворота, отомкнутые изнутри. Дружинники в конном строю въехали в цитадель.

Оставалась только высокая башня - последнее убежище царя Иосифа. Княжеские дружинники спешили и медленно пошли вперед. Навстречу им летели стрелы; не короткие и толстые стрелы гузов, а длинные, с хищными зазубринами на остриях - оружие арсиев. Дружинники подняли щиты над головами и под их прикрытием начали долбить топорами дверь.

Алк тоже бросил уздечку кому-то из пешцев и, расталкивая толпу дружинников, приблизился к башне. И - вовремя! Дружинники разом нажали и тяжестью своих тел, обтянутых кольчугами, выдавили остатки дверей, ворвались в башню. Алка кто-то толкнул в спину, он не удержался на ногах и упал головой вперед, в темноту.

Над ним скрежетала сталь, раздавались хриплые возгласы сражавшихся, стоны. Кто-то больно наступил сапогом на правую руку, Алк невольно разжал пальцы, меч откатился. Он шарил рукой по каменным плитам пола и никак не мог найти рукоятку своего меча. С трудом отполз к стене, поднялся, прижимаясь спиной к осклизлым холодным камням. Глаза постепенно привыкали к полумраку.

Дружинники, взмахивая мечами и топорами, теснили арсиев вверх по узкой лестнице. То один, то другой скатывался по ступеням вниз, на грудь тел, уже лежавших у подножия лестницы. Но через разбитые двери протискивались и спешили на помощь новые дружинники.

Алк подхватил оброненный кем-то меч и тоже бросился в сечу.

Шаг за шагом, переступая через павших товарищей, скользя на мокрых от крови ступеньках, дружинники поднимались вверх.

Первая площадка башни, вторая... Арсиев было не очень много, но в тесноте численное превосходство не давало штурмовавшим преимущества. В узких переходах и поворотах лестницы могли сражаться плечом к плечу не больше двух воинов, а остальные, напирая и толкая в спины, только мешали им свободно действовать оружием.

Третья площадка, четвертая...

Алк оказался лицом к лицу с усатым, свирепого вида арсием - все дружинники, ворвавшиеся прежде Алка в башню, уже лежали на ступеньках лестницы.

Меч арсия скользнул по кольчуге юноши. Поднять руку для следующего удара арсий не успел: пригнувшись, Алк боднул своим остроконечным шлемом в усатое, хищно оскаленное лицо врага.

Сам он тоже не удержался на ногах, упал на колени и сжался, ожидая смертельного удара. Но удара не последовало. Лестница впереди была пуста. Неужели он убил последнего защитника царя Иосифа?!

Еще несколько крутых ступеней, поворот...

Последняя площадка башни!

Бойницы здесь были шире, чем внизу, и солнечные лучи свободно проходили сквозь них, освещая красивый ковер на полу, яркие шелковые подушки на широкой постели под балдахином.

Алк догадался, что здесь было жилище царя.

Но где он сам?

В углу, загораживая спиной узкую дверь, замер тучный старик в богатом халате. Он что-то закричал пронзительным голосом, негодуяще взмахнул руками, будто отгоняя Алка и ворвавшихся следом за ним дружинников.

Алк отшвырнул старика в сторону, ударил сапогом в дверь.

Дверь бесшумно открылась.

Еще одна лестница, совсем узкая, каменные стены касаются плеч.

А потом прямо в глаза ударило ослепительное солнце - Алк был на вершине башни. Шагах в десяти, между двумя каменными зубцами, стоял царь Иосиф.

Повелитель Хазарии был в белой одежде, крупными складками опускавшейся до самого пола, руки скрещены на груди, на пальцах разноцветными огоньками сверкали драгоценные камни перстней.

Звения доспехами, карабкались по узкой лестнице дружинники и останавливались, тяжело дыша, за спиной Алка.

Преодолевая невольный трепет, Алк медленно двинулся к царю.

Но царь Иосиф вдруг шагнул назад, за зубцы башни, и беззвучно упал в пустоту. Громко закричали люди у подножия башни, и в этом крике не было слышно страшного удара упавшего с высоты тела...

Князь Святослав приказал до основания разрушить Саркел, чтобы и память об этом зловещем городе исчезла.

Отшумели почестные пиры. Полуведерная круговая чаша обошла все войско, от князя до последнего погонщика верблюдов, и заняла свое место в сундуке виночерпия-кравчего. Общей была победа, общим был и пир.

Поднялся на донском берегу высокий курган, последнее прибежище павших в бою товарищей, и уже справили на нем тризну, которая, по обычаю, следовала за почестным пиром.

Под надежной охраной уплыли вверх по Дону ладьи с добычей похода. Можно было возвращаться домой.

Но князь Святослав медлил, будто ожидал кого-то. И - дождался. Из Таврики, от византийцев, приехал гонец.

Императорский вельможа Колакир извещал о своем намерении посетить Киев, чтобы говорить с князем и старейшинами Руси о делах государственных, выгодных той и другой стороне.

Никто, кроме самого князя, не догадывался, какими будут эти дела.

Святослав вдруг заторопился, оставил с войском старого Свенельда и воевод пешей рати Асмуда и Воиста, а сам с ближней дружиной поехал в Киев прямо через Дикое Поле, пренебрегая опасностями этого пути. Дружинники вели в поводу запасных коней, чтобы не искать подмену в печенежских кочевьях. Хоть печенеги и считались союзниками, доверять им было безрассудно.

Никогда раньше, да и после тоже никогда, Алк не разговаривал так много с князем Святославом. Видимо, князь нуждался в благодарном слушателе и нашел его в молодом вятиче. Далеко опередив дружину, князь Святослав и Алк ехали рядом, стремя в стремя.

Бесконечно огромная, расстилалась вокруг степь, и под стать ей были планы князя Святослава. Неизведанные дали раскрывались перед глазами Алка, в степных миражах чудились сказочные города, жесткая степная трава склонялась к ногам коней, как толпы побежденных врагов, а неутомимые кони несли и несли витязей в остроконечных шлемах вдогонку за закатным солнцем, которое будто указывало дальнейший путь князя Святослава - на запад. И Алк был счастлив, чувствуя свое сопричастие к великим замыслам князя.

Хазарский поход, только что владевший всеми мыслями Святослава, отодвигался куда-то далеко-далеко. Хазария была лишь ступенькой на лестнице подлинного величия, по которой повел Святослав молодую, стремительно набиравшую силы Русь.

А как высока будет эта лестница!

- Русь крепко встала на краю моря, у Дона-реки, - возбужденно говорил князь Святослав. - Но у моря два

края. Другой край моря на Дунае. Туда теперь лежит путь наших коней!

- Да сбудется все задуманное тобою, княже! - шептал Алк. - Да сбудется!

Глава 15

ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА

Прошло шесть лет. Последняя черная стрела с родовыми знаками осталась в колчане сотника Алка. Всякие стрелы были в обозе княжеского войска - и византийские, и венгерские, и болгарские, и арабские, и изделия киевских мастеров-умельцев, а таких стрел, как снаряжали в роде старого Смеда, больше ни у кого не было. Крепко берег вятич свои родовые стрелы, и потому каждая выпущенная черная стрела оставалась как зарубка в памяти.

Понадобилась черная стрела в первой стычке с болгарами на Дунае, было это в лето шесть тысяч четьреста семьдесят шестое¹. Войско царя Петра стояло на берегу, а по Дунаю плыли ладьи князя Святослава. Не стал Святослав уклоняться от боя, хотя и не искал ссоры с болгарами. Русские ладьи врезались носами в песчаный берег, воины высаживались и тотчас выстраивались рядами, составляя из щитов непреодолимую стену. Царь Петр послал вперед боярскую конницу. Но нарядные всадники даже не доскакали до линии красных русских щитов и принялись заворачивать коней. А через реку медленно плыли большие плоты с дружинной конницей. Алк со своей сотней раньше других выбрался на сушу и, объезжая русский и болгарский пехотный строй, вырвался к холмику, где в окружении бояр стоял царь Петр в красном плаще и высокой, вышитой золотом

1 968 год

шапке. Возле него суеился горбоносый смуглый человек в шлеме с перьями. "Византиец!" - догадался Алк и потянул из колчана черную стрелу.

Царь Петр с ужасом оглянулся на рухнувшего советника, приказал трубить отступление. Но они опоздали, эти багроволицые, надменные царские трубачи, в нарядных кафтанах, с серебряными трубами. Бегство началось раньше, чем они поднесли трубы к губам. Нахлестывая коней, уносились прочь боярские дружины. Врассыпную бежали ополченцы, бросая копья в траву. Царские телохранители посадили своего правителя в крытую повозку, запряженную четверкой сильных коней, и умчались. А руссы, вложив мечи в ножны, вернулись к своим ладьям.

Князь Святослав сказал пленным:

- Идите по домам, рассказывайте всем, что воюю не с болгарами, которые суть тоже славянского корня, но с царем Петром и его недобрыми советниками!

Эти слова многое объясняют.

Восемьдесят крепостей построили римляне и византийцы на Дунае и в придунайских землях. И все восемьдесят крепостей взял князь Святослав за лето и осень 968 года, поражая врагов и союзников стремительностью переходов, яростью скоротечных приступов и ... неожиданным милосердием!

Победное шествие по болгарской земле не сопровождалось грабежами и разорением городов. Обосновавшись в Переяславце, князь Святослав замирился с болгарами, чтобы продолжать совместную борьбу со злейшим врагом русских и болгар - Византийской империей. Но как раз это-то и не устраивало императора Никифора Фоку. Он подкупил печенежских князей, и степняки двинулись на Киев. Так был зажжен пожар за спиной князя Святослава, вынудивший его уйти из Болгарии и поспешить на помощь собственной столице.

Алк хорошо помнил эту весну 969 года.

Над степью летели стяги - багряные и голубые, туго вытянутые встречным ветром. Сотня за сотней, как полноводная река, катилась дружинная конница по теплой и влажной земле, легко и неслышно. Воины в острокопечных шлемах вели в поводу запасных коней. Размашистой рысью бежали вьючные лошади, и трудно было разобрать, где кончается дружинный строй, а где начинаются обозы, - и там и тут одинаково быстрыми были всадники и кони, только впереди на одного всадника приходилось два коня, а во вьючном обозе - десять. Сам по себе этот стремительный бросок через степи был подвигом, на который способно лишь закаленное в дальних походах войско.

Печенеги поспешно отошли от Киева, но этого князю Святославу было мало. Возмездие должно быть грозным и неотвратимым. Мертвая тишина должна воцариться в печенежских степях, пока он воюет на Дунае!

Печенеги обычно мало опасались нападений. Их хранили от врагов немеренные просторы Дикого Поля и быстрота бега неутомимых, привычных к дальним переходам степных коней. У печенегов не было городов, а становища из легких войлочных юрт и крытых повозок в случае опасности рассеивались по степям, растворялись в балках и оврагах, в камышовых зарослях и дубравах по долинам рек, но эта война не была похожа на прежние...

Конница князя Святослава шла облавой, загоняя печенежские кочевья в излучины рек, а на воде их поджидали ладьи с пешими воинами. Печенеги метались в железном кольце, но спасения не было - всюду их встречали копья и мечи. Долго потом в колючей траве белели кости, и некому было насыпать над ними курганы, потому что печенеги даже близко страшились подойти к полям поражений. Многочисленные табуны и стада, главное богатство печенегов, медленно потекли к берегам Днепра, охраняемые русскими воинами. Печенеж-

ские князья посылали гонцов с просьбами о мире, клялись не нападать больше на русские земли. Казалось, война окончена, но Святослав долго еще посылал в степи конные отряды, отыскивая непокорившихся. Одним из таких отрядов командовал сотник Алк.

На дне глубокого оврага неожиданно встретились два знакомца - Алк и печенежский князь Идар. Злобным торжеством заблестели глаза печенега: воинов у русского сотника было раза в три меньше. Но просвистела черная стрела, и князь Идар покатился по пыльной траве. Воины его кинулись врассыпную. Сотник Алк привез Святославу серебряный пояс Идара, и снова князь похвалил его:

- О свирепости сего печенега люди рассказывали. Лютого врага ты завалил!

В следующем году князь Святослав был уже на Дунае. Византийцы окончательно были выброшены из Болгарии. Поражение стоило императору Никифору Фоке жизни: его убили в собственном дворце. Новым императором был объявлен Иоанн Цимисхий, опытный полководец, прославившийся победами в Малой Азии.

А между тем русские и болгарские дружины уже приблизились к границам империи. Но войти в Византию было нелегко, путь преграждали Гимеи¹. Все дороги через них были прикрыты византийскими копейщиками и лучниками. Ловкие сильные юноши из стратиотских семей² поднимались на отвесные скалы, привязывали себя ремнями к кустам и стволам деревьев, чтобы сверху поражать стрелами вражеских вождей.

Алк ехал по ущелью рядом с князем Святославом. Впереди, над обрывом, чуть шевельнулись кусты. Алк насторожился, наложил на тетиву черную стрелу. Над

1 Гимеи - Родопские горы на границе Болгарии и Греции.

2 Стратиоты - наследственные византийские воины, получившие за военную службу земельные владения. Из них формировалось войско катафрактов - тяжеловооруженных всадников

кустом поднялся византиец с луком в руках. Но полет черной стрелы опередил его. Долго еще смотрели дружинники, проезжавшие мимо этого места, как раскачивается вниз головой византийский лучник - ремень, которым он привязался к кусту, не дал ему пасть вниз...

Князя Святослава не остановили горные теснины. Болгарские проводники показали руссам тропы, о которых не подозревали даже местные пастухи, и руссы неизменно оказывались позади византийских сторожевых застав. Окруженные врагами и горными кручами, византийцы бросали оружие или погибали в безнадежных схватках. Они даже не успевали отправить гонцов, чтобы предупредить своих военачальников. Потоки русской и болгарской пехоты, дружинной конницы сразу во многих местах неожиданно ворвались во Фракию¹.

Под Аркадиополем, находившимся совсем недалеко от византийской столицы, двенадцатитысячное отборное войско опытного полководца Варды Склира попыталось задержать князя Святослава, но потерпело поражение.

Император Иоанн Цимисхий запросил мира. Вопреки ожиданиям, переговоры с князем Святославом оказались непродолжительными и нетрудными. Император охотно согласился возместить военные расходы и выплатить дань. Смутило его только требование князя руссов: "До Болгарии вам дела нет!" От империи отпадали многочисленные и богатые земли, которые византийцы привыкли считать своими владениями. Но спорить не приходилось. Империи был необходим мир!

И мир был заключен. Князь Святослав увел свое грозное воинство обратно через Гимеи. Он не подозревал, что император подписал мир, чтобы подготовиться к новой войне!

В Византии шли лихорадочные военные приготовления, набирались новые полки, снаряжался огненосный

1 Фракия - область в восточной части Балканского полуострова между Черным, Эгейским и Мраморным морями

флот. Значительно было увеличено войско катафрактов, блестящих всадников, с головы до ног закованных в броню; даже у коней были панцири и железные шлемы. Император создал двухтысячное войско "бессмертных", куда призывались самые сильные, опытные, храбрые воины.

Весной 971 года тридцатитысячное византийское войско густыми колоннами двинулось в Гимейским горам. Его возглавлял сам император Иоанн Цимисхий - в блестящих доспехах, на рослом коне, с длинным боевым копьем в руках. За императором стройными рядами ехали две тысячи "бессмертных".

Все благоприятствовало успеху похода. Разведчики, возвратившиеся с Гимеев, приносили обнадеживавшие вести: горные дороги не заняты русскими и болгарскими заставами. Приехавшие из Болгарии купцы единодушно подтверждали, что князь Святослав не ожидает войны, живет в Доростоле на Дунае, а его воины стоят гарнизонами в разных городах. Император Иоанн Цимисхий подумал, что руссы совершают непоправимую ошибку. Разве можно рассредоточивать войско?

Стремительный бросок через Гимейские горы подтвердил громкую славу полководца Цимисхия. Преодолев перевалы, ущелья и бешеные горные потоки, византийское войско благополучно вышло на северные склоны Гимеев. Впереди лежала Болгария...

Алк впервые за последние годы оказался далеко от князя Святослава. Воеводе Сфенкелу и ему было приказано стоять с дружиной в городе Преславе, древней столице Болгарии, и охранять нового болгарского царя Бориса. Так попросил сам царь, не надеясь на благорасположение своих поданных.

Площадка сторожевой башни была просторной и ровной. Старые каменные плиты отполированы до зеркального блеска. Несколько столетий сменялась здесь стража. Ходили по площадке римские легионеры в тя-

желых сандалиях, подкованных медными гвоздями. Тогда у северных отрогов Гимейских гор еще не было большого города, и сторожевая башня стояла одиноко и угрожающе, как символ чужой, подавляющей силы. Шаркали по вечным каменным плитам мягкие, без каблуков, сапоги скифов - жителей степей. Звенели шпорами наемники-варяги. А потом покой Преслава оберегала болгарская стража. Ныне же рядом с болгарскими воинами стояли русские дружинники. В то памятное утро 12 апреля 971 года поднялся на башню и воевода руссов Алк, хотя ему вовсе не обязательно быть здесь. Однако неясная тревога, предчувствие беды заставили Алка покинуть затемно уютную ложницу в царском дворце, еще раз обойти стены.

Утро было тихим и прохладным. Над полями и виноградниками медленно поднималось солнце. Недалекие горы дышали влажным холодом. Из ущелий клубами белесого дыма выползали на равнину туманы.

Рассветная тишина неожиданно взорвалась ревом боевых труб, оглушительным медным звоном литавр и кимвалов. Из тумана выходили колонны византийского войска, разворачивались боевым строем на равнине, зеленевшей первыми весенними всходами. Косые лучи солнца праздничным блеском отразились в железе доспехов. Гордо развевалось бело-голубое знамя "бессмертных", выдавая присутствие в войске самого императора.

Дружинник на башне затрубил в рог. По-разному откликнулись люди в Преславе на этот тревожный призыв.

Воевода Сфенкел снял со стены меч в простых кожаных ножнах, который брал с собой только в большие битвы. А в том, что битва будет, воевода не сомневался. Не к лицу руссам отсиживаться в крепости, князь Святослав говорил, что за стенами прячутся только трусы, а сильные и мужественные сами выходят в поле, на-

встречу опасности, ибо только решительное сражение может принести победу...

Царь Борис по потайному ходу поспешно покинул свой дворец и укрылся в небольшом доме среди садов - решил подождать, чем закончится сражение. Борис надеялся, что царский титул защитит его при любом исходе...

Русские и болгарские дружинники, составляющие гарнизон Преслава, вооружались и бежали на площадь к царскому дворцу, где воевода Сфенкел установил место общего сбора.

Зажиточные горожане зарывали в землю монеты, прятали в тайники товары и дорогую утварь. Так поступали даже те, к кому прокрадывались по ночам византийские лазутчики. Обычай императорских вояк были хорошо известны: сначала отнимут все добро, а потом начнут разбираться, кто им враг, а кто - скрытый друг...

Городские ополченцы столпились у амбаров, где в мирное время хранилось их оружие. Царь Борис мог нравиться или не нравиться, к предводителю руссов Сфенкелу можно было относиться дружелюбно или подозрительно, но оборонять свои дома были готовы все. От византийцев жители Преслава не ждали ничего хорошего...

Разобравшись по десяткам и сотням, воины пошли к городским воротам. Руссы и болгары шли на битву в одном строю, и трудно было различить, кто пришел с великой реки руссов Днепра, а кто влился в войско здесь, в Болгарии. С роковой минуты, когда рог дружинника возвестил о беде, прошло совсем немного времени. Медлительное императорское войско еще не успело приблизиться к стенам Преслава.

Когда император Цимисхий увидел руссов, выходящих из ворот, он был удивлен и озадачен. Согласно всем правилам войны неприятель, оказавшийся в численном меньшинстве и к тому же застигнутый врасплох, должен

отсиживаться за крепостными стенами, пока не подойдут подкрепления...

Замешательство императора длилось недолго, но руссы успели построиться для сражения. Перед византийцами стоял сомкнутый строй тяжеловооруженной пехоты, силу такого строя византийцы знали по прежним сражениям. Однако руссов было не очень много, и император Цимисхий был уверен в успехе.

Алку впервые довелось наблюдать за сражением как бы со стороны. Воевода Сфенкел строго-настрого запретил ему выходить в поле. Дело Алка и его людей - отстоять ворота, не дать византийцам ворваться в город на плечах отступающих русских воинов, если сражение в поле обернется не в их пользу. Алк понимал важность этого дела и смирился.

Византийское войско приближалось. По сигналам своих военачальников пешие стратиоты расступились, пропуская вперед конницу катафрактов. Волны закованных в железо всадников накатывались на русский строй и отступали. Руссы стояли непоколебимо.

Тогда император Цимисхий двинул свою пехоту. Две фаланги¹, византийская и русская, сошлись врукопашную. Под страшным напором русский строй качнулся назад, изогнулся дугой, но тут же выпрямился, отбросив поредевшие ряды стратиотов. Атака не удалась.

Снова на равнину, усеянную телами павших, вынеслась конница катафрактов. Русские стояли, прикрываясь своими большими щитами. Заканчивался второй час битвы.

"Сколько может длиться кровопролитие? - раздраженно думал Цимисхий. - Не для того я преодолевал опасные Гимеи, чтобы положить половину войска в первом же сражении!"

И император двинул вперед своих "бессмертных".

1 Фаланга - глубокий пехотный строй, состоявший из многих рядов воинов

Две тысячи отборных всадников, закованных в броню, гордых доверием императора и жаждавших отличиться, смяли левое крыло руссов. Одновременно легкая конница, привыкшая к стремительным рейдам в тыл неприятеля, отрезала руссам путь к отступлению. Император ждал замешательства и беспорядочного бегства; обычных для окруженного войска, когда пехотинцы, преследуемые конницей, обречены на полное уничтожение. Однако руссы не позволили расстроить свои ряды. Воодушевила ли их властная воля полководца, или сами они умели отходить, не нарушая строя, но ожидаемого бегства не получилось. Катафракты скорее провожали руссов как почетная стража, чем преследовали их. Цепи легковооруженных всадников, пытавшихся отрезать руссов от города, были разорваны мгновенно. Руссы втянулись в Преслав и крепко заперли за собой ворота.

Алк облегченно вздохнул, когда с лязгом закрылись воротные засовы. Помощь его воинов не потребовалась: византийцы не осмелились приступить к воротной башне, а немногих смельчаков, подскочивших к стене, отогнали лучники.

Ночью Сфенкел и Алк обошли городские стены. Воины были бодры и готовы защищать город. Никто не воспринял вчерашнее отступление как поражение. Потери оказались тяжелыми, но боевой дух защитников Преслава не был подорван. И это было главное...

Византийцы подвезли к стенам тяжелые метательные орудия. С грохотом и скрипом взметнулись рычаги. Каменные глыбы и горшки с горючей смесью, медленно поворачиваясь на лету, обрушивались на город. Опрокидывались и рассыпались щебнем каменные зубцы стены. Потоки горячей жидкости поползли по крышам домов. Сразу во многих местах города вспыхнули пожары. Клубы черного дыма закрыли солнце.

Казалось, все сметено с гребня стены этим каменным смерчем. Но город не сдавался. Бойницы извергали стре-

лы и дротики, на головы приступавших врагов падали со стены камни и бревна. Много стратиотов нашли смерть у ее подножия, а забравшихся наверх храбрецов встречали копья и мечи дружинников. Приступ был отбит.

Снова метали камни и греческий огонь смертоносные орудия. Стратиоты и спешенные катафракты добегали до стены, карабкались по штурмовым лестницам и откатывались, уstraшенные потерями. Так продолжалось до темноты. Преслав держался.

Воевода Сфенкел собрал предводителей дружины и городского ополчения на совет. Невеселыми были речи военачальников. От обстрела погибло больше воинов, чем во время полевого сражения. Еще несколько таких дней, и город просто некому будет защищать. Но слабодушных не было. Следом за воеводой Сфенкелом Алк повторил как клятву слова князя Святослава: "Да не посраим земли Русской, но ляжем костьми! Мертвые сраму не имут!"

И вот наступило 14 апреля, последний день обороны Преслава. Заработали осадные орудия. Стратиоты полезли на оголившиеся стены. И таким великим представился самим византийцам подвиг воина, первым ворвавшегося в город, что исторические сочинения сохранили его имя - Феодосий Месоникт, родом из восточных провинций империи.

Но авторы византийских исторических сочинений умалчивали, что схватка была выиграна не доблестью воинов императора Цимисхия, а метательными орудиями: каменные глыбы сломили живую человеческую плоть...

Стратиоты колоннами вливались в улицы, сметая немногочисленные заставы руссов и болгар. За пехотой в конном строю спешили катафракты. Воинов не нужно было больше подгонять, все рвались вперед, ибо знали

- львиная доля добычи достанется тому, кто войдет первым.

Но сражение за Преслав еще не закончилось. Сфенкел и Алк с немногими уцелевшими дружинниками укрылись в царском дворце, обнесенном невысокой, но достаточно крепкой каменной стеной; во дворец вели единственные ворота. Сотни полторы стратиотов сгоряча ворвались через них на дворцовый двор, но были мгновенно перебиты. Та же участь постигла и катафрактов, осмелившихся въехать в ворота в конном строю.

Опытный Цимисхий мгновенно оценил губительность боя в тесных лабиринтах дворца и приказал выкурить руссов огнем. На дворец полетели пылающие факелы, сосуды с греческим огнем, комки смрадного дымившегося войлока. Пламя охватило дворцовые постройки. Стратиоты за воротами уже подняли копья, чтобы во всеоружии встретить спасающихся от огня руссов...

Воевода Сфенкел обнял Алка и прошептал:

- Если боги помогут тебе спастись, Расскажи князю Святославу: бились мы крепко!

- И ты Расскажи... - только и нашел что сказать Алк.

Из подворотки, щурясь от едкого дыма, Алк пустил последнюю черную стрелу в какого-то начальника стратиотов и отбросил бесполезный лук.

С мечами в руках русские дружинники и болгарские ополченцы, оказавшиеся во дворце, бросились на византийские копья. Они совершили невозможное: горстка смельчаков прорвалась через железное кольцо и ушла из города. Стратиоты преследовали их, но не сумели настигнуть. Сады и виноградники, которыми изобиловали окрестности болгарской столицы, укрыли беглецов. Был ли среди уцелевших русских дружинников Алк - неизвестно...

„Колумб Востока“

Глава I

МЕЧТА ЮЛИАНА

МАЙСКИМ утром 1235 года из ворот доминиканского монастыря в Пеште¹ выехали четыре всадника. Копыта рослых смиренных коней беззвучно опускались в уличную пыль, словно опасаясь нарушить мирный сон горожан: час был ранний, лишь над немногими крышами поднимались струйки печного дыма.

Редкие прохожие удивленно разглядывали бородатые лица всадников и их длинные, непривычного вида одежды.

Монах в ветхой рясе, перепоясанный куском веревки, плюнул вслед:

- Проклятые язычники! И в столице христоролюбивого короля Белы² смердит ими!

Но он ошибался, этот сердитый монах.

По улице ехали не язычники, с которыми истинному христианину и встретиться-то грешно, а братья-проповедники Доминиканского ордена³, прославленного своими подвигами во имя господне. Сменив монашеское платье на мирское и отпустив бороды по примеру язычников, проповедники отправились в дальнейшее путешествие. И не было ничего предосудительного в их необычном облике. Даже святой Доминик, основатель ордена, когда-то отращивал бороду и волосы, чтобы самолично нести божье слово в дикие степи. Потом другие проповедники пошли по начертанному Домиником пути, разыскали за рекой Днепром половецкие кочевья, и не

1 Пешт - одна из исторически сложившихся частей столицы Венгрии - Будапешта; в XIII в. Пешт был самостоятельным городом

2 Бела IV - венгерский король (1235-1270 гг.)

3 Доминиканский орден, основанный в 1216 г., получил от римского папы право повсеместной проповеди. Орден развернул широкую миссионерскую деятельность. В XIII в. доминиканские миссионеры проникли во многие страны Восточной Европы, Персию, Монголию, Китай

их вина, что ничего полезного они не сумели совершить: степняки упорствовали в своей языческой вере. Двое проповедников погибли, а остальные попали в рабство к половецким вождям. Но по следам мучеников шли другие миссионеры, и никакие опасности не могли утратить их. Смерть общала вечное блаженство на небе...

Юный Юлиан, венгр по происхождению, неоднократно провожал братьев-проповедников в неведомые земли. Строгие и молчаливые, будто отделенные невидимой чертой от остальных монахов, стояли проповедники перед алтарем, и только к ним обращался со словами последнего напутствия настоятель монастыря. Торжественно, ликующе гудел орган. Множество свечей, как в самый большой праздник, освещали каменную громаду собора. С восхищением и почтительным удивлением смотрели на отбывавших проповедников младшие братья и отроки-послушники. На великий подвиг благославлялись эти люди!

На рассвете, в святой час пробуждения нового дня, братья-проповедники тихо уходили за ворота, чтобы покинуть монастырь надолго или даже навсегда. Уходившим в странствования завидовали, потому что серебряный крест проповедника пользовался всеобщим уважением. Но только самые достойные заслуживали эту честь...

Юлиан тоже мечтал о путешествии в дальние, неведомые страны. Еще в детстве он слышал предание о том, что венгры пришли на Дунай с востока. А потом сам прочитал в старых книгах, что существовала какая-то другая Венгрия, старейшая, которую книжники называли "Великой".

Оттуда, из Великой Венгрии, когда-то вышли со своими народами семь великих вождей, потому что их прежние владения уже не вмещали многочисленности жителей. Они кочевали по степям, пока не достигли страны, которая ныне называется Венгрия, а тогда называлась пастбищами римлян. Первым королем, святым

Стефаном¹, эти венгры были обращены в католическую веру, а их сородичи, оставшиеся жить где-то на востоке, по-прежнему пребывали в язычестве. Найти прародину венгров мечтали многие. Но где искать? Старые книги умалчивали об этом...

Юлиану далекие сородичи почему-то казались людьми кроткими и доверчивыми, вроде тех пастухов, которые пригоняли в столицу отары овец с Трансильванских гор. Будто наяву представлялось юноше, как шествует он впереди толпы своих обретенных сородичей по бесконечному цветущему лугу, серебряный крест брата-проповедника поблескивает на его груди, а над дальними лесами поднимается огромное, в половину неба, багровое солнце. Потом Юлиан представлял, как он учит грамоте черноглазых смышленных отроков, как повествует молодым воинам о славных ратных подвигах короля Стефана, как наставляет седобородых старцев и те почтительно слушают его... А девушки...

Тут мысли молодого монаха принимали совсем уж греховное направление, и Юлиан вздрагивал, испуганно оглядываясь по сторонам, хотя был один, да и в соседних кельях братия давно отошла ко сну. Гордыня! Гордыня!

Тесными, давящими казались юноше своды монастырской кельи, однообразными и утомительными - бесконечные молитвы. Как завидовал он проповедникам, уходившим в неведомые дали!

Отец-настоятель благосклонно выслушивал горячие просьбы Юлиана отпустить на поиски далекой прародины венгров. Рвение молодого монаха похвально. Однако настоятель знал то, что Юлиану знать пока что было не дано. Три года назад священник Отто под личиной купца уже отправился на поиски венгров-язычников. До его возвращения начинать новое путешествие было неразумно, как неразумно посвящать в эту тайну Ордена кого

1 Стефан (Иштван I) - венгерский король (1000-1038 гг.)

бы то ни было. Конечно, брат Юлиан не посторонний, ему можно доверять, но недаром сказано, что тайна останется тайной, когда о ней знают лишь немногие избранные. Поэтому настоятель отвечал Юлиану неопределенно, не поощряя его явно, но и не лишая надежды:

- Жди, сын мой... Когда придет время, я тебя позову...

С молчаливого согласия настоятеля Юлиан начал отращивать бороду, как это делали братья-проповедники перед походом в языческие страны. Проповедник не должен выделяться из толпы, ибо слово его действеннее, если исходит изнутри, а не извне.

Однако в монастыре были и другие братья, которым было разрешено отпускать бороды и длинные волосы, и никто, кроме отца-настоятеля, не знал, на кого падет жребий. Наверное, и другие слышали от настоятеля обнадеживающие слова: "Когда придет время, я тебя позову!"

Глава 2

ТАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Время Юлиана пришло ранней весной 1235 года.

К монастырским воротам подъехала двухколесная повозка, запряженная волами. На повозке лежал исхудавший, обтянутый желтой кожей человек; глаза его были бессильно прикрыты, лоб пересекала багровая полоса недавней раны. Крестьянин, владелец повозки и волов, объяснил привратнику, что подобрал этого человека возле дороги и что тот, придя в сознание, велел отвезти к доминиканцам и обещал награду.

Позвали настоятеля.

Настоятель долго всматривался в лицо незнакомца. Воспаленные губы больного дрогнули. Поспешно склонившийся к изголовью настоятель успел разобрать едва слышные слова: "Именем господа... Отто... Я - Отто..."

Монахи бережно понесли больного к келье брата-лекаря. Крестьянин, зажав в кулаке серебряную монету, взмахнул кнутом и уехал.

Собираясь кучками, обитатели монастыря долго шептались о неожиданной щедрости отца-настоятеля, который отдал простолюдину серебро, хотя вполне можно было ограничиться благословением. Поговорили и о незнакомце, спрятанном от любопытных глаз в келье лекаря. Но толком никто ничего не знал. Лекарь загадочно молчал, и братия довольствовалась разными домыслами.

Через девять дней человека, имя которого так и осталось для непосвященных неизвестным, тихо похоронили на монастырском кладбище. Лишь по погребальному обряду можно было догадаться, что умер он в монашестве. Непонятное было дело, загадочное. Юлиан оказался среди немногих посвященных. Отец-настоятель велел ему неотлучно находиться у постели больного. Коротко пояснил, что незнакомец - священник Отто, искавший прародину венгров, который со своими спутниками подвергался многим опасностям, скитался по суше и по морю, а ныне, сломленный болезнью, один возвратился в Пешт. Пока неизвестно, нашел ли Отто дорогу к венграм-язычникам, потому что силы оставили его и разум помутился. Пусть Юлиан записывает каждое произнесенное больным слово, чтобы Отто не унес с собой в могилу тайну Ордена...

Юлиан выполнил поручение. В недолгие минуты просветления Отто успел рассказать, что в некоем языческом царстве встретил людей, говоривших на чистом венгерском языке, и доподлинно узнал от них, где живут венгры-язычники. Сам же Отто, чувствуя приближение болезни, дальше идти не решился и вернулся обратно в Венгрию, чтобы взять с собой несколько братьев-проповедников и завершить великое дело. Хриплым шепотом, в изнеможении умолкая и снова едва слышно выговаривая слова, Отто перечислял города,

страны и реки, через которые следует идти на пути в Великую Венгрию:

- Город Матрика...¹ Алания...² Река Итиль... Пустыня с редкой травой на три недели пути... Солнце должно быть утром справа, а днем - за спиной... Великая Болгария... Солнце утром в лицо... Горы видны впереди, но до самих гор идти не нужно... Там живут венгры...

Юлиан записывал на пергаменте каждое произнесенное слово. Дороже золота были эти слова, оплаченные немислимыми трудами, жизнями спутников Отто, таких же братьев-проповедников, как он сам. По всему видно, что и Отто не выживет, смерть уже склонилась к его изголовью...

Священник Отто действительно умер, но добытые им знания превратились в достояние Доминиканского ордена. Новые знания предстояло добыть Юлиану. Он был готов повторить путь Отто и пройти дальше.

Вскоре Юлиана переселили в просторную келью рядом с покоями настоятеля. Каждый вечер в келью приходили для доверительной беседы старые проповедники, уже побывавшие в странах Востока; правда, так далеко, как Отто, они не добирались, но могли сообщить много полезного.

В бронзовом поставце тихо оплывали свечи. Отрок-послушник, неслышно ступая по ковру, тенью появлялся за спинами собеседников, снимал нагар длинными щипцами и тихо исчезал. Звучали в тишине диковинные названия городов и земель. Шелестели пергаментные листы, хранившие от непосвященных тайны миссионерских путешествий. Юлиана приобщали к этим тайнам.

Странное чувство овладело Юлианом. Он стал как бы ничтожным камешком в строительстве огромного моста,

1 Матрика (русское название - Тмутаракань) - город на Таманском полуострове

2 Алания - страна аланов, оседлого народа, населявшего предгорья Северного Кавказа

который перекидывался с Запада на Восток. Камешком, по воле случая венчавшим пирамиду, на который будут положены многие другие камни, и так - без конца, пока не свершится задуманное! Величие предстоящего дела и собственная ничтожность в сравнении с тем, что в тайне от непосвященных было уже сделано и что еще предстояло совершить, подавляли Юлиана и одновременно наполняли его гордостью. Неудачи не могло быть. За Юлианом, слабым и ничтожным, стояло могущество католической церкви. Рядовой солдат воинства Христова, он вовлекался в великое движение...

Юлиана удивляло только, что в беседах упоминалась все реже и реже главная, как он считал, цель путешествия - поиски прародины венгров, хотя Юлиан знал, что отец-настоятель в своем послании королю Беле упирал именно на это, выпрашивая охранную грамоту и серебро на путевые расходы, и заранее называл короля "повелителем двух Венгрий". Наставники Юлиана почти не делали различия между своими далекими единоплеменниками и прочими язычниками, говорили о них презрительно, как о людях темных, заблудших, погрязших в грехах, которых следует вывести на истинную дорогу силой или хитростью, если они будут упорствовать в своей нечистой вере.

Однажды Юлиан осмелился возразить отцу-настоятелю, заметив, что венгры-язычники все-таки единокровные братья здешних венгров и хитрить с ними нехорошо, но встретил суровую отповедь:

- Только вера объединяет или разъединяет людей!

Юлиан покорно склонил голову, но про себя решил, что пойдет к венграм-язычникам с открытым сердцем, как к братьям...

Королевская охранная грамота с золоченой печатью и тяжелый кошель с серебряными монетами были достав-

лены в монастырь. Оставалось получить благословение папского легата¹. Настоятель испросил у легата аудиенцию и вскоре получил согласие.

Вместе с настоятелем Юлиан пришел в мрачный, похожий на рыцарский замок, дворец легата. Два молчаливых воина в плащах с большими красными крестами проводили их в зал. Легат небрежным жестом остановил настоятеля, принявшего было обстоятельно рассказывать о миссии Юлиана, как будто все, что могло быть сообщено, давно уже известно, и обратился к Юлиану:

- Ты едешь в восточные страны в страшное время. Из глубин Азии надвигаются на христианский мир дикие племена монголов. Мы не знаем о них почти ничего, но, по слухам, сила их ужасна, их бесчисленное множество, и все они на конях. Тебе надлежит узнать, чего хотят монгольские правители и нельзя ли направить их варварскую силу на пользу святой церкви. Неисповедимы пути господни! Кто знает, не сокрушат ли язычники друг друга и над обломками языческих царств не воссияет ли благотворящий крест?

Потом легат заговорил о большой стране, которая лежит к востоку от Венгрии и Польши, - земле русских. Издавна русские отвергают призывы войти в лоно католической церкви. Не устрасит ли упрямцев угроза нашествия дикого кочевого народа? Не попросят ли они помощи у римского папы, признав его своим духовным пастырем? Об этом тоже должен узнать Юлиан...

- Сын мой! В трудах тебе поможет брат Герард. Верь ему, как веришь духовным отцам твоим, ибо Герард достоин доверия! - закончил легат и трижды хлопнул в ладоши.

Вошел незнакомый монах в коричневой рясе доминиканца. Из-под капюшона остро поблескивали недобрые серые глаза, рыжая клочковатая борода закрывала шею.

1 Легат - личный представитель римского папы в какой-нибудь стране

Монах поклонился, откинул капюшон. Он был совершенно лысым, и потому морщинистый лоб казался непомерно высоким. Юлиан с любопытством оглядел своего нового спутника. Назначенные ему в помощь младшие братья Иоанн и Яков были давно знакомы. Молодые, крепкие, послушные, они нравились Юлиану. Нравилась их почтительность и жертвенная готовность следовать каждому его слову. Да иначе и быть не могло. Удел младших - беспрекословное повиновение. Вся непререкаемая власть католической церкви во время путешествия сосредотачивалась для них в Юлиане, старшем брате-проповеднике, посвященном в тайны Ордена. Но будет ли послушен Герард?

Рыжебородый монах, будто догадавшись о беспокойных мыслях Юлиана, криво усмехнулся, но тут же склонил голову в смиренном поклоне, как младший перед старшим. Юлиан удовлетворенно вздохнул. Кажется, опасения напрасны. К тому же Герард может быть полезным. Дополнительные поручения легата потребуют много усилий, пусть этим займется Герард. Он же, Юлиан, по-прежнему хотел бы думать лишь о главном - о поисках Великой Венгрии!

Итак, в путь! В путь!

Глава 3

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Дорога медленно катилась под копыта коней, бесконечная и однообразная. Привычно перебирая руками поводья, Юлиан равнодушно поглядывал по сторонам. Весеннее буйство природы не трогало его душу. Мысленно он был уже далеко, за морем, где по бескрайним степям проносятся дикие наездники, где находится самый край известного европейцам мира.

Рядом покачивался в седле брат Герард. Доверенный человек легата оказался на удивление немногословным.

Молчал часами, на вопросы отвечал коротко, неохотно. Порой Юлиан даже забывал, что он рядом. Иоанн и Яков держались поодаль не столько из почтительности к старшим братьям, сколько из желания поболтать на свободе. До Юлиана доносились их оживленные голоса и смех.

Реку Дунай монахи переплыли на плоту. Охранная грамота короля Белы открыла им границу Болгарского царства. Как веки на пути, оставались позади многолюдные болгарские города: Ниш, Средец, Филиппополь.

Болгарский гарнизон стоял и в городе Адрианополе, недавно принадлежавшем Латинской империи¹. Военственный болгарский царь Иван II Асень непрерывно теснил крестоносное воинство, и владения нынешнего императора, престарелого "иерусалимского короля без королевства" Иоанна де Бриеня, сузились на западе до неширокой полосы земель под стенами Константинополя. А с востока, из Малой Азии, наступал на латинян правитель Никейской империи² Иоанн Ватац, которого римский папа объявил врагом бога и церкви. Но папские проклятия помогали мало. Иоанн Ватац с войском переправился через Геллеспонт, после непродолжительной осады захватил город Галлиполи, принадлежавший союзникам латинского императора - венецианцам, и угрожал столице империи.

Трудные времена переживала Латинская империя, любимое детище римского папы. Рыцари-крестоносцы метались в каменном кольце константинопольских стен, как волки в облаве. Никому не было дела до доминиканской миссии, непонятно для чего пробиравшейся на опасный Восток. Императорские чиновники отмахива-

1 Латинская империя - государство со столицей в Константинополе, созданное крестоносцами в 1204 г. после завоевания части Византии. Первым императором стал граф Балдуин Фландрский, один из предводителей крестоносцев

2 Никейская империя - государство в Малой Азии, которое тоже возникло после крестовых походов на азиатской части Византии

лись от Юлиана, как от надоедливой мухи. Даже серебряные монеты не помогали. Серебро мздоимцы брали, но своих обещаний не выполняли. Жаловаться было некому. Юлиан приходил в отчаяние. Константинополь, который называли мостом из Европы в Азию, оказался тупиком.

Монахи уныло бродили по константинопольской гавани, заставленной полуразрушенными кораблями - с обвисшими снастями, поломанными реями, рассохшимися бортами. По загаженным палубам бегали большие крысы. Выбитые оконца кормовых кают были затянуты паутиной. Везде мерзость, запустение...

Избавление из константинопольского плена пришло неожиданно. К гранитной пристани подошла венецианская галера - нарядная, ярко расцвеченная флагами. По мосткам сошли на пристань рослые воины с алебардами, в блестящих доспехах. Юлиан, расталкивая любопытных (толпа на пристани собралась немалая: редко приплывали теперь корабли в Константинополь!), кинулся к трапу. Умоляюще простирая руки, крикнул бритому капитану, равнодушно взиравшему с борта на береговую суету:

- Именем господи! Важное дело!

Капитан помедлил, но все же приказал матросам, стоявшим у трапа, пропустить монаха на корабль - видно, заметил серебряный крест брата-проповедника, который Юлиан предусмотрительно достал из-за пазухи.

Сговорились быстро. Принадлежность Юлиана к влиятельному Доминиканскому ордену и охранный грамота короля Белы подтверждали законность его просьбы, а серебряные монеты, щедро высыпанные заждавшимся Юлианом на стол в капитанской каюте, с лихвой возмещали возможные расходы.

Вечером Юлиан и его спутники были уже на корабле.

Тридцать три раза поднималось солнце из зеленых

волн Понта¹ и тридцать три раза скрывалось за горизонтом, пока венецианская галера плыла от Константинополя до скалистых берегов Сихии, земли черкесов. Мерно скрипели уключины длинных весел, гулко стучал барабан, то ускоряя, то замедляя их бесконечные взмахи. Лениво плескался на корме венецианский флаг.

Галера плыла на восток вдоль малоазиатского берега: немногие кормчие отваживались тогда пересекать Понт напрямик, опасаясь плавания в открытом море. Если навстречу дули сильные ветры, галера отстаивалась в спокойных гаванях, которых здесь было много. Местные жители привозили ключевую воду и свежее мясо. Купцы, томившиеся от путевого безделья, торговали по мелочам - не для корысти, только чтобы не отвыкнуть от торговли.

Юлиан пробовал расспрашивать попутчиков о восточных странах, но те отговаривались незнанием. Может, так оно и было в действительности. Галера плыла из Венеции, многие купцы впервые отправились в земли, лежащие за Понтом.

Неподалеку от Боспора Киммерийского встретила другая венецианская галера. Корабли долго стояли рядом, покачиваясь на коротких злых волнах. О чем кричали люди с чужой галеры, Юлиан не разобрал: он плохо знал по-венециански, да и ветер относил слова. Но известия, как видно, были нехорошими. Купцы заперлись в кормовой каюте, пили вино и о чем-то долго спорили. А вечером Лучас, приказчик достопочтенного Фомы Пизанского, расхаживал, пошатываясь, по палубе и угощал матросов дорогим кипрским вином. Бормотал, расплескивая из кубка пенящуюся благодать: "Пейте, пейте! Все равно пропадет!"

О подлинной причине купеческого беспокойства Юлиан узнал только в Матрике, городе с глиняными домами и множеством церквей старой греческой веры, куда га-

¹ Понт - Черное море

лера приплыла в середине июня. Летний торг, который славился здесь большими оборотами и обилием товаров, оказался на удивление малолюдным и бедным. Не привезли товаров ни из Волжской Болгарии, ни из богатого Хорезма. Доминиканцы не могли даже купить коней, чтобы продолжать путь. Местные торговцы, бородатые, с бритыми головами, сокрушенно разводили руками:

- Всегда было много лошадей, половцы пригоняли тысячные табуны, а теперь на торгу пусто. Говорят, какие-то новые орды появились в степях, нарушили торговлю...

Это было первое известие о грозных завоевателях, и Юлиан жадно расспрашивал матриканцев, пытаясь узнать о них побольше. Предостерегающие слова легата: "На христианский мир надвигаются дикие племена монголов!" - подстегивали его любопытство.

Однако в Матрике мало знали о завоевателях. Юлиан разыскал русского священника, о котором шла молва, что он будто бы знает больше других. Тот рассказал о большом сражении с монголами, которых русские называют татарами, возле какой-то степной речки¹. Но сам священник там не был, с очевидцами не говорил и мог передать лишь то, что записано в историческом сочинении русских книжников, называемом летописью.

- По грехам нашим пришли языци неизвестные, - на память воспроизводил священник летописный текст, - пришла неслыханная рать, безбожные моавитяне, рекомые татарами. Никто толком не знает, кто они суть, и откуда пришли, и какой язык у них, и какого они племени, и какая вера. Одни называют их татарами, другие - тоурменами, а третьи - монголами. Утверждают также, что татары вышли из пустыни Еттивской, которая лежит между востоком и севером. Один бог ведает подлинные вести о них...

Русский священник оказался человеком влиятельным,

1 Имеется в виду сражение русских дружин и половцев с монголами на реке Калке в 1223 году

и через него Юлиан познакомился с полезными людьми. В Матрике было много христиан, признавших греческое писание и греческую веру. Даже правитель города, которого по положению можно было бы назвать королем, тоже считался христианином, хотя образа жизни придерживался совсем не христианского. По слухам, у него было сто жен!

Матриканцы по внешнему виду не отличались от прочих язычников. Мужчины брили наголо головы и тщательно растили бороды, достигавшие большой длины; лишь знатные люди оставляли над левым ухом немного волос. Лысый Герард почти не отличался видом от местных простолюдинов и пользовался этим, чтобы собирать слухи на торговой площади и на пристанях. Полезным человеком оказался этот рыжебородый молчаливник, многое через него удалось вызнать монахам. Пятьдесят дней продолжалось матриканское сидение Юлиана и его спутников. Будущее казалось безнадежным: никто не соглашался идти в близлежащую Аланию, а без надежного проводника отправляться в дорогу было неблагоразумно.

Наконец счастливый случай свел Юлиана с одной из жен местного правителя, которую жители почитали больше остальных за ум и доброту. При ее содействии Юлиан нашел проводника, лошадей и все необходимое для дороги.

21 августа Юлиан, Герард, Иоанн и Яков покинули опустылевшую Матрику.

Глава 4 АЛАНИЯ

Небольшой караван из пяти всадников и двух вьючных лошадей двигался вдоль высокого правого берега реки Кубани. Матриканский христианин, согласившийся пойти проводником, советовал именно эту дорогу. Про-

тивоположный берег был низкий, часто заливался водами реки, и в затопленных местах на много дней пути тянулись плавни - гнилые болота, заросшие тростником, камышом и рогозом. А здесь была ровная степь, почти незаметно для человеческого глаза поднимавшаяся к востоку. На горизонте она сливалась с голубовато-серым низким небом.

Знойный воздух был наполнен стрекотом бесчисленных кузнечиков, которые умолкали только в ночные часы, но и тогда оглушенным путникам продолжало чудиться их звенящее непереносимое пение.

Порой мертвая неподвижность воздуха сменялась порывистым ветром, горячим, как дыхание пожара. Пересохшая степная трава звенела, как медная. Пыльное облако закрывало солнце, и оно казалось мутным кроваво-красным пятном. Путники страдали от зноя и жажды, в редких колодцах почти не осталось воды. Приближавшаяся осень давала о себе знать только утренними туманами, которые неторопливо ползли над выставшей за ночь землей.

Степь была унылой и безлюдной. Только степные орлы неторопливо кружили в немыслимой высоте да табуны диких коней- тарпанов уносились прочь в клубах пыли. Неподвижными столбиками торчали на курганах суслики. Каменные изваяния неведомых людей, сложившие руки на огромных животах, пялились пустыми глазницами. На прогретых солнцем проплешинах дремали, свернувшись кольцом, степные гадюки.

Опасной нечисти в степи было много. То там, то здесь в земле чернели дыры, будто проткнутые палкой - норы пауков-тарантулов, которые достигали размера большой серебряной монеты. Юлиан невольно придерживал коня, когда поблизости перебегала дорогу эта страшная тварь. Буро-коричневое тело тарантула было покрыто седыми волосами, сильные ноги позволяли быстро передвигаться и даже прыгать. А неподвижный тарантул был почти незаметен среди травяного мусора и комочков пересохшей

земли. Юлиан, прежде чем сойти с коня на землю, колотил вокруг себя длинным посохом - отгонял пауков.

Матриканец относился к тарантулам с полнейшим равнодушием, ходил по траве в одних шерстяных носках. На монахов, испуганно крестившихся при виде перебежавших от норы к норе пауков, он смотрел насмешливо и снисходительно, как на боязливых детей. Юлиану он рассказал, что при соблюдении некоторой осторожности пауки вовсе не опасны. Они как огня боятся овец, пожирающих тарантулов без всякого вреда для себя. Носки из овечьей шерсти надежно защищают ноги, а если ночью ложиться на овчину, то можно спать спокойно. К тому же укус тарантула не смертелен. У укушенного человека два-три дня ломит суставы, как при сильной простуде, а потом все проходит. Юлиан с сомнением покачивал головой, выслушивая успокоительные речи матриканца...

На тринадцатый день пути караван добрался до изгиба реки Кубани, истоки которой были на юге, в больших горах: ее питали вечные снега. Поэтому самая большая вода проходила не весной, как в равнинных реках, а в июле и августе, когда в горах таяли ледники. Мутный быстрый поток рокотал у правого высокого берега, закручивался пенными водоворотами, с грохотом обрушивал в реку подмытые глыбы земли. От реки веяло ледяной стужей: вода была холодной, несмотря на зной. Возле границы Алании проводник настоял, чтобы путники спрятались в овраге и дождались следующего утра. "Завтра воскресенье, - упрямо повторял он, отказываясь покинуть укромное место, - завтра можно ехать дальше!"

Смысл сказанного Юлиан понял позже, когда они были уже в Алании, обширной стране, где жили вместе христиане и язычники. Сколько в Алании было селений, столько оказалось и вождей, и ни один из них не желал подчиняться другому. Поэтому в стране постоянно шла война. На полевые работы жители укрепленных селений

выходили все вместе и вооруженными; если возникала необходимость пойти за дровами в лес, мужчины выступали, как в военный поход - множеством людей и при оружии.

Только в воскресенье, с рассвета до заката, война прекращалась. Любой человек мог безопасно ходить по дорогам и даже бывать в селениях, где жили родственники убитых им людей. Жилища аланов были обнесены высокими стенами, все окна выходили во двор, так что прохожие не могли видеть, что происходит внутри. Многие семьи, кроме домов, имели каменные башни, чтобы укрываться от врагов. В просторное нижнее помещение башни загоняли на ночь скот, на втором этаже жили сами, а еще выше было особое помещение с узкими окнами-бойницами, через которые удобно было метать стрелы.

Соблюдая местные обычаи, Юлиан и его спутники совершали переходы только по воскресеньям, а в будни отдыхали в домах аланов. Аланы были гостеприимным народом, почитали путников, как своих близких родственников, кормили и снабжали всем необходимым.

Иоанн и Яков отяжелели от сытой жизни, обленились. Юлиану пришлось настоять на соблюдении постных дней, хотя по уставу Ордена братья-проповедники освобождались на время пути от этой христианской обязанности. Иоанн и Яков подчинились, но по всему было видно, что сытое и необременительное житье им было по душе. Самого же Юлиана промедление огорчало. Но ничего нельзя было сделать: аланы удерживали гостей до следующего воскресенья чуть ли не силой, считая ущерб, который может быть им причинен в опасные будничные дни, позором для себя. Поэтому Юлиан даже обрадовался, когда миссия прошла, наконец, благоустроенную и щедрую Аланию и углубилась в пустыню, которая тянулась до самой реки Итиль.

Недовольные младшие братья покорно тряслись в седлах рядом с Юлианом и Герардом. Пропыленная равни-

на, покрытая редкими кустиками черной и белой полыни, полувысохшего ромашника, одинокими пучками ковыля, колючим бодяком, действительно угнетала взгляд скудостью и однообразием. Кое-где встречались вздыбленные ветром, оголенные песчаные буруны, которые местные жители называли кучугурами. Земля в руслах пересохших за лето речек потрескалась и спеклась под солнцем, как черный камень. Шустрые ящерицы сновали в шуршащей траве. Из зарослей с шумом вырывались стрепеты и, сверкнув посеребренными крыльями, камнем падали за буруны. Большие птицы с длинными ногами - дрофы - стояли на возвышенностях; при приближении всадников они убегали с удивительной быстротой, изредка взмывая в воздух и снова опускаясь на траву.

Пустыня постепенно понижалась к северо-востоку, где было единственное в этих местах большое озеро - Маныч-Гудило. Солоноватая вода свинцово-неподвижно застыла в низких берегах. К осени озеро словно сжималось, обнажая горько-соленую грязь. Высушенные солнцем кристаллики соли начинали искриться, и озеро казалось заключенным в сверкающий нимб. Только северный берег был крутым, изрезанным трещинами. Когда ветер гнал туда волны, озеро начинало гудеть, как отдаленный колокольный звон, неясно и тревожно. Не потому ли его называли Гудило?

Иоанн и Яков вздыхали, поглядывая на скучную пустыню, на неяркое пыльное небо, по которому неторопливо плыло остывающее осеннее солнце. Ночные ветры уже приносили дыхание холода. А впереди был немислимо далекий путь в неизвестное...

Неспокоен был и сам Юлиан. Но он знал то, чего не знали младшие братья. По рассказам аланов, где-то на краю пустыни, неподалеку от устья реки Итиль, был город под названием Торчикан. В этот город часто приезжают купцы из восточных стран. Юлиан надеялся найти

там попутчиков для продолжения пути или крышу над головой и пищу, если придется зимовать.

Глава 5

ТРУДНАЯ ЗИМА

Город Торчикан походил издали на горсть глиняных кубиков, рассыпанную сказочным великаном по желто-бурой равнине. Приземистые дома с плоскими крышами то вытягивались в улицы, то кучками теснились друг к другу, а между ними стояли войлочные юрты, которых было даже больше, чем домов. По пыльным улицам, как по степным шляхам, медленно текли отары овец. С глухим топотом проносились табуны низкорослых лохматых коней. Хриплые вопли верблюдов, мычание волов, резкие скрипы тележных колес причудливо переплетались с городским шумом - перестуком молотков в мастерских ремесленников и разноголосым гомоном торгового.

Казалось, два мира сошлись в Торчикане - домовитая оседлость и кочевая стихия, которая то захлестывала город, то уползала обратно в степи, как морская волна от песчаного берега. Такими были все города в степях. Постоянно в них жили торговцы и ремесленники, а скотоводы-кочевники уходили со стадами на летние пастбища и возвращались в город с наступлением холодов.

Сейчас, на исходе осени, кочевники возвращались в Торчикан. Юлиан и его спутники затерялись в толпах громкоголосых, разноязыких, бряцающих оружием, свирепого облика людей, которые двигались к городу без дорог, прямо по степной целине, будто вражеское войско во время нашествия. Никто не обращал на монахов внимания, никто не поинтересовался, кто они и откуда. Торчикан был открыт для всех людей без различия. И - одинаково безразличен ко всем приходившим в него. Не сами по себе люди почитались в Торчикане, а принадлежавшие им стада, серебро или товары, обладание

которыми поднимало немногих избранных над бесчисленными толпами черни.

Или верные сабли наемных и родовых дружин, которые ценились здесь даже больше, чем богатство. Силу в степном, лишенном твердых законов мире уважали превыше всего...

У Юлиана не было ни богатства, ни силы. Охранная грамота короля Белы стояла здесь не дороже пергамента, на котором была написана. Хозяева домов презрительно оглядывали изможденных, оборванных монахов и ленивым взмахом руки отсылали их прочь. С большим трудом Юлиану удалось найти пристанище у грека Никифора, который заинтересовался рассказами о своей далекой родине. Юлиан, как мог, старался удовлетворить любопытство беглого грека и тем добился его расположения.

Никогда не был Юлиан таким красноречивым - нужда заставила! Рассказывал и о том, что видел в Византии, и о том, чего вообще никогда не видел, лишь бы не ослабевало внимание хозяина. Никифор сокрушенно качал головой, слушая невеселое повествование о запустении византийских земель, о мертвых кораблях в гавани Боспора, о грабежах на константинопольских улицах. Нехорошими словами отзывался о рыцарях-крестоносцах, которые оказались много злее, чем враги христианского мира - сарацины¹. Юлиан выдавал себя за простого подданного венгерского короля, а потому вынужден был сочувственно выслушивать проклятия Никифора, оскорбительные для римского папы и его крестоносного воинства. И Герард тоже согласно кивал головой, когда разгорячившийся грек обзывал крестоносцев стаей бешеных псов. "Бог покарает святотатца!" - утешался Юлиан, вежливо поддакивая хозяину. Выбора у монахов не было: или ночевать на земле под стеной караван-сарая, как в первые дни пребывания в Торчикане, или со смирени-

¹ Сарацинами европейцы называли мусульман-арабов

ем выслушивать богохульные речи. Ведь приближалась зима...

Пока в кисете Юлиана оставались серебряные монеты, житье у грека Никифора было все-таки сносным. Монахи отдохнули после изнурительного путешествия по пустыне. Но только разве ради того, чтобы обрести крышу над головой и щедрое пропитание, забрались они в такую даль?

Торчикан мыслился лишь вехой на большом пути...

Юлиан целыми днями бродил по торговой площади, подолгу сидел в караван-сараях, где собирались приезжие купцы, заводил осторожные разговоры с жоками караванов. Он всюду искал людей, которые намеревались идти к реке Итиль. Все усилия оказались тщетными. Страх перед монголами, которые, по слухам, были уже близко, удерживал в Торчикане даже самых алчных до наживы купцов. Собственная голова - слишком большая плата за призрачное богатство. Да и обретишь ли богатство там, в степях за рекой Итиль, где в снежных буранах мечутся страшные косоглазые всадники монгольского хана?

Так объяснил Юлиану персидский купец, неизвестно какими ветрами занесенный в Торчикан. Другие купцы, поддакивая ему, качали бородами. Отправляться в путь опасно, лучше выждать. Терпеливого ждет впереди удача, а нетерпеливый сам бросается в пропасть. Надо ждать весны...

Однако и торчиканское скучное сидение не было совсем бесполезным. В городе оказалось немало людей, которые или сами встречались с монголами, или слышали о них от очевидцев. Юлиан по крохам собирал слухи о завоевателях, и из этих крупиц постепенно складывалось з н а н и е.

...Большие события произошли за последние десятилетия в глубинах Азии. Монголы, которых также называли татарами, объединились в могучее государство и, предводительствуемые великим кааном Чингисом, обруши-

лись на соседние народы. Сначала монгольское войско пошло на восток и, разорив провинции Северного Китая, достигло берегов Великого океана¹. Затем конные орды устремились на юго-запад, разграбили богатые города Хорезма и Персии и угрожали даже Индии, сказочной стране алмазов. Страшен был натиск монголов, в прах рассыпались великие царства, исчезали с лица земли многолюдные города, на месте плодоносящих полей вырастали дикие травы, и только заунывные песни монгольских табунщиков нарушали мертвое молчание. Почти вся Азия оказалась под пятой завоевателей. А ныне каан Угедей, ставший после смерти Чингиса предводителем монголов, готовится к походу на запад и мечтает дойти до самого Моря франков².

Продвижение завоевателей уже началось. Шесть лет назад первые отряды монголов появились возле Хвалынского моря³. Конные тумены⁴ молодого Батухана, предводителя улуса Джучи⁵, внезапно перешли реку Яик, разгромили стоявшие там болгарские сторожевые заставы и железным гребнем прочесали степи до самой реки Итиль. Местные жители, половцы и саксины⁶, частью покорились завоевателям, частью откочевали в соседние страны. Пенистая волна нашествия докатилась до Волжской Болгарии и разбилась об укрепленные линии, которые болгары поспешно возвели на границе леса и степи. Несколько месяцев продолжались сражения на земляных валах и частоколах из заостренных дубовых

1 Великий Океан - Тихий океан

2 Море франков - Атлантический океан

3 Хвалынское море - Каспийское море

4 Тумен - 10-тысячный отряд монгольской конницы

5 Улус Джучи - западная часть Монгольской империи, выделенная Чингисханом своему сыну Джучи. После смерти Джучи этот улус унаследовал его сын, внук Чингисхана - Батухан - (русские летописцы называют его Батыем)

6 Саксины - потомки древних хазар, которые остались жить в прикаспийских степях после разгрома Хазарского каганата князем Святославом в 965 г.

бревен, а потом война сама собой затихла. Монгольские кочевья уползли куда-то в степи, и только конные разъезды завоевателей появляются время от времени у болгарской границы и на реке Итиль, устрашая караванщиков и жителей соседних земель. Однако, по слухам, из Азии уже подходят новые орды, накапливаются в степях между Яиком и Итилем, как дождевая вода в резервуаре, чтобы выплеснуться новым нашествием. Когда это произойдет - можно только гадать!

...Люди в Торчикане еще не знали, что совсем недавно великий каан Угедей собрал подвластных ему ханов на большой совет-курултай и что на курултае было принято решение завладеть странами Болгара, Алании и Руси, которые находились по соседству со становищами Батухана, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью. Для участия в походе был срочно вызван из Китая прославленный полководец Субудай, которого монголы называли одним из четырех свирепых псов Чингисхана. Огромное монгольское войско двинулось на запад, и повели его высокородные ханы Гуюк, Менгу, Кадан, Кулькан, Монкэ, Байдар, Тангут, Шибан, Бури и другие, а всего великих ханов было четырнадцать. Задрожала земля под ударами миллиона копыт, дикие звери в страхе разбежались от звона оружия и конского ржания...

Тревожными, угрожающими были слухи о монголах, и Юлиан чувствовал себя воином передовой заставы, выдвинутой к самому неприятельскому лагерю.

Монголы предствлялись Юлиану огромной стаей прожорливой саранчи, которая со зловещим шорохом ползет по зеленому лугу, оставляя позади черную, безжизненную землю. Ночами Юлиану снилось, что он убегает прочь, задыхаясь и путаясь в цепкой траве, а зловещий шелест позади все ближе, ближе...

Юлиан просыпался в холодном поту, подолгу лежал с открытыми глазами, прислушивался к вою ветра, и ему чудился неясный топот, лязг оружия, стоны и свист.

Жуткие сновидения повторялись с удручающим постоянством.

Даже невозмутимый Герард беспокоился: изменяя своему обычному немногословию, стал делиться с Юлианом слухами о монголах, которые удавалось собрать во время скитаний по улицам Торчикана. Оба старших брата сходились на том, что подлинные вести о страшных завоевателях можно найти только у единокровных венгров, которые жили по соседству с монголами, и что нужно идти дальше на восток. Однако до весны было еще далеко...

Как-то сразу, с ледящими северными ветрами, нагрянула зима. Степи вокруг Торчикана побелели, только курганы черными могильниками торчали среди снежной равнины. Жутко выли по ночам волки. Злые ветры бились в саманные стены домов, стучали обледеневшими пологами юрт. Колющий снег - пополам с песком - больно сек лицо, бурыми сугробами ложился поперек улицы. Дни тянулись медленно, будто околели от стужи, как неподвижная отара прижавшихся друг к другу овец. От холода не было спасения: ветер задувал в оконные щели, шевелил солому на полу. Скоро к холоду прибавились муки голода - королевское серебро подошло к концу. Грек Никифор стал ворчливым, сердитым. Заводил скучные разговоры о скудости запасов: "Самому бы только до весны дотянуть, хлеб-то в Торчикане дорог..."

Юлиан отмалчивался, будто не понимал намеков хозяина. Обижаться было бессмысленно. Кто они Никифору - родичи, компаньоны в торговле, старинные друзья? Так нет же, чужие люди... Нужно самим искать пропитание...

Кое-как кормились.

Герард целыми днями сидел, согнувшись, у тусклого окошка, вырезал из дерева ложки. Юлиан ходил с ложками на торговую площадь, приносил немного проса. Младшие братья Иоанн и Яков, закутанные в тряпье, собирали на улицах навоз для очага. За топливо Ники-

фор иногда тоже давал чашку проса или бараньи потроха. А впереди были длинные месяцы зимы. Как жить?

Монахи оголодали до того, что Юлиан решил продать Иоанна и Якова сарацинским купцам. Герард одобрил это намерение, присовокупив, что жертва младших братьев будет угодна богу, ибо приносится ради святого дела, а страдания Иоанна и Якова в земной жизни обернутся вечным блаженством на небе...

Однако сделка не состоялась, несмотря на все старания Юлиана и весьма недорогую цену, которую он просил за младших братьев. Сарацинские купцы ждали весны, когда снова может разгореться война и рабы станут совсем дешевыми. К тому же Иоанн и Яков ослабли от голода и едва держались на ногах. Они не умели ни пахать землю, ни ухаживать за скотом, а иное здесь не ценилось. Кому такие нужны? Неудивительно, что покупателей не нашлось.

Тогда по праву старшего Юлиан велел Иоанну и Якову возвращаться обратно в Венгрию. Младшие братья смиренно склонили головы, прошептали бескровными губами: "Да будет на все воля божья..." Постояли у порога, будто надеялись, что Юлиан передумает, оставив хотя бы на один день у желанного очага, в котором весело потрескивал огонь и, не дождавшись сочувственного слова, тихо вышли, дрожащие и бесплотные, как тени.

Больше Юлиан о них ничего не слышал.

Двоим прокормиться было легче, чем четверым, к тому же Герард достиг в своем ремесле немалого искусства, и вырезанные им деревянные ложки расходились на торгу бойко. В иные удачные дни монахам даже удавалось отложить кое-что из пищи про запас. Небольшие хлебцы, испеченные в золе, они сушили и складывали в деревянный короб. Если в какой-нибудь день не удавалось добыть пищи, монахи голодали, но хлебцы не трогали. В этих хлебцах заключалась надежда на продолжение пути.

Юлиан и Герард считали дни до весны, вспоминали

благодатную венгерскую землю, уютные кельи доминиканского монастыря, вкусную еду в братской трапезной. Какой щедрой была тогда жизнь и каким жалким казалось нынешнее полуголодное существование!

Прислушиваясь к вою ветра, монахи перебрасывались незначительными словами, а больше молчали, думали каждый о своем. О чем думал его последний спутник, Юлиан не знал, да и собственные мысли навряд ли смог бы потом припомнить - туманными они были, непонятными. Одно неотступно занимало голову: "Дойти до Великой Венгрии... Только бы дойти..."

Глава 6

СТЕПЬ

Весна в степях проходит скоротечно, с обилием ясных солнечных дней. В середине марта снег везде сошел, только в низинах еще белели сугробы, из-под которых струилась мутная вода. С первым же попутным караваном Юлиан и Герард покинули опостылевший Торчикан.

Караванщики взяли с собой монахов неохотно, смотрели на них презрительно, как на прах земной. Ни товаров у них не было, ни лошадей, ни серебра, чтобы заплатить за место в повозке. Одним не обделены были Юлиан и Герард - смирением, готовностью услужить. Только за это и не прогнали их караванщики, позволили идти рядом с телегами, а иногда даже кормили вареной бараниной, если в котле после общей трапезы оставался лишний кусок.

Своей провизии у монахов было совсем мало, двадцать два хлебца, таких маленьких, что их можно было бы съесть за пять дней, а путь предстоял долгий. Хорошо хоть воды в степи по весеннему времени оказалось в изобилии!

Герард совсем обессилен, едва плелся, держась рукой за телегу, а ночами стонал, скрипел от боли зубами,

просил Юлиана бросить его как бесполезную обузу. Юлиан сам видел, что пользы от Герарда мало, но остаться совсем одиноким в чужой стране боялся. Он поил Герарда горячим настоем из трав, успокаивал: "Вместе страдали в пути, вместе обрящем спасение. Недолго осталось идти. Впереди обильные земли..."

Беда никогда не ходит в одиночку. Как-то вечером, пересчитывая оставшиеся хлебцы, Юлиан нечаянно выронил из сумы королевскую грамоту. В неверном отсвете костра блеснула большая позолоченная печать. За спиной зашуршала трава. Юлиан испуганно оглянулся: в темноту упячивался безбородый караванщик, изводивший монахов насмешками. Недобрый человек! Недобрый! Юлиана охватило предчувствие несчастья - и не напрасно.

Перед рассветом караванщики набросились на монахов, скрутили руки, принялись рыться в суме, ощупывать жесткими пальцами одежду: искали спрятанное золото. Не обнаружив ничего ценного, избили монахов и бросили одних в степи. Королевскую грамоту с оторванной печатью так затоптали в землю, что Юлиан с трудом отмыл пергамент от налипшей грязи.

Отлежавшись и перевязав тряпицами раны, Юлиан и Герард побрели дальше - совсем одни среди необозримой равнины, покрытой веселой весенней зеленью.

Тихие безветренные дни перемежались суховеями, которые приносили жаркое дыхание азиатской пустыни. Трава от зноя желтела буквально на глазах, становилась колючей и ломкой. Только в низинах, где с весны стояли талые воды, еще были зеленые лужайки. Ручьи высохли, питьевую воду приходилось добывать из редких колодцев, и вода эта была соленой, невкусной.

Через тридцать семь дней, окончательно обессиленные голодом и зноем, Юлиан и Герард добрались до страны сарацинов, которую местные жители называли Вела¹. В

¹ Предположительно между реками Яиком и Эмбой

пограничном городе Бунде они не нашли пристанища из-за крайнего недружелюбия жителей и вынуждены были ночевать в поле, в брошенном кем-то шалаше из дырявых шкур; сквозь дыры в шалаш проникали и палящие лучи солнца, и дождевые струи.

Днем Юлиан оставлял больного спутника в шалаше, на подстилке из травы, а сам отправлялся в город просить милостыню. Горожане подавали мало, неохотно. Но все же монахи немного окрепли, и даже Герард смог продолжать путь.

В другом городе монахов пустил в свой дом некий сарацин, имевший торговые дела в Алании. За гостеприимство снова пришлось расплачиваться рассказами. А брату Герарду стало совсем плохо. Он метался в горячке, бредил. Перс-лекарь, потискав больного крючковатыми пальцами, равнодушно сказал: "Помрет, однако..." Так и вышло. Брат Герард отдал богу душу, а брренное тело его Юлиан похоронил за городской стеной, выложил на могильном холмике крест из камней. Теперь он остался совсем один.

На торговой площади Юлиан случайно узнал, что один сарацинский священнослужитель собирается по своим делам в Волжскую Болгарию. Может, здесь ждет удача?

Сарацин долго расспрашивал Юлиана, кто он и откуда, и неожиданно предложил взять его себе в слуги. О лучшем Юлиан не мог мечтать: слугу полагалось кормить и даже платить ему сколько-нибудь.

Сарацинский священнослужитель оказался человеком не злым, только больно уж досаждал насмешками. Колыхаясь великим чревом, начинал издеваться:

- Нет в городе человека беднее тебя. Неужели твой бог так жаден, что не пожелал наделить тебя даже малым? Или ты в чем-то виноват перед своим богом?

Приходилось терпеть. Голод Юлиан вытерпел, холод вытерпел, зной вытерпел - вытерпит и насмешки, чтобы приблизиться к великой цели. А пока Юлиан усердно

чистил волосяной щеткой халаты, которых у сарацина оказалось великое множество, мазал бараньим жиром сапоги с загнутыми вверх острыми носами, выбивал пыль из ковров - старался. Старание было вознаграждено. Сарацин взял Юлиана с собой в Волжскую Болгарию. Старых слуг оставил дома, а его, Юлиана, взял!

И снова путь по степям, безлюдью, пыльному зною.

Небольшой караван двигался неторопливо, но безостановочно, от света до света. Тихо поскрипывали телеги. На земле белели лошадиные кости, страшно скалились человеческие черепа с пробитыми лбами, валялись ржавые обломки оружия - следы недавней войны. Зловещие здесь были места... Юлиан настороженно оглядывался по сторонам. Но сарацинский священнослужитель был на удивление веселым и беззаботным, как будто опасность от монгольских разъездов ему не угрожала.

Монголы действительно не причинили каравану никакого вреда. Несколько раз всадники на лохматых лошадках бросались на караван с воинственными криками, с устрашающим визгом и свистом, но сарацин вытаскивал из-за пазухи небольшую медную пластинку с непонятными письменами, и монголы расступались, пропуская телеги.

Позже Юлиан узнал, что эта медная пластинка называется "пайцза" и дает право беспрепятственного проезда через все монгольские владения. Существовали еще золотые и серебряные пайцзы, но они выдавались только знатным людям. А были и деревянные пайцзы - для самых простых...

Юлиан с любопытством разглядывал широкие плоские лица монгольских воинов, их одежды из вывороченных мехом наружу звериных шкур, войлочные колпаки, из-под которых свисало множество туго заплетенных косичек, кривые сабли и луки за спиной. Кони у монголов были быстрые, выносливые, всадники крепко сидели в седлах и могли стрелять на скаку, так как при езде не прикасались руками к уздечкам. Но хорошего оружия у

монголов было немного, а железный панцирь Юлиан видел лишь однажды, да и то старый, побитый. Может, слухи о силе монгольского войска преувеличены?

Однако по нескольким встречам со сторожевыми разъездами судить о действительной силе завоевателей было трудно, а сарацинского священнослужителя Юлиан побоялся расспрашивать о монголах. Видно, сарацин как-то связан с их военачальниками, если имеет пайцзу...

20 мая караван достиг пределов Волжской Болгарии.

В большом болгарском городе, обнесённом валами и деревянными стенами, Юлиан расстался со своим хозяином. Условленную плату сарацин не отдал, но на прощание подарил войлочную шапку и старый халат, так что Юлиан ничем не отличался от местных жителей.

Болгарский город был многолюдным. Сами болгары утверждали, что из него могли бы выйти в случае необходимости пятьдесят тысяч воинов, но Юлиан усомнился в столь значительном числе, хотя людей в городе было действительно много. Под навесами сидели ремесленники, стучали молоточками по медным блюдам, плавил серебро и олово в каменных тиглях, крутили гончарные круги. На торговой площади с утра до вечера толпился народ. Звеня оружием, по улицам проходила городская стража, смотрела, все ли спокойно.

Но спокойствия не было. Горожане опасались нового нашествия из степей. По всем дорогам тянулись к городу обозы с осадным запасом. Оружейники работали день и ночь. Кое-кто из купцов уже сворачивал торговлю, запирал лавки, закапывал в землю серебро. Внезапно поднялись цены на речные суда. Видно, самые предусмотрительные люди уже готовились к бегству.

Тревожно было в Волжской Болгарии летом 1236 года.

Юлиан бродил по улицам, смотрел, слушал. О монголах здесь знали еще меньше, чем в степном Торчикане. Отгородившись валами и частоколами, болгары совсем забыли дорогу в степи. Желаящих отправиться на восток, в землю венгров-язычников, не оказалось и здесь.

Больше на запад тянулись люди, за широкую реку Итиль.

Но терпение и усердие всегда вознаграждаются. После многодневных скитаний по городу Юлиан услышал в толпе венгерскую речь, кинулся туда, расталкивая людей.

Женщина в длинном широком платье, украшенном по подолу цветными лентами, в кожаной безрукавке, плотно облегающей туловище, называла по-венгерски товары, разложенные на земле уличным торговцем, и тут же переводила смысл своих слов чернобородому тучному мужчине.

Юлиан приветствовал женщину по-венгерски и, услышав ответное приветствие на родном языке, заплакал счастливыми слезами...

Оказывается, конец пути был совсем близко. Женщина-венгерка, которую выдали замуж за здешнего купца, рассказала Юлиану, что Великая Венгрия находится всего за две дневки от города, возле реки Этиль¹, и что там все люди говорят по-венгерски.

- Ты, без сомнения, найдешь своих сородичей и будешь хорошо принят ими, если ты действительно из венгров и если пришел с добрыми намерениями. Да будет твое путешествие благополучным! - напутствовала женщина.

Глава 7

ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ

Дорога в землю венгров-язычников заняла не два дня, как говорила женщина, а больше недели, потому что Юлиану не на что было купить или взять на время коня, и он отправился пешком. Но это была легкая и приятная дорога, и не только потому, что конец пути

¹ Этиль (по-башкирски - Ак-Идель) - река Белая.

казался совсем близким, - очень уж благодатно было вокруг!

Свежестью дышали лиственные леса, в которых соседствовали благородные деревья: дуб, клен, липа. Густой зеленью радовали просторные поляны. Быстрые прозрачные речки журчали на камнях, то умеряя свой бег в спокойных омутах, то снова устремляясь по перекатам навстречу утреннему солнцу, туда, где за лесами жадно вбирала их воды река Этиль.

Дальше леса поредели, на смену им пришла холмистая равнина, покрытая красочным ковром лугового разнотравья, с березовыми перелесками-колками. Чистый, сухой воздух, напоенный ароматом трав, кружил голову, как старое монастырское вино.

А потом на возвышенных, прокаленных солнцем местах начались степные травы: красноватый ковыль, типчак, пустынный овсец. Здесь, у края степи, Юлиан нашел первое селение венгров-язычников - несколько деревянных домов с плоскими крышами в окружении войлочных юрт.

Навстречу Юлиану вышли невозмутимые, гордые люди, отогнали залаявших на чужака собак. Венгры-язычники были рослыми, смуглолицыми, с длинными черными волосами, ниспадавшими почти до плеч. Они одевались в рубахи, в короткие безрукавки - камзулы, на ногах сапоги с мягкими кожаными головками и суконным голенищем, на голове - войлочные шапки. Оружия ни у кого не было, только короткие, витые из ремней плетки висели на поясе.

Высокий старик, отличавшийся от остальных нарядной суконной шапкой с опушкой из бобрового меха, спросил по-венгерски:

- Кто ты и зачем пришел?

Выслушав терпливый ответ Юлиана, старик окинул недоверчивым взглядом старый халат, в который того обрядил жадный сарацин, и произнес строго:

- По преданиям древних, мы знаем, что где-то есть

другая Венгрия, куда ушли наши соплеменники, но не знаем, где она. Если ты действительно пришел из другой Венгрии, будешь нашим гостем и братом...

Юлиан, чувствуя, что ему не доверяют, достал из-за пазухи сбереженную королевскую грамоту, развернул пергамент и поднял над головой. Красные и черные буквы, тщательно вырисованные писцом королевской канцелярии, выглядели внушительно; остатки шелкового шнура, на котором висела раньше золоченая печать, как бы подтверждали подлинность документа.

Старейшина поверил, приветливо заулыбался, пригласил Юлиана в свой дом. А может быть, и не грамоте поверил старик, но чистой венгерской речи, столь редкой среди пришельцев из других земель...

Последующие дни слились для Юлиана в непрерывную вереницу обильных пиров, чередование незнакомых лиц, расспросов, удивленных возгласов, почтительного внимания. Венгры водили Юлиана из дома в дом, из деревни в деревню, и всюду он находил благодарных слушателей.

Но вскоре Юлиан отметил и нечто огорчительное для себя. Венгры-язычники жадно внимали рассказам о короле и королевстве, обычаях и занятиях венгров-христиан, но к проповедям отнеслись равнодушно и даже насмешливо. Христианское учение об истинном боге они воспринимали как сказку, верить в которую не пристало взрослым мужчинам. Ночами, беспокояно ворочаясь под жаркими звериными шкурами, Юлиан обдумывал слова, которыми опишет венгров-язычников. Получалось не очень складно и не очень много.

Можно написать, что венгры-язычники совсем не думают о вере, и это будет правда. Что они не возделывают земли, едят конину и дичь, квасят молоко в бурдюках, подобно степнякам. Что они богаты конями и оружием и очень воинственны, но к гостям добры. Что женщины красивы и совсем не стесняются говорить с посторонними мужчинами. Что старейшин здесь уважают,

как будто они коронованные особы. Что еще можно прибавить, Юлиан не знал. Не писать же о шумных пиршествах и скачках на бешеных жеребцах, которые венгры-язычники устраивали в его честь?!

Надеяться на быстрое обращение соплеменников в христианскую веру было бы неразумно. Многие годы и многие труды братьев-проповедников потребуются для этого дела. Но все же путешествие на реку Этиль не казалось Юлиану бесполезным. По соседству с селениями венгров кочевали монголы. Венгры раньше воевали с ними, выстояли во многих битвах, и монголы, отчаявшись победить на войне, избрали венгров своими друзьями и союзниками. У кого, как не у венгров, можно узнать подлинные вести о завоевателях?

И Юлиан усердно расспрашивал своих гостеприимных хозяев. Вот что удалось ему узнать о монгольском войске и монгольских обычаях ведения войны:

"...Монголы стреляют из луков дальше, чем другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них не летят, а как бы ливнем льются. Однако саблями и копьями они сражаются менее искусно...

Войско свое монголы строят таким образом, чтобы во главе десяти человек стоял один монгол, а над сотнею один сотник. Это делается с хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики не могли укрыться среди монголов и чтобы люди, набранные в войско из разных народов, не могли совершить никакой измены...

Во всех завоеванных странах монголы без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасение, что когда-нибудь могут оказать сопротивление...

Годных для битвы воинов и мужчин завоеванной страны они посылают, вооружив, в бой впереди себя. Этим воинам, если даже они хорошо сражаются, благодарность невелика. Если они погибают в бою, о них никто не жалеет. Но если они отступают, то все безжалостно умерщвляются монголами...

На укрепленные замки монголы не нападают, а сна-

чала опустошают всю страну и грабят народ. Только потом они гонят пленных штурмовать собственные крепости..."

О численности монгольского войска венгры не знали. Они говорили Юлиану, что воинов у великого каана бесчисленно много и что будто бы нет такой страны и такого народа, который устоял бы перед их натиском.

Юлиан с гордостью думал, что он - единственный европеец, сумевший хоть немного проникнуть в тайны завоевателей; ничего не подозревающие народы Европы должны быть предупреждены о грозной опасности, и это сделает он, Юлиан! В том, чтобы донести до Европы сведения о завоевателях, видел теперь свое предназначение Юлиан. Он не имеет права подвергать себя опасностям дальнейшего путешествия: ведь если он заболит и умрет, добытое знание погибнет вместе с ним...

И еще думал Юлиан, что не разъединять, а объединять нужно все народы, живущие на возможном пути нашествия. Объединять независимо от веры и прошлых распрей. А потому не следует проповедовать католичество в земле венгров-язычников, рискуя вызвать настоятельность правителей Руси, желанных союзников в будущей войне с монголами. А что война надвигается, у Юлиана не было сомнений. Пора возвращаться...

Как ни торопился Юлиан, он все-таки решил задержаться, когда узнал, что неподалеку остановился со своей свитой монгольский посол. Через старейшину он договорился о встрече.

К удивлению Юлиана, монгольский посол не походил на дикого степняка ни обликом, ни обращением. Это был вежливый и образованный человек, он свободно говорил на венгерском, русском, половецком, тевтонском и сарацинском языках, поднимал золоченый кубок с изысканностью истинного дворянина.

Мирно и неторопливо текла беседа, украшенная редкостными винами и вкусными яствами, и только свирепые телохранители с саблями наголо безмолвно

напоминали Юлиану, что он сидит не в охотничьем шатре гостеприимного и любезного хозяина, а в становище посла монгольского хана.

Беседовали долго, но на другое утро, вспоминая речи посла, Юлиан нашел в них мало полезного для себя. Посол охотно разглагольствовал о разных диковинах: о чрезвычайно многочисленном и воинственном народе, который будто бы живет за страной монголов, отличается великим ростом и имеет такие большие головы, что они совсем несоразмерны с телом; о стране Сибирь, в которой зима жесточайшая до такой степени, что птицы замерзают на лету, а из-за обилия снега никакие животные не могут ходить, кроме собак. Четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой...

Любезным и словоохотливым казался посол, но когда Юлиан пробовал перевести разговор на монгольские дела, сразу замолкал. Сам же то и дело задавал короткие, точные вопросы, и Юлиану стоило немалых усилий уклониться от ответов. Юлиан с досадой думал, что не смог выпытать у посла больше, чем тот от него самого, а ведь он, Юлиан, старался не говорить ничего существенного!

И еще подумал Юлиан, вспоминая встречу с послом, что дикая, необузданная сила завоевателей направляется холодным, расчетливым разумом, и ему стало страшно...

Глава 8

РУСЬ

Юлиан покинул гостеприимную землю этильских венгров 21 июня 1236 года. День был пасмурный, хмурый. Ветер с реки швырял в глаза россыпи мелких секущих капель. Волны, шипя, наползали на песчаный берег, оставляя после себя клочья бурой пены. Совсем не летний был день, студеный.

Юлиан кутался в длинный дорожный кафтан-жилян из грубого сукна, подаренный на прощание жителями селения, и молча прислушивался к разговору старейшины с сарацинским купцом, хозяином большой ладьи. Старейшина строго наказывал, чтобы тот доставил гостя до земли руссов бережно и безопасно. Пригрозил:

- Если с нашим гостем случится что-либо худое, мы узнаем и убьем тебя. Ты проезжаешь по реке каждое лето, куда тебе спрятаться от нашей мести?

Купец клялся без обмана исполнить порученное...

Плавание по Этилю и Каме, а затем вверх по Волге продолжалось около месяца, и все это время купец держался с боязливой почтительностью, присылал со слугой обильную пищу, а при встречах спрашивал Юлиана, не терпит ли тот нужды в чем-нибудь. Видно, очень напугала его угроза венгерского старейшины.

На Волге ладья присоединилась к большому купеческому каравану. Купцы всегда собирались вместе, чтобы не стать добычей разбойников, которых здесь, по слухам, было много.

На ночлег останавливались в безлюдных местах, на голых островах, выставив вооруженную стражу. Города купцы старались миновать, то ли опасаясь недружелюбия горожан, то ли не желая платить лишние пошлины. Даже Нижний Новгород, большой и сильно укрепленный русский город, стоявший на высоком берегу против впадения в Волгу реки Оки, проплыли в предрассветном сумраке, и Юлиан разглядел лишь большой костер, зажженный кем-то на мысу.

Река Ока, куда свернул караван, частично протекала по земле мордванов, лесных жителей, которые пользовались недоброй славой. Попутчики рассказывали Юлиану, что мордваны - жестокие люди, что у них мужчина, не убивший собственноручно врага, не пользуется никаким уважением. Когда знатный мордван идет куда-нибудь по дороге, перед ним несут головы убитых им людей, и чем больше несут голов, тем выше этот

человек ценится сородичами. А из черепов мордваны делают чаши и особенно охотно пьют из них на пирах. Тому, кто не убил в своей жизни ни одного человека, мордваны даже не позволяют жениться, чтобы не родились робкие дети, подобные ему...

Справедливы или нет рассказы о жестокости мордванов, Юлиан не знал, потому что сам видел лесных жителей только издали. Мордваны высыпали толпой на берег, что-то кричали, но ничего враждебного или зловещего в их криках не было. Однако, может быть, мордваны просто хотели подманить проезжающих по реке к берегу, чтобы убить и потом носить отрубленные головы перед собой?

Следующая большая река - Клязьма - уже протекала по коренным русским землям, хорошо возделанным и населенным. На берегах стояли деревни, окруженные пашнями, луга со стогами сена. Домов в деревнях было немного, по два или по три, но постройки были крепкие, просторные. Речную воду бороздили остроносые рыбацкие челны, с большим искусством выдолбленные из цельного ствола большого дерева. К берегу спускались на водопой стада, и скот был рослый и тучный. Все вокруг дышало миром и тишиной. Караванные стражники отложили в сторону копья, поглядывали по сторонам лениво, благодушно. Видно, действительно некого было опасаться в благоустроенной земле русских.

В Гороховце, небольшом зеленом городке с множеством деревянных храмов, который, как сказали Юлиану, целиком принадлежал владимирскому епископу, на ладью сел русский монах. Юлиан разговорился с ним, осторожно передал кое-что из узнанного о монголах. Оказалось, что и на Руси знали о завоевателях, но относились к ним до удивления равнодушно.

- Из Дикого Поля в стародавние времена многие степняки приходили, - лениво цедил слова монах, снисходительно поглядывая на Юлиана. - Печенеги приходили, торки, половцы. А где теперь они все? Или погибли все-

конечно, или под руку попали к князьям русским. Монголы твои, их у нас больше татарами кличут, тоже степняки. Куда им в наши леса да болота соваться? Отсидимся, переждем беду. Да и не пойдут они в лесато, неуютно им в лесах, тягостно. Не о монголах надо думать, а о спасении души, в грехах погрязшей. Аминь...

Нечто подобное говорили и другие русские, с которыми беседовал Юлиан. Никто не заинтересовался свидетелем, который собственными глазами видел грозных монголов. Отчего такое спокойствие? От силы или от беспечности?

На исходе августа караван доплыл до города Владимира, столицы северного княжества русских.

Владимир был многоликим городом.

С юга, со стороны реки Клязьмы, город поднимался над пойменными лугами как могучий и грозный исполин. Над обрывистым берегом стояли высокие каменные стены. Выше были только белокаменные громады Успенского, Дмитриевского и Рождественского соборов. В ясные дни блеск золоченых куполов был виден за десятки верст.

Для путника, приближавшегося к Владимиру с запада, город начинался с величественных Золотых Ворот, белокаменного чуда, равного которому не было на свете. За торжественной аркой дорога переходила в городскую улицу, которая пересекала весь Новый город с его боярскими теремами, богатыми купеческими домами, нарядными храмами. Через внутренние Торговые ворота путник попадал в Средний город; где находились торг и замок-детинец, великокняжеский дворец и соборы. Редкий гость проходил дальше детинца и торговой площади, пораженной своим многолюдством, многоцветием красного товара, многоязыким купеческим гомоном. Поэтому гостю казалось, что весь город наполнен пышными хоромами и храмами, утопает в садах и нежится в богатстве.

Иным представлялся Владимир с востока, с холмов,

между которыми спускалась к Серебряным воротам дорога из другого большого русского города - Суздаля. Отсюда можно было заглянуть в Ветчанный город¹, похожий издали на большую деревню.

Все постройки Ветчаного города были деревянными, низкими, невзрачными. Дома тянулись вдоль единственной большой улицы, которая шла от Серебряных ворот к Ивановским воротам Среднего города. А между улицей и крепостными стенами, тоже в этом месте деревянными, - скромные дворы посадских людей, избы ремесленников, кузницы, навесы скотных дворов, покосившиеся клети и амбары, колодезные журавли на перекрестках извилистых переулков. Под стать жилищам были и церкви, тоже деревянные, потемневшие от времени и непогоды, с железными досками вместо дорогих колоколов. Теснота, бедность, убожество... И так до самой стены Среднего города, отгородившей от посада другой, княжеский и боярский Владимир.

Только с севера, со стороны Юрьевской дороги, с дальних полей, полого поднимавшихся за речкой Лыбедь, город открывался сразу, во всей своей многоликости.

Отсюда было видно, что в русской столице соседствовали богатство и бедность, пышный блеск великокняжеского дворца и скромность посада и что невзрачный Ветчанный город составляет чуть ли не половину столицы, а если пересчитать горожан, то посадских людей окажется много больше, чем жителей Нового и Среднего города, вместе взятых...

Но Юрьевская дорога вела к Владимиру из глубинных земель Руси, а Юлиан вошел в город с парадной, князь-менской стороны, по обычному пути иноземных гостей:

1 Древний Владимир делился на три части: Новый город, построенный во второй половине XII в. князем Андреем Боголюбским; Средний город, центральная часть с детинцем и княжеским дворцом; Ветчанный город - укрепленный посад

от пристани через Золотые Ворота к каменному великолепию великокняжеского детинца. Неудивительно, что столица Руси у него оставила впечатление грозного величия, неколебимой устойчивости, переливающегося через край богатства.

С понятным волнением Юлиан ждал встречи с великим князем Юрием Всеволодовичем, который, как ему сказали, пожелал увидеть чужестранца, предъявившего караульным воинам охранную грамоту венгерского короля.

Глава 9

"КАК ИЗБЕЖАТЬ РУКИ МОЕЙ?"

Аудиенция в великокняжеском дворце была непродолжительной, но весьма полезной для Юлиана.

Великий князь принял монаха в небольшой комнате со сводчатым потолком и узкими окнами, затянутыми разноцветной слюдой. Он производил впечатление очень спокойного и рассудительного человека. Одет был великий князь без торжественности, по-домашнему, в чистую белую рубаху с вышивкой у круглого ворота, и только золотая цепь на груди свидетельствовала о высоком положении хозяина.

Юрий Всеволодович передал словесно венгерскому королю предостережение об опасности. Монголы, сказал он, днем и ночью совещаются, как захватить королевскую землю. У них, также есть намерение пойти на завоевание Рима. И еще сказал великий князь, что монгольский хан отправил своих послов к венгерскому королю, но послы задержаны во Владимире, потому что есть подозрение, что это не послы, а лазутчики. Грамоту же, взятую у послов, Юлиан должен доставить прямо в руки королю Беле.

Бородатый русский вельможа в длинном кафтане, ук-

рашенном большими серебряными пуговицами, с поклоном протянул Юлиану пергаментный свиток.

Позднее Юлиан узнал, что содержалось в грамоте, написанной языческими письменами на монгольском языке:

"Я, Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся и подавлять противящихся, удивляюсь тебе, король венгерский! Хотя я в тринадцатый раз отправляю к тебе послов, ты почему-то ни одного не отсылаешь ко мне обратно, да и сам ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король сильный и могущественный, и много под тобой воинов, и великим королевством правишь ты. Оттого-то тебе и трудно по доброй воле покориться. Но было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Рабов моих, половцев, бежавших от моего гнева, ты держишь под своим покровительством. Приказываю впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Половцам ведь легче бежать, чем тебе, потому что они кочуют без домов, в шатрах. Ты же имеешь замки и города, как тебе избежать руки моей?"¹

Юлиан попросил показать ему монгольских послов, которые по приказу великого князя содержались в земляной тюрьме - порубе - позади дворца.

Послы сидели на корточках у осклизлой, сочившейся влагой стены, уткнув головы в колени. Они не шелохнулись, когда с грохотом откинулась тяжелая дубовая дверь поруба и вниз хлынул яркий солнечный свет. Это были точно монголы. Юлиан достаточно рассмотрелся на них за время путешествия, чтобы не спутать ни с каким другим народом. Наверно, и все остальное, о чем рассказывал владимирский князь, тоже правда...

Юлиан покинул Владимир верхом, в сопровождении дружинников великого князя. Дружинникам было веле-

1 Текст монгольской грамоты королю Беле подлинный

но торопиться, и они ехали непрерывно, меняя коней в попутных селениях. На коротких привалах Юлиан записывал для памяти названия больших русских городов, через которые проезжал. 15 сентября - Рязань, 22 октября - Чернигов, 5 ноября - Галич... 8 января нового, 1237 года он передал в канцелярию короля Белы грамоту монгольского хана. Круг путешествия замкнулся.

Весной Юлиана в закрытой повозке, в сопровождении четырех рыцарей из охраны легата, повезли в Италию. В одном из римских монастырей священник Рихард, доверенное лицо папской канцелярии, подробно записал рассказ Юлиана о путешествии в восточные страны. Ему же Юлиан принес обет молчания, скрепленный крестоцелованием. Отныне и вечно Юлиан никому не должен рассказывать о своих странствованиях. Солдат воинства Христова выполнил свой долг. Пусть наградой ему будет отдохновение от трудов и благословение самого папы, переданное через того же Рихарда.

Но не отдых, а душевные терзания обрел Юлиан в сонном монастырском существовании. Юлиану казалось нелепым вынужденное безделье, когда к рубежам Европы подкрадываются завоеватели. Опасность нависла над христианским миром, нужно снова идти навстречу монголам, чтобы узнать их намерения. Юлиан может пойти, он лучше других справится с этим опасным поручением!

Осенью 1237 года Юлиан снова отправился в путь. Он спешил, очень спешил - монголы уже были по сию сторону Волги. Тревожными ветрами встретила Юлиана половецкая степь.

Казалось, в ту осень степняки двигались только на запад. Пылили половецкие кибитки, покидая придонские пастбища. За стадами шли женщины и подростки - почти все мужчины погибли в кровопролитных сражениях с монголами, которые громили половецкие кочевья. Брели по пыльным шляхам болгарские беженцы, чудом избежавшие смерти во время штурмов их укрепленных городов. Молчаливыми кучками сидели у костров аланы,

смытые со своей благодатной земли мутными волнами монгольского нашествия.

А впереди беглецов, расходясь, как круги на воде от брошенного камня, неслись устрашающие слухи.

Пять языческих царств легли под копыта монгольских коней! Как погребальные костры, сгорели наполненные трупами болгарские города! Кагир-Укеле, славный эмир ясов, умер жалкой смертью! Реки покраснели от крови, невиданные багровые радуги поднялись над Диким Полем!

Горе, люди, горе!

Ужас гнал людей на запад, подальше от страшных монгольских сабель. Ужас остановил доминиканскую миссию неподалеку от рубежей Русской земли.

Спутники Юлиана давно уже предлагали вернуться. Все, что случилось за прошедшее лето в степях, уже записано на желтом свитке пергамента. Со многими очевидцами разговаривал Юлиан, и каждый оставил свой след в ровных строчках. Пора, пора возвращаться!

Но Юлиан медлил. Он не узнал еще главного, ради чего пошел навстречу урагану: куда будет направлен первый, самый страшный удар монгольского войска и сколько воинов выведет в поход предводитель монголов Батухан...

Но вскоре и это стало известно Юлиану.

Последний привал на берегу Северского Донца. За холодной гладью реки дымилась степь. Всю ночь скрипели тележные колеса и ржали кони: люди шли и шли мимо палатки Юлиана, надеясь на спасение в далеких чужих краях. Гонец-половчанин нетерпеливо переминался за спиной. А Юлиан, согнувшись у тусклого светильника, дописывал грамоту, которую гонец должен был срочно доставить легату апостольского престола в Венгрии, епископу Перуджи:

"...Находясь у пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что монголы, идущие в страны запада, уже готовятся к походу на русских. Одна часть

монгольского войска у реки Итиль с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, тоже русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, тоже княжества русских. Монголы ждут только того, чтобы земля, реки и болота с наступлением зимы замерзли, после чего всему множеству монголов будет легче проникнуть в землю русских..."¹

И еще несколько строк дописал Юлиан, прежде чем свернул свиток и передал заждавшемуся гонцу. Эти строки освещали то, самое тайное, что монголы оберегали от всех, даже от своих друзей и союзников:

"... В войске у монголов с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю..."

Юлиан бессильно откинулся на войлок. Закрыв глаза, он мысленно прослеживал путь гонца от половецких степей до Венгрии, потом до Рима и будто наяву видел, как по всей Европе тревожно гудят колокола, как собираются в объединенные рати знатные рыцари и простолюдины христианского мира, чтобы защитить свои домашние очаги и прогнать незваных пришельцев обратно в Азию. Милостью провидения Европа получила отсрочку. Кривые монгольские сабли надолго завязнут в русских лесах, ибо русские сильны и полны желания сражаться. Он, Юлиан, вовремя предупредил об опасности, и христианские государи успеют подготовиться к отпору. Снова, как в годы крестовых походов, прозвучит громоподобный призыв римского папы, и крестоносное воинство преградит дорогу завоевателям...

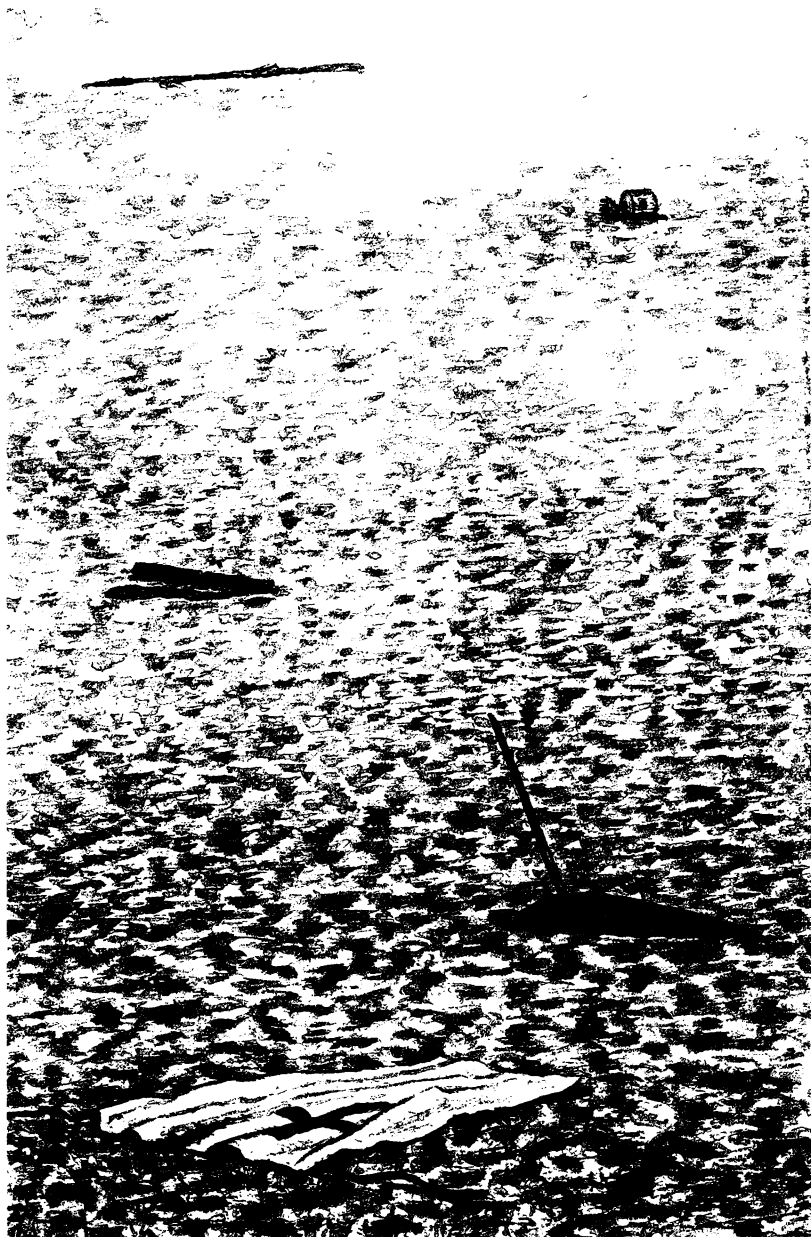
Но надеждам Юлиана не суждено было сбыться. Его записки и грамоты оказались похороненными в архивах папской канцелярии и увидели свет лишь спустя четыре столетия, когда монгольское нашествие стало далеким

¹ Текст грамоты Юлиана подлинный

мрачным прошлым. Не собралось крестоносное воинство. Между завоевателями и перепуганной Европой, закли-
нающей в молитвах: "Боже, спаси нас от ярости монго-
лов!" - стоял лишь русский щит!

Меч Довмонта

ЛИТОВСКИЙ БЕГЛЕЦ

НЕПРОХОДИМЫМИ лесами покрыта Псковская земля. Только у болотных топей и бесплодных песчаных наносов вдоль рек отступали могучие сосны, открывая путникам невысокое северное небо.

Много рек и речек протекает по Псковской земле. Самая широкая и полноводная река, названная Великой, вливается с юга в Псковское озеро. На этой реке и встал Псков, пригород Господина Великого Новгорода.

Псковский каменный кремль - детинец - возвели на высоком мысу, при впадении в Великую речки Псковы, и назвали его Кромом. С двух сторон прикрывали утенок Крома обрывистые речные берега, а с третьей - высокая каменная стена, которая тоже имела свое имя - Перша.

Выше Перши был только белокаменный Троицкий собор, стоявший в центре детинца. Собор был виден и из Завеличья, и из Запсковья, и от Спасского монастыря, что при устье речки Мирожь. А с песчаных холмов, которые тянулись вдоль реки Великой ниже города, только кресты Троицкого собора и видны были. Если человек говорил, что видел верх Живоначальной Троицы, это значило, что он побывал в Пскове...

- Се Псков! - сказал бородатый ратник, указывая на блеснувший вдали купол собора. - Скоро приедем, княже.

Молодой воин, ехавший рядом с ним, молча кивнул головой. На голове воина был круглый литовский шлем, из-под которого выбивались длинные русые волосы. Голубые глаза смотрели строго и внимательно, губы твердо сжаты. Это было лицо человека, привыкшего повелевать. На простом суконном кафтане воина поблескивала серебряная цепь, знак высокого княжеского достоинства.

Отставая от передних всадников на несколько шагов,

ехали на лошадях еще десятка полтора псковских ратников, вооруженных мечами и копьями.

А еще дальше, растянувшись по дороге беспорядочной толпой, двигались всадники в коротких литовских кафтанах, без оружия. Их было много - две или три сотни.

Литовцы не походили на пленников. Псковская стража не окружала их, а держалась поодаль, возле телег, на которых везли литовское оружие: панцири, шлемы, боевые топоры, копья.

Всадники преодолели холмистую гряду, спустились к речке Усохе. Копыта коней, разбрызгивая неглубокую студеную воду, звонко простучали по речной гальке.

Отсюда виден был весь Псков: каменная громада Перши, деревянные стены Предгородья, а перед ними - дворы смердов и ремесленников, разбросанные по изрезанной ручьями и оврагами зеленой равнине.

- Се Псков! - повторил ратник.

Из ворот Предгородья выехали всадники в цветных плащах, в высоких боярских шапках. Передний - могучий старец с серебряной витой гривной тысяцкого на груди - приветственно поднял руку:

- Будь здрав, князь Довмонт! Добро пожаловать в град Псков!

Два боярина, подъехавшие вместе с тысяцким, слезли с коней, бережно взяли под уздцы княжеского жеребца и повели к мосткам через глубокий ров.

От воротной башни Предгородья вела к Крому длинная неширокая улица. Вдоль улицы теснились квадратные бревенчатые избы ремесленников, приземистые купеческие домины с подклетьями для товаров. А над всем этим, поднявшись под самые облака, тяжелой глыбой нависла стена Перши. Казалось, деревянные постройки Предгородья покорно склонились перед каменным величием Крома, навсегда признав его верховодство...

Прохожие поглядывали на всадников дружелюбно, но без любопытства. Трудно было удивить торговый Псков

иноземными гостями! К тому же, как сразу отметили опытные купеческие глаза, на этот раз литовцы приехали без товаров. А если так, то торговым людям они без интереса.

У самой Перши, перед оврагом, который псковичи называли Греблей, тысяцкий повернул налево - туда, где возвышалась над рекой круглая Смердья башня.

Довмонт незаметно оглянулся.

Псковская стража заводила телеги с оружием его дружины в ворота Крома. Но Довмонт ни словом, ни жестом не выдал своего беспокойства. Поздно беспокоиться: сейчас он, князь-беглец, в полной власти псковских бояр...

Просторный боярский двор, куда привели на постой литовцев, находился под самой Смердьею башней. Через бойницы было видно все, что делалось здесь, за частоколом, отделявшим двор от улицы. Довмонт понял, что осторожные хозяева на всякий случай приглядывают за литовцами. Что ж, их право - хозяева...

Довмонт вежливо поблагодарил тысяцкого¹ и бояр за гостеприимство, поднялся в отведенную ему горницу. Видно было, что к приезду князя готовились. На стенах горницы висели ковры, лавки покрыты красным сукном, в открытых ларях отсвечивала серебром дорогая посуда.

Довмонт подошел к окну, выглянул во двор.

Псковичи уже разводили его людей по клетям и амбарам. Кони стояли под навесами, хрустели овсом. Во двор заезжали телеги с мешками, коровьими тушами, какими-то бочонками и коробами. Холопы разгружали телеги возле поварной избы, откуда уже тянуло дымком.

В воротах стояли псковские ратники с копьями в руках: не то охраняли гостей, не то сторожили их...

Довмонт присел к столу, сжал голову ладонями. Тяжелые раздумья, страшные воспоминания согнули плечи князя. Надежна ли пристань, к которой причалила его

1 Тысяцкий - предводитель городского ополчения

ладья? Найдет ли он в Пскове то, что тщетно искал два последних года - убежище от врагов и войско для мести?

Бурные и кровавые события привели литовского князя Довмонта в Псков.

Еще совсем недавно Довмонт, князь Нальшенайский, был при дворе великого князя Миндовга, гордился своим родством с ним: были они женаты на родных сестрах. Как вдруг, словно гром среди ясного неба, смерть жены Миндовга и ее странное завещание...

Миндовг позвал к себе Довмонта с женой и, будто не замечая своего родственника, обратился прямо к женщине:

- Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтобы другая не обижала ее детей. Волю покойной я исполню...

Два года прошло, но Довмонт снова, как наяву, увидел смертельную бледность своей жены, упавшей к ногам великого князя. Но Миндовг смотрел не на распростертую женщину, а на него, Довмонта. Тяжело смотрел, предостерегающе...

Неслышно ступая по ковру, к нальшенайскому князю уже было двинулись телохранители Миндовга...

Сдержал тогда Довмонт свой гнев и обиду, склонился перед великим князем, благодаря за оказанную честь, но месть в сердце затаил...

Случай скоро представился. Жмудский князь Тренята, племянник Миндовга, предложил Довмонту помощь. Когда Миндовг послал войско за реку Днепр, Довмонт и Тренята повернули свои дружины с полдороги и напали на великокняжеский замок. В яростной схватке погибли верные, как псы, телохранители Миндовга. Довмонт сам искрошил мечом двух сыновей великого князя, пытавшихся отстоять дверь во внутренние покои. Настигнутый в темном переходе воинами Треняты, Миндовг сам бросился грудью на обнаженный меч.

Ничего не взял Довмонт из разгромленного замка: ни драгоценностей, ни пышных одежд, ни пленников. Толь-

ко отрубленную голову своего обидчика увез в мешке, привязанном к седлу. Без спора уступил всю власть Треняте, возложившему на свою голову поднятый из крови золотой обруч великого литовского князя.

Но Тренята недолго властвовал. Слишком много было в Литве сторонников Миндовга, сохранивших верность младшему его сыну Воишелку. Четверо бывших конюших великого князя подстерегли Треняту в сенях дворцовой бани и убили. Один из них тут же повез окровавленные ножи, перевязанные прядью волос с головы Треняты, в город Пинск, где скрывался Воишелк.

Вернув великокняжеский стол, Воишелк жестоко расправился с друзьями Треняты. Не пощадил он и мачехи своей, считая ее виновницей гибели отца. Конное войско Воишелка, к которому присоединились дружины многих литовских князей, обрушилось на Нальшенайскую землю, наследственное владение Довмонта. Началась кровопролитная война.

Довмонт защищался отчаянно, до последнего воина, до последней стрелы в колчане, но силы были неравными. Союзники Воишелка мстили не только Довмонту, но и всей Нальшенайской земле: жгли деревни, вытаптывали поля, убивали скот, оставляли позади себя дымящуюся пожарами пустыню. Самым жестоким в Воишелковой рати был князь Гердень Полоцкий. Воины его не знали жалости.

Довмонт лишился всего - городов, войска, княжеского венца. Только триста воинов привел он в Псков, спасаясь от неминуемой смерти.

И вот теперь, в чужой земле, в чужом городе, в чужой горнице, принадлежавшей какому-то псковскому боярину, с горсткой обессиленных и безоружных воинов, Довмонт ждал решения своей судьбы. Ждал, не ведая, что его судьба была решена еще вчера, на совете в хоромах близ Троицкого собора, где собрались хозяева Пскова - посадник, тысяцкий, знатные бояре, духовенство.

Для города наступили трудные времена. Умер великий князь Александр Ярославич Невский, мечом своим оборонявший западные рубежи от рыцарей-крестоносцев. Новый великий князь Ярослав Ярославич прислал в Псков наместником своего сына Святослава. Был Святослав тихим и приветливым, но полководец из него получился никудышный. Да и не волен был Святослав в своих поступках, его руками великий князь хотел лишить псковитян старинных вольностей. Крепко были недовольны Святославом в Пскове и решили взять себе другого князя, покрепче, чтобы оборонял Псков и не потворствовал гордыне великого князя. В одиноком литовском выходе Довмонте, не имевшем опоры в городе и вне его, а потому вынужденном быть послушным, псковские власти увидели самого подходящего для себя князя. К тому же, по слухам, Довмонт был храбрым и опытным воеводой...

Доверенные люди псковской господоы - тысяцкий Елеферий Твердиславич и воевода Давид Якубонич - пришли к Довмонту в тот же вечер и передали условия, на которых Псков соглашался доверить литовскому князю свой меч. Довмонт должен был креститься в Троицком соборе по православному обряду вместе со всеми своими людьми и, не медля, добывать мечом воинскую славу, чтобы ведомо было всем, какой славный воитель новый псковский князь!

- Верно буду служить Пскову! - взволнованно сказал Довмонт.- Поклянусь на мече...

- На кресте! - поправил его тысяцкий.- Отныне не на мече, а на кресте христианском клясться будешь!...

До поздней ночи горели свечи в горнице Довмонта.

Ликовали литовцы, поднимая чаши за удачу своего князя. Требования псковичей приняли как должное. И раньше немалая часть воинов Довмонта была христианами. Русский же язык знали почти все - веками Русь и Литва соседствовали бок о бок. А что касается воинской славы - кто из дружинников не мечтает ее добыть?

Слуги достали из походной суммы княжеский наряд. Не оборванцем приехал князь Довмонт, есть еще чем удивить народ на улицах!

Утром загудели колокола Троицкого собора.

Псковские бояре, в нарядных кафтанах, привели на двор белого коня, посадили Довмонта в украшенное золотой тесьмой седло. Медленно, торжественно двинулась процессия к Великим воротам детинца. Псковские ратники, выстроившиеся вдоль улицы, приветственно поднимали копья.

Соборная площадь была заполнена народом. Князя встречали духовенство в златотканых ризах, бояре, заслуженные воеводы. Довмонт уверенными шагами поднялся по широким каменным ступеням и скрылся в дверях собора.

Тихо стояли люди на площади, ожидая конца церемонии.

Снова загудели колокола.

Князь Довмонт, нареченный в крещении Тимофеем, вышел на паперть показаться народу. На поясе у него был меч города Пскова, выкованный для этого случая искуснейшими псковскими кузнецами, - длинный, прямой, сужающийся к концу, с крестообразной рукояткой. Знаменитый меч Довмонта...

Больше не было Довмонта Литовского. Перед людьми стоял князь Довмонт-Тимофей Псковский, принявший власть над порубежным русским городом.

В тот самый час, когда вторично ударили колокола, возвещая об избрании нового князя, из ворот Предгородья выехал с немногими людьми княжич Святослав. Печальны были тверские дружинники Святослава: их боевые товарищи псковичи остались в Пскове, служить новому князю. Те же псковские ратники, которые привели Довмонта с литовского рубежа, проводили Святослава до границы Новгородской земли...

Глава 2

МЕСТЬ

Через дремучие леса, тянувшиеся от верховьев реки Великой до самой Двины, пробиралась к Полоцку конная рать. Три сотни своих дружинников, пересевших на свежих псковских коней, повел Довмонт на своего заклятого врага - князя Герденя. К походу присоединились и псковские ратники, решившие попытать счастья в Литовской земле. Град Псков никогда не был беден удалцами!

Над литовскими дружинниками начальствовал воевода Лука Литвин, а над псковичами - Давид Якунович. Но голова всему походу - князь Довмонт. Это он задумал дерзкий набег, мстя Герденю за обиды.

Владения князя Герденя начинались за рекой Полотой. Здесь не ожидали нападения: резвые кони мчали воинов Довмонта быстрее, чем разносились вести об их приближении.

Жаркими кострами пылали избы в деревнях Герденя. Дымом пожаров окутались леса. Ветер раскачивал тела герденевых управителей, повешенных на развилках дорог.

Мужиков Довмонт не убивал. Вместе с женами и ребятами, с нехитрым мужицким скарбом и скотиной перегоняли их псковские ратники на север, в свою землю, чтобы населить новые деревни. А как же иначе? Земля тем сильнее, чем больше на ней людей. От людей богатство, а не от голой земли. Без пахарей земля мертва, бесплодна. Щедро отблагодарят псковские бояре своего удачливого князя за присланный полон...

С мечом в руках бросался Довмонт на сторожевые заставы Герденя, добывая себе славу. Вечерами, как простой ратник, сидел у дружинного костра и засыпал тут же, закутавшись в плащ. Но короткими были ночлеги в лесу - Довмонт спешил к Полоцку.

Многолюден и богат Полоцк, столица князя Герденя.

Ничего было и думать с небольшой ратью штурмовать его крепкие стены. Помочь могла только военная хитрость.

...Ранним утром к воротам Полоцка подошел обоз, десятка два скрипучих телег, покрытых бычьими шкурами. Несколько ратников с копьями и рогатинами брели следом за телегами. А у мужиков-возчиков и такого оружия не было, только топоры заткнуты за пояса.

Один из ратников крикнул воротным сторожам, что пришел обоз из дальней Герденевой вотчины. Даже село назвал, откуда будто бы пришли.

Сторожа открыли ворота, впустили обоз на городскую улицу.

Вдруг раздался свист. Полетели наземь бычьи шкуры, покрывавшие телеги, и на ошеломленных сторожей бросились с обнаженными мечами дружинники Довмонта.

А из ближайшей рощи к распахнутым воротам мчалась конница.

Дружинники Довмонта и псковские ратники ворвались в Полоцк.

Сам Довмонт и воевода Лука Литвин с дружиной бросились к Верхнему замку, где стоял дворец князя Герденя. И здесь стража не ожидала нападения. Воины стояли возле крыльца, с удивлением глядя на ворвавшихся во двор всадников, копья их были прислонены к стене.

- Довмонт! Довмонт пришел! - вдруг раздался испуганный крик.

Воины Герденя разбежались кто куда.

Довмонт подъехал к крыльцу. Опередившие его дружинники уже ворвались внутрь дворца. Оттуда доносились крики, лязг оружия, стоны.

Лука Литвин удержал за рукав Довмонта, рванувшего было к дверям:

- Не ходи, княже! Без тебя управимся!
- Герденя, Герденя ищите! - крикнул Довмонт.
- Уже ищут, княже!

Довмонт вложил меч в ножны, огляделся.

Незадачливых стражников князя Герденя дружинники загнали в угол двора и вязали ремнями. Не слышно было шума битвы и из города, где остались псковские ратники воеводы Давида Якуновича.

Сам Давид приехал на Герденев двор, доложил:

- Сдались полочане. За Герденя никто биться не хочет, чужой он им. Посадские старосты просят город не разорять, обещают выкуп, какой назначишь...

- И то верно, горожанам мстить не за что,- заметил Лука Литвин. - Им Гердень тоже не друг, насильно в Полоцке сел. Возьми, княже, умеренный выкуп. Ни к чему в Полоцке дурную память оставлять.

Довмонт кивнул, соглашаясь.

Два дружинника подтащили к Довмонту старика дво-рецкого.

- Говорит сей Герденев слуга, будто самого князя нет в городе, уехал гостить к родне. Не то к Гогорту, не то к Лучайле,- сердито сказал дружинник, ткнув ножами меча в спину старика.

Тот вздрогнул, поднял на Довмонта умоляющие глаза.

- Правду ли сказал, что Герденя нет в городе?

- Правду, благородный князь, правду! - заторопился старик.- Только княгиня здесь с сыновьями. Пощади...

Княгиню молодцы Луки Литвина нашли не сразу, она спряталась в чуланчике на черном хозяйственном дворе, куда вела из дворца потайная лестница. Может, и вовсе бы не нашли, если бы сами Герденевы люди не подсказали, где она.

Княгиню привели к Довмонту.

- А, княгинюшка! Заждались мы тебя. Да и сыновья без тебя скучают. Вон, на телеге сидят, матушку под-жидают! - насмешливо сказал Довмонт.

Княгиня, извиваясь в крепких руках дружинников, кричала пронзительно, ненавидяще:

- Погоди, злодей! Вернется Гердень, всем вам будет лихо! Дня сегодняшнего не переживете!

Довмонт шепнул воеводам:

- Может, со злости грозит, а может, и вправду бабьим своим языком проговорила о скором возвращении Герденя? Коли так, уходить нужно. В чужом городе бой принимать не с руки. Распорядитесь, чтобы скорей снаряжали обоз. А дворец Герденев сжечь...

Длинный обоз, окруженный псковскими ратниками, потянулся к городским воротам. В середине обоза везли на простой телеге жену Герденя и двух его сыновей.

Позади клубился дым над подожженным дворцом.

Свершилась первая месть Довмонта, князя псковского!

Войско Довмонта пошло на север, вдоль берега Двины, потом переправилось через реку и скрылось в лесах. За полверсты от берега, на большой поляне, разбили шатры, распрягли усталых коней. Довмонт позвал воевод на совет.

- Думаю, если Гердень действительно близко, то с обозом от погони не уйти. Надо перегородить крепкой заставой брод через Двину и задержать литовцев. Ты, Лука, возвращайся со своими людьми к броду. А ты, Давид Якунович, с псковичами поведешь обоз. Сам думаю здесь остановиться, если Гердень приспееет - поспешу на помощь. Верно ли рассудил, воеводы?

- Верно, княже,- одобрил Давид Якунович. - Только я с Лукой на Двине останусь. Обоз-то по псковской земле и без воеводы пройдет, а мне перед битвой отъезжать негоже...

- Ну, коли хочешь, оставайся...

Лес возле брода подступал к самому берегу. Только неширокий песчаный плес отделял прохладную речную воду от ельника, прогретого июньским солнцем. За ельником поднимались высокие прямые сосны.

Псковскому ратнику Антону, Лучкову сыну, с верхушки сосны была видна и река, и полоска желтого песка вдоль берега, и дорога, спускавшаяся из леса к броду на другой стороне реки. Хорошее место для сторожи выбрал князь Довмонт!

У подножия сосны пощипывали бледную лесную траву стреноженные кони. Дружинники сторожевой заставы сидели на моховых кочках, негромко разговаривали. Для воевод Луки и Давида раскинули шалаш из бурого войлока. Холопы собирали в ельнике сухие ветки для костра. Кому ведомо, сколько стоять заставе на двинском берегу?

Антон Лучков недаром славился зоркостью глаза. Иной, может, и не заметил бы, как дрогнули ветки на другом берегу реки, как показалась и тут же скрылась голова в круглом литовском шлеме. Но Антон усторожил врага, негромко постучал обухом топора по сосновому стволу, предупреждая об опасности.

Дружинники вскочили, один из них метнулся к воеводскому шатру.

Давид Якунович подошел к сосне, вопросительно поднял голову:

- Чего увидел, Антон?

- Ратный какой-то из леса выглянул. Похоже, литовцы подошли.

- Смотри лучше! А вы изготовьтесь,- повернулся воевода к дружинникам.

Тихо, стараясь не звенеть оружием, воины разошлись к коням.

Опять зашевелились ветки на другом берегу. Теперь уже не один, а несколько литовских воинов внимательно осматривали брод. Из-за деревьев выехали всадники.

Антон узнал переднего - седобородого, в черном немецком доспехе. Сам Гердень! Антон его запомнил, когда литовский князь прошлым летом приезжал в Псков.

А к броду выезжали новые и новые отряды литовцев, каждый под своим знаменем.

На сосну залез воевода Лука Литвин, встал рядом на толстую ветку.

- Это - князь Гогорд. А это - Лотбей. А это - Лючайло, - перечислял Лука.- Всех родичей поднял Гердень... Нелегко задержать такую рать... •

Гердень взмахнул мечом, и литовские всадники погна-ли коней к броду. Всего литовцев было сотен семь, если не больше.

- Нелегко будет сдержать такую рать! - передал гонец князю Довмонту слова воеводы.

Но Довмонт только усмехнулся:

- Рать, говоришь? А где Лука рать-то увидел? Герденья со своими холопишками видел, Гогорта видел и Лотбея, каждого со своими. Разве это рать? Так только на охоту ездят, зайцев по полю гонять. А мы их сами погоняем. На коней!

Дружина князя Довмонта поехала к броду по единст-венной дороге через лес. Все дружинники были в остро-конечных русских шлемах, с длинными копьями и красными щитами. Всадники ехали по четыре в ряд, и никто не нарушал строя. Это было войско, послушное князю, как собственная рука, сжатая в кулак. Как же-лезный слиток...

Князь Довмонт был уверен в успехе. Литовцы выйдут из реки на песчаный берег, к частому ельнику, а по единственной дороге спешит навстречу его дружина. "Только бы Лука и Давид догадались поставить у края ельника своих лучников, вынудить литовцев растянуть строй!- думал Довмонт.- Только бы догадались! Тогда дружина разрежет литовцев надвое, погонит в стороны от брода. Из этой западни Герденю один путь - в воду. А река обманчива, от берега до острова Гаитова мелко-водье, а за островом - глубокая стремнина. Конец тогда князю Герденю!"

Опытные воеводы Довмонта не оплошали. Когда ли-товцы переправились через Двину, лучники забросали их стрелами из ельника. Гердень, как и предполагал князь Довмонт, начал выстраивать своих людей вдоль берега, вправо и влево от брода.

Литовские стрелы застучали по еловым стволам, но ратники Луки и Давида были неуязвимы в чащобе. От-ветные же стрелы легко находили цель. Литовцы заме-

тались на берегу.

За криками и стонами раненых не слышно было топота приближавшейся дружины князя Довмонта. Она вылетела из леса неожиданно и ударила в середину растянутого литовского строя. Всадники в блестящих кольчугах разили воинов Герденя длинными копьями.

Гердень повернул коня и погнал его обратно через брод. За ним устремились телохранители. Только это и спасло Герденя: остальным литовцам была уготована горькая судьба.

Воины Лючайлы и Лотбея отступали вверх по течению реки, попали в болото и почти все утонули в трясине. Гогорт начал отходить по берегу в другую сторону. Но далеко уйти ему не удалось: дорогу преградил обрыв, подступавший прямо к воде. Повелительный возглас князя Гогорта, и литовцы остановились, повернули копья навстречу дружинникам Довмонта. Их и теперь было немало, раза в два больше, чем русских дружинников. Предстоял тяжелый бой.

Довмонт остановил дружину, осмотрелся. За спиной литовцев, словно подпирая их боевой строй, поднимался крутой берег. А что, если?...

- Возьми лучников, обойди лесом и с обрыва обстреляй Гогорта, - приказал Довмонт воеводе Давиду. - Да побыстрей, пока не опомнился князь Гердень и не вернулся на помощь...

Воевода Давид понимающе кивнул.

Медленно тянулись минуты. Литовцы осмелели, кричали, угрожающе размахивая оружием. Но вот за их спинами, над обрывом, показались псковские лучники. Засвистели стрелы.

Литовцы смешались, толпой побежали по мелководью к острову Гаитову. За ними устремились дружинники.

Упал на мокрый песок князь Гогорт, сраженный копьем.

Немногие уцелевшие в сече литовские воины бросались в стремнину и тонули: тяжелые доспехи тянули на

дно полноводной Двины даже самых искусных пловцов.

Князь Гердень так и не вернулся...

Победа была полной. Князь Довмонт не потерял ни одного дружинника. Псковичи недосчитались только Антона Лучкова, сраженного случайной стрелой.

Псковский летописец, восхищенный почти бескровной победой князя Довмонта, запишет после: "...убили в том бою единого псковича Антона, Лучкова сына, а иные все сохранены были без вреда..."

Праздничным колокольным звоном встретил Псков князя-победителя. Напоказ всему городу провезли по улицам богатейшую добычу. Дружина князя Довмонта выросла за считанные дни почти втрое: многие псковские удалцы пожелали служить такому удачливому воителю.

Но дороже добычи, дороже славы показались Довмонту слова тысяцкого Елиферия Твердиславича, сказанные наедине в тайной беседе:

- Теперь ты, княже, во Пскове сидишь твердо!

Вести о победе дошли до Великого Новгорода, и новгородские вечники наотрез отказали в помощи великому князю Ярославу, обиженному на псковичей за изгнание сына. Поход на Псков не состоялся: воевать одними своими дружинами великий князь не решился. Разгневанный упрямством новгородцев, он отъехал в стольный Владимир, оставив своим наместником в Новгороде племянника Юрия Андреевича Суздальского. Великий князь надеялся, что новгородцы позовут его обратно, без великокняжеских полков им трудно оборонять свои рубежи от немецких и датских рыцарей. Но великий князь ошибся. Новгородское посольство отправилось за помощью не к нему, а к молодому переяславскому князю Дмитрию, старшему сыну прославленного воителя Александра Невского.

Великий князь Ярослав забеспокоился, побоялся остаться в стороне, допустить в Новгород одно переяславское войско. Он обещал послать в Новгород сыновей

Святослава и Михаила, а с ними полки из Владимира, Твери и иных низовских городов¹. Но главным в войске остался Дмитрий Александрович. На этом новгородские послы стояли твердо. "Вот если бы ты сам, великий князь, пришел в Новгород, тогда другое дело",- заявили они.

Но сам великий князь Ярослав в поход не выступил.

Глава 3

РАКОВОРСКАЯ БИТВА

Переяславская рать пришла к Новгороду на исходе первой недели января, в лютые крещенские морозы. Ветер с Ильменя переметал сухой колючий снег. Бороды дружинников заиндевели. Пар валил от конских спин. Пешцы бежали по сторонам обоза: в такую стужу на санных невозможно было усидеть даже в тулупах.

Новгородский тысяцкий Кондрат и посадские старосты встретили переяславцев далеко от города, в устье Волхова. Кондрат объяснил, кивнув на своих спутников:

- Дружина твоя, княже, будет стоять в городе. Старосты укажут, кому в каком дворе жить...

Переяславцы многозначительно переглянулись. Редко с таким почетом встречал Новгород чужое войско. Обычно прибылые рати останавливались за городскими стенами, по селам и пригородным монастырям, а то и просто в шалашах на поле.

- Спасибо, тысяцкий! - поблагодарил князь Дмитрий.

- Тебе спасибо, княже. Ты первым откликнулся на призыв Нова-города, тебе и первая честь!

Начали подходить остальные рати. Только владимирскую дружину Святослава, старшего сына великого князя, новгородцы впустили в город, а остальные

1 Низовской землей новгородцы называли Владимиро-Суздальскую Русь

разместились за городскими стенами, в воинских станах. Обиженные князья отъехали на Городище, где безвылазно сидел наместник великого князя Юрий Андреевич Суздальский. Новый псковский князь Довмонт в Новгород приехать не пожелал, обещал присоединиться к войску по дороге.

Вооружалось и разбиралось по полкам новгородское ополчение.

Но новгородский архиепископ, владыка Далмат, и вечаевые бояре решили похода пока не начинать, дожидаться немецкого посольства, о котором известили гонцы. Новгороду были опасны не немцы, а датские рыцари, засевавшие в приморских городах Колывани и Раковоре¹. Это от них страдала торговля Господина Великого Новгорода. А с немцами лучше было бы договориться миром, чтобы не впутывались в войну.

Немецкое посольство приехало в Новгород ночью. Ратники владычного полка с горящими факелами в руках проводили послов к Ярославову дворищу. Хоромы, где остановились немцы, тысяцкий Кондрат велел окружить крепким караулом. Ни к чему послам знать, что делается в Новгороде! Да и самих послов от любопытных глаз спрятать нелишне: не известно ведь еще, чем закончатся переговоры.

Послов принимали в парадной палате архиепископского дворца. Кроме новгородской господы - владыки Далмата, посадника Михаила Федоровича, тысяцкого Кондрата и больших бояр,- здесь были низовские князья, приехавшие для участия в походе.

Посольство было большим и пышным. В Новгород прибыли доверенные люди и от ливонского магистра, и от рижан, и от юрьевцев, и от мариенбургцев, и от иных городов немецкой земли.

Послы убеждали владыку Далмата:

1 Колывань - город Ревель; Раковор (немецкое название - Везенберг) - город в земле Вирумаа (Виронии)

- Нам, господине, нужен с тобою мир. И со всем Великим Новгородом. Наши купцы к вам ходят, а ваши к нам, обиды и брани не имеют никакой. Пусть и дальше будет между нами мир и любовь. А захотите идти войной на колыванцев и раковорцев, людей датского короля, мы им помогать не будем. До тех людей нам дела нет...

На том целовали немецкие послы крест.

А чтобы прочнее была клятва, к ливонскому магистру поехал Лазарь Моисеевич - привести к кресту рыцарей, божьих дворян. В Ригу для того же дела послали доброго мужа Семена.

Посланные вернулись в Новгород, подтвердили, что все немцы целовали крест не помогать колыванцам и раковорцам и что обмана будто бы нет.

Месяца января в двадцать третий день войско выступило в поход. А год был от сотворения мира шесть тысяч семьсот семьдесят шестой¹.

По зимним дорогам пошли к Раковору переяславцы Дмитрия Александровича, владимирцы Святослава Ярославича, тверичи Михаила Ярославича, дружина наместника великокняжеского Юрия Суздальского, новгородское пешее ополчение. Возглавляли ополчение посадник Михаил Федорович и тысяцкий Кондрат.

За войском везли на санях тяжелые метательные орудия - пороки - разбивать каменные стены немецких городов. Задолго до похода начали готовить их порочные мастера на владычном дворе.

Старший из порочных мастеров Тогал, латинянин родом, сопровождал грозные орудия. Имелись в Новгороде и свои мастера, но Тогал был опытнее, лучше знал военные хитрости. Тысяцкий Кондрат обещал ему за поход большую награду.

Полки двигались медленно, с продолжительными остановками. До порубежной реки Наровы шли почти три

1 1268 г.

недели: воеводы давали отдых людям, пока еще была своя земля.

Первыми перешли за Нарову переяславские конные дружины, а с ними проводниками ладожцы и ижорцы. На границе земли Вирумаа не оказалось ни укреплений, ни сторожевых застав. Редкие деревни были покинуты жителями. Видно раковорцы решили не выводить войско в поле; отсиживаться за каменными стенами.

Скучным показался низовским и новгородским воинам этот поход: только бесконечные снега, морозный ветер да низкое серое небо над головой.

Встреча с псковской ратью показалась вроде как праздником, нарушившим путевое однообразие. Псковичи были румяные, веселые. Да оно и понятно: идти сюда им было много ближе, чем остальным. Князь Дмитрий и Довмонт обнялись, как боевые товарищи. Они с первого взгляда понравились друг другу: Дмитрий - своей искренней молодой горячностью, Довмонт - спокойствием и дружелюбием. Кто мог догадаться, что это взаимное расположение обернется верной дружбой на всю жизнь?

Вечером семнадцатого февраля впереди показались зубчатые стены и башни Раковора.

На заснеженном поле у реки Кеголы войско остановилось для ночлега. Разошлись во все стороны сторожевые заставы. Ранние зимние сумерки спустились на воинский стан.

В шатре князя Дмитрия собрались князья и воеводы. Порочный мастер Тогал развернул пергамент с чертежом Раковора. За большие деньги купил этот чертеж тысяцкий Кондрат у приезжих немецких купцов. Купил без нужды, про запас, задолго до похода, а теперь князья и воеводы только похваливали тысяцкого за предусмотрительность.

Военачальники договаривались, кому с какой стороны приступать к Раковору, где ставить пороки. Разошлись поздно, порешив завтра же начинать осаду.

Воевода Федор заботливо укрыл Дмитрия медвежьей шкурой, пожелал спокойной ночи.

- Завтра твой день, княже,- сказал воевода.- Возьмем Раковор - вся честь твоя. А теперь спи, ни о чем не думай. Сторожевые заставы сам обойду...

Дмитрий вспомнил нового знакомого князя Довмонта, его рассудительные речи на совете, его желание первым приступить к стенам Раковора, и подумал, что отдельной чести нет, есть честь и слава всего русского воинства. Но возражать воеводе не стал, накрылся с головой меховым пологом...

Незадолго до рассвета Дмитрия разбудили голоса и звон оружия. Князь откинул медвежью шкуру, приподнялся.

Посередине шатра, на низком складном столике, горела свеча. Воевода Федор, в шубе, накинутой поверх кольчуги, простоволосый, сидел и покачивал седой головой. К нему склонился воин в остроконечном шлеме, что-то шептал. Дмитрий узнал десятника из сторожевой заставы.

- С чем приехал, Кузьма, в такую рань?

- Беда, княже! - взволнованно говорил дружинник. Немцы из Ливонии идут к Раковору. Верст за десять отсюда. По всему видно, что не с миром идут - вооружены для боя...

Воевода Федор гневно взмахнул кулаком:

- Измена это! Не надо было верить немецким послам, не надо! И рыцари немецкие, и рыцари датские - одинаково враги. Ворон ворону глаз не выклюет...

- Раз враги - чего ж на измену сердиться? Другого от немцев и не ждали,- усмехнулся Дмитрий и, обернувшись к Кузьме, спросил: - Скоро ли здесь будут, как думаешь?

- Да если так пойдут, как до того шли, неспешно, то в третьем часу дня жди немцев на Кеголе...

- Будем ждать! И встретим, как подобает! А ты, воевода,- обратился князь к Федору,- поднимай князей,

пусть строят полки.

Воевода, придерживая рукой падающую с плеч шубу, быстро пошел к выходу. Десятник в нерешительности топтался на месте, глядя, как княжеский оруженосец помогает Дмитрию одеться и приладить доспехи.

- Скачи обратно к заставе, Кузьма,- отрывисто говорил князь, застегивая у правого плеча золотую пряжку красного плаща. - Беспреданно шли вести. Может, не одно рыцарское войско сюда спешит?

- Исполню, княже!..

Дмитрий Александрович вышел из шатра.

В разных концах русского стана раздавались сигналы труб. Из шатров и шалашей вылезали ратники, бежали по снежной целине к берегу Коголы, скрывались в пред-рассветном сумраке.

К шатру спешили князья и воеводы. Молчаливым полукругом встали позади Дмитрия Александровича князья Святослав, Михаил, Юрий и Довмонт, посадник Михаил Федорович, тысяцкий Кондрат, воеводы дружин и ополчения.

За падающим снегом не было видно, как выстраиваются полки. Но князю Дмитрию и не нужно было этого видеть. Он знал, что воины занимают привычный, веками проверенный боевой строй: посредине, в челе, новгородское пешее ополчение, а справа и слева от него - крылья дружинной конницы.

Таким строем великий князь Александр Ярославич Невский разгромил немецких рыцарей на льду Чудского озера: дал их "железной свинье" увязнуть в центре и ударил конницей с боков! Он, Дмитрий, повторит эту военную хитрость...

"Но нужно ли повторять?"- вдруг подумал Дмитрий.- Рыцари ждут повторения. Урок Ледового побоища¹ не мог пройти для них даром. Лучше удивить врага новой

¹ Ледовое побоище - битва великого князя Александра Невского с немецкими рыцарями в 1242 г.

хитростью. Немцы будут ждать удара справа и слева... Пусть ждут! А мы ударим с одного бока, но сильнее. А с другой стороны только для вида нападём, чтобы рыцарская конница не могла оттуда на помощь прийти. Так и решу..."

Дмитрий Александрович обернулся к князьям, ждавшим его приказания:

- Ты, Святослав, переводи свою дружину на правое крыло. И ты, Довмонт, там же с псковичами встань. А ты, Михаил, останешься на левом крыле с одной тверской дружиной. Только растяни ее пошире, пусть не догадаются немцы, что там лишь малая часть войска...

Князья недоуменно переглянулись. Не было такого раньше, что надумал переяславский князь!

Только Довмонт сразу понял замысел:

- А ведь верно! Не ждут немцы, что мы одним крылом на них навалимся!

- Удивим немцев!- поддержал псковского князя тысяцкий Кондрат.

Отъезжая, Довмонт еще раз ободряюще улыбнулся молодому переяславскому князю:

- Верно задумал, князь!

Дмитрий помахал ему рукой. Приятно было понимание и дружеское расположение, прозвучавшее в словах псковского князя. Мил Дмитрию новый псковский князь, мил. Мечтать только можно о таком товарище... Но все это после, после... А сейчас к полкам, светает...

Русское войско уже перешло реку Коголу и стояло вдоль берега, лицом к приближающимся немцам. Снегопад кончился. Ветер уносил к Варяжскому морю серые тучи. Стала видна черная полоска леса вдалеке, а между лесом и русскими полками, посредине просторного поля, изготовившаяся к бою немецкая рать. Белые стяги с красными и черными крестами лениво полоскались над неподвижным строем рыцарской конницы.

Медленно тянулись минуты. Немецкое войско не трогалось с места.

Со стороны Раковора доносился торжествующий рев труб и колокольный звон - горожане радовались подмоге.

- Чего они стоят? Чего ждут? - шептались воеводы. - Может, биться не хотят?

- А может, и вправду не хотят! - вдруг сказал Дмитрий. - Пока немецкая рать у нас за плечами, к Раковору приступить нельзя. Видно, без боя задумали оборонить город. А сражаться опасаются. После Ледового побоища спеси у них поубавилось...

Русские полки медленно двинулись вперед. За перестрел от рыцарского войска Дмитрий приказал остановиться. Рыцарский строй, отсвечивавший железом доспехов, оставался неподвижным. Только из-за спины рыцарей вдруг высыпали пешие кнехты, вытянули в сплошную линию большие черные щиты, выставили копья. Зачем это? Раньше немцы сразу врезались железным рыцарским клином...

С наступавшими рыцарями русские ратники биться умели. Нужно было только сдержать их первый, самый страшный натиск. Потом сомкнутый строй рыцарской конницы рассыпался, закованные в железо неповоротливые всадники тонули в толще пешего ополчения, а крылья русских конных дружин довершали разгром...

Но сейчас рыцари просто стояли.

Нападать на их железные ряды было то же, что пробовать прорубить мечом крепостную стену - даже лошади у рыцарей были закованы в броню.

Туловище и руки рыцаря защищала кольчуга, а поверх нее - латы. На ногах - железные сапоги. Шею закрывал кольчужный капюшон, спускавшийся на грудь. В кованом рыцарском шлеме прорезались только узкие щели для глаз и дыхания; попасть стрелой в эти щели можно было только случайно. У каждого рыцаря - щит, длинное тяжелое копье, меч, кинжал, боевой топор; мечи и кинжалы привязывались к широкой рыцарской перевязи ремнями, чтобы не потерять оружие в бою...

Чтобы перечислить все предметы рыцарского вооружения, пришлось бы дважды загибать пальцы на обеих руках. Непомерной тяжестью давили доспехи на плечи рыцаря. Выбитый из седла, он уже не мог без посторонней помощи влезть на коня. В немецких замках у ворот строили помосты со ступеньками, и только с этих помостов рыцари садились в седла. Неповоротлив рыцарь в бою, если оторвать его от строя, окружить со всех сторон.

Но сейчас перед русским войском была сплошная железная стена.

Русские стрелы ломались о доспехи. Немецкие же железные стрелы, которые пускали из-за щитов пешие арбалетчики¹, пронизывали русские легкие кольчуги насквозь. Особенно большие потери несло новгородское ополчение: кольчуги и железные нагрудники не все ратники имели...

Падали русские воины на снег, орошая его кровью.

К Дмитрию подъехал князь Довмонт:

- Нельзя так стоять! Побьют ратников без толку!..

Дмитрий сердито оборвал его:

- Сам вижу, что стоять худо. Но и идти на копья - не лучше!

А тяжелые арбалетные стрелы летели и летели из-за немецких щитов, находя новые жертвы...

- А ведь можно потревожить немцев, можно! - вдруг сказал Довмонт.- Вели приказать, чтобы привезли пороки. Да каменных ядер побольше!

- Верно! - загорелся Дмитрий.- Пусть едут в обоз!

Вскоре через головы новгородских ополченцев полетели тяжелые каменные глыбы, сбивая с коней рыцарей, проламывая латы, калеча лошадей. Рассыпалась линия щитов впереди рыцарской конницы. Немецкие пешцы, бросая копья, разбежались.

1 Арбалет - метательное оружие, состоявшее из лука и ложа с прикладом. Стрелы арбалетов имели большую убойную силу

И не выдержали немцы!

Взревели, возвещая атаку, боевые рожки. Тронулась на новгородский лицевой полк железная немецкая "свинья". Русские полководцы навязали-таки рыцарям свою волю, по-своему повернули ход сражения!

С оглушительным лязгом оружия и воинственными криками рыцарская конница врезалась в строй новгородского ополчения. Попятились новгородцы под страшным напором. Все дальше и дальше, разрезая их строй, пробивался немецкий железный клин.

Всадники в рыцарских доспехах, мерно поднимая и опуская мечи, плыли над головами пеших новгородских ратников, как черные варяжские ладьи по бурным волнам. И как ладьи, тонули в волнах новгородского ополчения.

На помощь новгородцам Дмитрий Александрович двинул с левого крыла тверскую конную дружину князя Михаила, как и ожидалось, это не было неожиданностью для немцев. Отряд рыцарей, прикрывавший фланг войска, неторопливо выехал навстречу тверичам и задержал их. Дружинники тверского князя рубились отчаянно, но пробиться через заслон не могли.

А к месту схватки уже спешили другие рыцарские отряды. Еще немного, и тверичи будут смяты.

Дмитрий оглянулся.

За его спиной плотными рядами стояла заждавшаяся переяславская рать. Правее ее - конные дружинники князя Довмонта, отличавшиеся от остального русского войска темным цветом доспехов; на псковичах были и литовские, и немецкие, и шведские панцири. А еще дальше, на самом краю, застыли в ожидании владимирцы князя Святослава, суздальцы князя Юрия. Вот она, береженная сила, которая переломит ход сражения.

К Дмитрию подъехал князь Довмонт:

- Не пора и нам, княже?

Дмитрий кивнул: пора...

- За Русь!

Взметнулось голубое переяславское знамя.

Повторяя сигнал, поднялись стяги псковских, владимирских и тверских дружин. Русская конница устремилась вперед, нацелившись во фланг рыцарского войска.

Древний воинский клич: "За Русь! За Русь!" - гремел над полем битвы.

Впереди конницы с мечом в руках мчался князь Дмитрий. Почти рядом с ним, отставая лишь на половину лошадиного корпуса, - Довмонт Псковский.

Спохватившись, немецкие воеводы начали поворачивать своих рыцарей навстречу русской коннице. Но - не успели. Дружинники с налету врубались в немецкий строй.

Все смешалось.

Битва распалась на множество яростных единоборств. Перед каждым русским витязем был свой противник: или рыцарь в латах с длинным прямым мечом, или оруженосец в кольчужном доспехе с секирой и кинжалом, или пеший лучник-кнехт в круглом железном шлеме.

Дмитрий схватился с каким-то рыцарем. Перегнувшись в седле, князь ускользнул от сокрушительного удара тяжелого рыцарского меча, наотмашь рубанул по шлему, украшенному перьями. Рыцарь удержался в седле, попробовал было снова напасть, но подоспевший телохранитель Дмитрия свалил его ударом боевого топора.

А Дмитрий уже рубился с другим рыцарем.

Обгоняя князя, в сечу рвались переяславские дружинники. Теперь князь видел впереди только их спины, поблескивавшие железом кольчуг, наклоненные вперед остроконечные шлемы.

Подъехал воевода Федор, укоризненно посмотрел на погнутые и исцарапанные доспехи князя:

- Поберегся бы лучше, княже. И без тебя есть кому биться. Не простой, чай, ратник, а предводитель войска...

- На бранном поле все мы ратники,- не согласился Дмитрий.

Рыцари отчаянно отбивались, и неизвестно еще было, на чью сторону клонится чаша победы, пока не подоспело новгородское пешее ополчение.

Проворные, не отягощенные доспехами новгородцы сновали между сражавшимися всадниками, вырывали рыцарей из седел железными крючьями на длинных древках, вспарывали ножами незащищенные кольчугами животы рыцарских коней. Поверженные рыцари неуклюже ворочались на истоптанном, испятнанном кровью снегу, не в силах подняться. Тяжкая неуязвимость рыцарских доспехов оборачивалась теперь против них самих.

Третий час кипела битва. Уже не торжественно, а тревожно трубили трубы в Раковоре, будто призывая рыцарей держаться, не уступать.

Немецкое войско пятилось обратно к лесу, из которого вышло утром на бой. Дмитрий понимал, что дать рыцарям уйти - это не победа, а только половина победы. Нужно отрезать их от леса.

Будто прочитав на расстоянии мысли Дмитрия, из сечи вырвался Довмонт со своими лихими псковичами.

"Теперь немцы не уйдут!" - подумал Дмитрий, видя, как псковские дружины выстраиваются между полем битвы и лесом, перерезая путь возможного немецкого отступления.

Заметили опасность и немцы.

Кучки рыцарей, вырвавшись из сечи, скакали не к лесу, а вдоль берега Коголы - к видневшемуся вдаль Раковору. Затем в ту же сторону начало отступать и все немецкое войско.

Русская конница устремилась следом. За ней спешили новгородские ратники, оглашая поле радостными криками. Конные дружинники, настигая рыцарей, вынуждали их обороняться и, отколов от строя, оставляли на расправу ополченцам. То здесь, то там в кольце пешцев неуклюже кружились рыцари, отмахивались мечами и падали в снег, выбитые из седла ударами длинных ко-

пий и рогатин. Новгородцы добивали поверженных рыцарей тонкими, как шило, ножами-убивцами, мстя за своих павших.

Многие знатнейшие мужи Ливонской земли нашли в тот день смерть на студеном берегу реки Кеголы...

Конница Дмитрия, Довмонта и Святослава неотступно преследовала остатки рыцарского войска. Уже близко были стены Раковора, сложенные из огромных гранитных плит. Князь Дмитрий надеялся ворваться в город, пока ворота еще открыты для бегущих рыцарей.

Кто сможет остановить мчащуюся как вихрь русскую конницу? Уж не те ли неуклюжие раковорские латники, что толпятся в воротах?! Куда им, зажиревшим горожанам, биться с русскими витязями!..

Раковор спасло приближение еще одного рыцарского войска.

Протяжно запели переяславские трубы, останавливая дружинников.

К Дмитрию спешили князья и воеводы, на их лицах было недоумение и обида. Довмонт закричал еще издали:

- Почему задержал войско, княже? Упустим победу!

Дмитрий молчал, сурово сдвинув брови. Потом кивнул гонцу, приехавшему со сторожевой заставы:

- Повтори воеводам вѣсть, что привез с заставы...

- Вторая немецкая рать подходит к Раковору. Опять идут от ливонской стороны через лес. Немецкие разъезды уже грабят наши обозы за рекой, едва отогнали их обозные мужики.

- Откуда еще немцам взяться? - засомневался князь Святослав.- Били их, били...

Но Дмитрий оборвал его:

- Не время спорить. Поспешите к своим дружинам. Пойдем встречать немцев.

Русское войско снова строилось для боя. В центре было новгородское пешее ополчение, поредевшее, но еще способное сражаться. Вправо и влево от пещцев вытяну-

лись крылья дружинной конницы. Только Юрий Суздальский остался со своим полком против воротной башни Раковора, чтобы горожане не устроили вылазку.

А из леса выползала свежая немецкая рать.

Снова стояли друг против друга два войска, только теперь между ними была не снежная нетронутая целина, как утром, а бранное поле, залитое кровью, вытоптанное, покрытое остывающими телами. И таким ужасающим показалось немцам это поле, что они не решились войти на него, остановились на краю.

Встали у кромки поля и русские полки, набираясь сил перед новой сечей. Нелегко досталась первая победа: поределі дружины, устали кони, перетрудившиеся руки воинов без прежней твердости держали копья и мечи, кровь сочилась из недавних ран.

Тишина над полем поразила Дмитрия. Будто и не было здесь двух больших, изготовившихся к бою ратей. Воины переговаривались шепотом, кони ржали тихо и приглушенно. Не звенело оружие, смолкли боевые трубы. Ветерок лениво шевелил поникшие стяги.

Дмитрию вдруг показалось, что никакого боя еще не было, что он только-только вывел полки на это поле. В наступавших сумерках не было видно убыли в русских полках. Воинский строй стоял твердо и несокрушимо.

"Чего же я жду? - думал князь.- Скоро будет совсем темно..."

Но что-то удерживало его от приказа, которого ждали воеводы.

Только спустя много лет, пережив не единожды радость побед и горечь поражений, князь поймет, что это что-то было воинской мудростью, даром, которым отмечены только истинные полководцы. А в тот февральский вечер на реке Коголе молодой переяславский князь мучился сомнениями.

- Как пришли немцы, налегке или с обозом? - вдруг спросил он гонца с заставы.

Воеводы недоуменно переглянулись. О вражеском обо-

зе нужно думать после боя, когда неприятель разбит, когда пришло время делить добычу...

Гонец обстоятельно рассказал, что рыцари двигались налегке, полностью изготовленные к бою, обозов с ними не было. Даже шубы с собой не везли. Стучат, поди, зубами. Вечер-то морозный!

- Без шуб, говоришь, немцы? - весело переспросил Дмитрий.- Мерзнут, говоришь? Ну, мы их боем греть не будем, пусть мерзнут!

И опять раньше других понял князя Довмонт:

- А ведь верно, княже! Не выстоять немцам всю ночь в железных доспехах, померзнут! Выбор у немецких воевод невеликий: или тотчас на бой идти, или убираться восвояси. А времени для раздумий у них нет - скоро совсем стемнеет!

Воеводы захлопотали, отдавая распоряжения сотникам и десятникам.

Из обоза, стоявшего за рекой, в полки привезли шубы, тулупы, войлоки. Воины накидывали их поверх кольчуг: и тепло, и можно мигом скинуть наземь, если понадобится сражаться.

Обозные мужики даже шатры раскинули позади полков, чтобы ратники могли поочередно отдохнуть в тепле. За шатрами разожгли костры. В медных котлах над огнем забулькало горячее варево.

Воины повеселели, перекидывались шутками:

- Так можно и постоять: и тепло, и неголодно...
- А каково немцу? Железо - оно холодит...
- Выморозит их наш князь, как тараканов из избы...
- Студена ночка, хороша ночка...
- Для немцев не больно хороша!..

Когда рассвело, рыцарей уже не было на том краю поля. Они ушли под покровом ночной темноты, так и не решившись напасть на русские полки.

Поехавшие вслед конные разъезды сообщали воеводам, что рыцарей не было ни за два, ни за четыре, ни за шесть часов пути. Совсем ушли немцы!

Три дня стояло русское войско на поле битвы.

Тяжелыми оказались потери, особенно в пешем ополчении. Павших новгородцев длинными рядами укладывали вдоль берега Коголы. Среди убитых опознали добрых новгородских мужей: Твердислава Чермного, Микифора Редитина, Твердислава Моисеевича, Михаила Кривцова, Ивача, Бориса Ильдетинича, брата его Лазаря, Ратшу, Василья Воиборзова, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Парамона, Полюда и иных многих.

Шестеро скорбных новгородских ратников понесли к обозу тело посадника Михаила Федоровича. Прямым и твердым был посадник в жизни, не слухавил и в свой смертный час. В пешем строю, как простой ратник, бился он в челе новгородского полка и погиб, сраженный сскирой кнехта.

Тысяцкого Кондрата не нашли среди убитых: не то немцы, отступая, уволокли его с собой, не то снегом засыпало где-нибудь в овражке. Не нашли и Радислава Болдыжевича, и Данилу Мозонича, и порочного мастера Тогала. Горька участь пропавших без вести. Не осталось их близким даже родной могилки.

А из простых ратников едва половина осталась в новгородском ополчении, да и те почти все поранены. Много полегло и псковичей. Неистовый князь Довмонт не щадил ни себя, ни своих воинов. Но и честь немалую взял. Имя Довмонта люди называли рядом с именем предводителя войска - князя Дмитрия Александровича, сына Невского: "Славные витязи! Истинные ратоборцы оба!"

Остались навечно в неласковой раковорской земле многие переяславцы и владимирцы, тверичи и суздальцы. Как бились плечом к плечу, так и теперь лежали рядом под серым чужим небом, завещав вечную скорбь родным и близким...

Хмур был князь Дмитрий. Не утешили молодого князя ни униженные просьбы раковорских послов о мире, ни богатейший выкуп, привезенный из города в русский

стан, ни обещания датских королевских людей впредь не пакостить новгородской заморской торговле, ни славная военная добыча - пятьдесят саней, доверху наполненных рыцарскими доспехами и стягами, ни даже громкая слава полководца, добытая в этой битве. Слишком дорогой оказалась победа!

Много боевых товарищей потерял князь Дмитрий, но зато приобрел верного друга - князя Довмонта Псковского. Эта дружба переживет все испытания временем.

Низовские и новгородские полки возвратились в Новгород, а неугомонный Довмонт пошел со своими псковичами по земле Вирумаа, сокрушая рыцарские замки и сжигая деревни. До самого моря продолжался этот опустошительный поход, нагоняя страх на немцев и датчан.

Мирно стало на новгородских рубежах. На этот раз - надолго...

Глава 4 ВЕРНОСТЬ

Князь Довмонт Псковский был верным человеком. Жизнь его была прямой, как взмах меча. Довмонт любил повторять: "Враг - это враг, а друг - это друг, даже если дружба оборачивается смертельной опасностью, потому что обмануть друга - то же самое, что обмануть самого себя, а обманувшему себя - как жить?" Повторял не для себя, а для других, потому что для самого князя Довмонта сказанное было бесспорным - так он жил...

Весь смысл жизни князь Довмонт видел в защите города, доверившего ему свою судьбу. Под стягом князя Довмонта псковские ратники громили немецких рыцарей, и летописцы, извещая о победах князя, неизменно добавляли, что воевал он за правое дело. И передавались из уст в уста рассказы о подвигах Довмонта Псковского, воодушевляя людей на служение родной земле. "Давит и жжет иго ордынское, а мы - живы, а мы вот

на что способны!"

...В лето шесть тысяч семьсот семьдесят девятое¹ начали пакостить немцы на псковском рубеже, взяли несколько сел. Князь Довмонт на пяти насадах, с дружинниками и шестью десятками псковских охочих людей, нагнал немцев на реке Мороповне, отбил пленных и добычу. Конные рыцари спаслись бегством, а пешие кнехты, побросав копья, спрятались в камышовых зарослях. Воины Довмонта подожгли сухой камыш. Многие кнехты погибли в огне, а остальных псковичи побили стрелами на песчаной косе...

...В лето шесть тысяч семьсот восемьдесят первое² подступили немцы ко граду Пскову, на кораблях и сухопутьем, кованой рыцарской ратью. Князь Довмонт, не дожидаясь полков из Новгорода, вышел на них со своей дружиной и мужами-псковичами, многих побил, а иные побежали без памяти за речку Опочку.

Вдругорядь принялись немцы нужу творить в псковских волостях на речке Желче, отбегали и снова приходили. Князь Довмонт на плотах переправился с войском через Узмень между Псковским и Чудским озерами и повоевал немецкую землю, отвадил рыцарей от разбосв...

Случалось, что имя князя Довмонта надолго исчезало со страниц летописей, но это молчание было многозначительнее иных слов. Оно означало, что немецкие железноголовые рати, устранившись меча Довмонта, на время оставляли в покое псковские рубежи.

Многие князья добивались расположения прославленного воителя, но князь Довмонт неизменно оставался в стороне от междоусобных распрей. Так и состарился, не осквернив свой меч кровью русских людей. С уважением повторяли на Руси гневные слова Довмонта, обращенные к честолюбивым искателям великокняжеского стола:

1 1271 год

2 1273 год

"Как можно обнажать меч в собственном доме?!"

Одно исключение сделал Довмонт - для своего друга великого князя Дмитрия, сына Александра Невского, когда другой Александрович - Андрей - стал спорить с ним из-за стольного Владимира и наводить на брата ордынские рати. Не участие в усобицах, но защиту родной земли от ордынцев видел Довмонт в своей помощи великому князю Дмитрию. В лето шесть тысяч семьсот восемьдесят девятое¹, когда на Русь обрушилась ордынская рать Кавгадя и Алчедея и Дмитрию пришлось бежать, князь Довмонт помог ему отбить хранившуюся в Копорье серебряную казну и вернуть великое княжение.

Не только старая дружба была тому причиной. Довмонт видел в сыне Александра Невского единственного князя, способного возродить былое могущество Руси. И - не ошибся. Великий князь Дмитрий Александрович первым открыто обнажил меч против ордынцев. Было это в лето шесть тысяч семьсот девяносто третье², когда в русские земли ворвался ордынский царевич, салтан Алгуй.

Безоблачное небо дышало зноем. Шумели вековые сосны. В успокаивающем шелесте ветвей даже чуткое ухо с трудом различило бы негромкие голоса, треск валежника, приглушенное конское ржание, звон оружия. Издали же сосновый лес над Окой казался тихим и безлюдным.

Великий князь Дмитрий Александрович, князь Даниил Московский и Михаил Тверской стояли за кустами у самого обрыва, а внизу, на пойменных лугах, высушенных июльским солнцем, чернели кибитки ордынского войска.

Ордынцы не привыкли к открытому сопротивлению. Они готовились, как во время прошлых набегов, распусть во все стороны летучие конные загоны для грабе-

1 1281 год

2 1285 год

жей и захвата пленников. На это и рассчитывал Дмитрий Александрович, выступая навстречу врагу. Он спрятал войско в лесу и ждал, когда с салтаном Алгуем останется поменьше людей, чтобы напасть на ордынцев и разгромить их.

"Довольно ордынцам безнаказанно разорять Русскую землю!- решил великий князь.- Пришла пора заслонить Русь от ордынских сабель!"

Долго великий князь Дмитрий Александрович копил ратную силу, собирал людей в полки. Ни у одного из прежних великих князей, ни у Ярослава Тверского, ни у Василия Квашни Костромского, не было такой многочисленной и хорошо вооруженной рати. Появились союзники, на которых можно положиться, которые были готовы вместе сражаться против ордынцев. Князя Даниила Московский и Михаил Тверской по первому зову привели свои дружины к Оке...

Великий князь Дмитрий Александрович хмурился. Ему не нравился покой, царивший в ордынском стане. Только несколько отрядов ушло вдоль берега в сторону Гороховца, а остальное ордынское войско оставалось здесь.

Сторожевые разъезды ордынцев подъезжали к обрыву, подолгу смотрели на сосны, на кусты, свисавшие над кручей.

"Не учуяли бы спрятанного войска,- тревожился Дмитрий.- Въедут в лес - и все, пропала неожиданность..."

Но ордынцы подняться на кручу поленились, отъехали прочь.

Молодой Даниил нетерпеливо дергал за рукав великого князя:

- Не пора ли ударить, княже? Сколько стоять-то без дела?

Но Дмитрий отрицательно качал головой:

- Рано еще, рано...

После полудня вниз по Оке ушла еще одна конная

рать. Но воинов в стане ордынцев оставалось все-таки много, больше, чем было ратников у великого князя.

Князь Михаил Тверской, утомленный ожиданием, прилег тут же в кустах на разостланный плащ, закрыл глаза. Возле него присел на корточки дядька-оберегатель, заботливо обмахивал платком лицо своего господина, отгоняя лютых июльских слепней.

Сквозь кусты медведем продрался, ломая ветки, воевода:

- Княже, к ордынцам подкрепление идет!

- Теперь немедля битву начинать надобно! - загорячился Даниил.

Его поддержал проснувшийся Михаил Тверской:

- Решайся, великий князь! Не пропустить бы время!

Дмитрий Александрович глубоко задумался.

Не сражения он боялся. Сражений за долгую жизнь было многое множество: с немцами и датчанами, с литовцами и со своими князьями-соперниками. Но биться в поле с татарами предстояло первый раз!

Велик страх перед ордынским неисчислимым воинством, казалось оно людям непобедимым. Ни одной удачи на было еще на счету русского войска в битвах с ордынцами. Привыкли русские люди отсиживаться от ордынских ратей за городскими стенами, хорониться в лесах, отъезжать от беды в дальние северные волости.

"Не пора ли сломать эту рабскую привычку? - думал Дмитрий Александрович. - Не мне ли, сыну Александра Невского, предначертано открыть счет победным сражениям с Ордой? Не мне ли суждено ободрить народ, подавленный ордынским ярмом, и снова вдохнуть в него веру? Ради такого святого дела стоит рискнуть всем, даже собственной жизнью!"

Дмитрий Александрович переступал сейчас черту, за которой ждала его смерть или вечная слава - слава первого победителя ордынского воинства!

Много будет после сражений...

Спустя пятнадцать лет Даниил Московский встанет

под Переяславлем-Рязанским против ордынской рати, и одолеет ее, и погонит к Дикому Полю, нещадно истребляя насильников.

Еще через полтора десятка лет выйдет с мужами своими, тверичами и кашинцами, навстречу ордынскому полководцу Кавгадыю князь Михаил Тверской, и побегут ордынцы, побросав стяги, восвояси.

Будет и река Вожа, и кровавое Куликово поле, прославившие князя-воителя Дмитрия Донского, тоже потомка Александра Невского.

Будет, наконец, хмурая осенняя Угра, равнодушно уносящая трупы воинов хана Ахмата, а вместе с ними и последние следы ордынской власти над Русью¹. И станут уже называть Русь - Р о с с и е й...

Но все равно в истории земли Русской великий князь Дмитрий, сын Александра Невского, останется п е р в ы м, кто разбил в поле ордынскую конницу!

Долгие годы шел Дмитрий Александрович к этому сражению. Шел, добиваясь великого княжения и объединяя под своим знаменем раздробленную Русь. Шел, первым из князей не подчиняясь ханским ярлыкам, которые перекупали в Орде его соперники. Шел, добиваясь в степной ставке Ногая разобщения ордынских сил...

Слишком многое было положено на весы в этот час, чтобы можно было решиться без колебаний и тревоги за исход дела. Но великий князь Дмитрий Александрович решился...

Нападение русской конницы было полной неожиданностью для салтана Алгуя. Ордынские караульные приняли ее за свое же войско, возвращавшееся с награбленной добычей. А когда разобрались, было уже поздно: дружинники Дмитрия Александровича, Даниила Московского и Михаила Тверского ворвались в ордын-

¹ В 1480 году, после того как было остановлено на р.Угре нашествие хана Большой Орды Ахмата (Ахмед-хана), ордынское иго было окончательно свергнуто

ский стан. Между юртами и кибитками началась жестокая рубка.

Русские воины повсюду теснили ордынцев, лишенных своих главных преимуществ в бою - простора для маневра и четкого воинского строя. А в схватках один на один русские дружинники были намного сильнее быстрых, но нестойких в рукопашном бою степных наездников.

Опытный Алгуй сделал единственно возможное в таких обстоятельствах: он начал отводить воинов, еще не вовлеченных в сечу, к береговому обрыву, чтобы построить конную лаву и стремительным ударом сокрушить неприятеля.

На призывные вопли боевых труб к обрыву стекались ордынские воины, искали свое место в строю десятков и сотен, выравнивали ряды, натягивали луки, готовясь встретить русскую конницу потоком каленых стрел.

Салтан Алгуй успокоился. Сражение приобретало привычное для него обличье. Воины уже стояли сомкнутыми рядами - локоть к локтю, стремя к стремени.

Одного не предусмотрел Алгуй: того, что в лесу над обрывом, за спиной его войска, притаилась пешая владимирская рать. Когда русская конница устремилась в атаку, над головами ордынцев затрещали кусты, и вместе с лавинами сухого желтого песка по обрыву покатились владимирские ратники с копьями и топорами в руках.

Заметались ордынские всадники, избиваемые со всех сторон. Перемешались казавшиеся несокрушимыми десятки и сотни. Попадали в траву разноцветные флажки тысячников.

За считанные минуты тумыны Алгуя превратились в беспорядочную, отчаянно вопящую толпу, в которой каждый думал только о собственном спасении.

Еще отбивались, взмахивая кривыми саблями, отдельные кучки ордынских всадников, но дух войска был уже сломлен. Алгуй понял это и, бросив своих гибнувших

воинов, с нукерами личной охраны устремился на прорыв.

Падали на землю удалыцы-нукеры, прикрывавшие бегство своего господина. Вместо павших в сечу кидались другие и тоже погибали под копытами русской конницы, оплачивая кровью каждую сажень пути.

Светлая гладь Оки, за которой чудилось спасение, приближалось.

Русские воеводы видели бегство ордынского предводителя, но помешать не могли. Слишком далеко стояли от этого места русские запасные дружины.

С последней горсткой нукеров Алгуй вырвался на берег и бросился в воду. Быстрое течение Оки закружило всадников. Они начали тонуть, захлебываясь в водоворотках. Однако арабский скакун, гордость ханской конюшни, перенес салтана Алгуя через реку.

Алгуй выехал на пологий правый берег, погрозил кулаком в сторону русского войска и неторопливой трусцой двинулся к недалекому лесу. "Как побитый волк..." - подумал великий князь Дмитрий Александрович, провожая глазами незадачливого ханского сына.

А тем временем русские дружинники и пешие ополченцы добивали у обрыва остатки ордынского войска. Ордынцы погибали молча, обреченно. Жестокий не верит в возможность милосердия...

Победа далась малой кровью. На каждого убитого русского ратника приходилось по пять и более ордынцев. А сколько было перебито потом ордынских всадников из летучих загонов, отправившихся за добычей, и пересчитать невозможно. Ордынцев убивали дружины, выезжавшие из городов и перегородившие дороги; спасавшихся поодиночке добивали на лесных тропах мужики из деревень, звероловы и бортники, купцы и странники-богомольцы. Казалось, сама земля поднялась на насильников, и не было им спасения нигде!

Князь Довмонт не участвовал в этом славном сражении. Другое дело было у него - оборонять псковские и

новгородские рубежи. Но может, потому и решился великий князь Дмитрий вывести все свои полки против ордынцев, что не опасался тогда немецких рыцарей?

А потом, во время Дюденовой рати¹, Довмонт Псковский оказался единственным князем, который осмелился дать приют Дмитрию Александровичу в своем городе и тем спас его от мести ордынцев...

Глава 5 ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В лето шесть тысяч восемьсот седьмое² летописцы записали в своих книгах: "Пришли немцы ко Пскову и много зла сотворили, и посад пожгли, и по монастырям, что вне града, всех чернецов мечами иссякли. Псковичи со князем своим Довмонтом, укрепившись духом и исполчившись ратью, из града вышли и прогнали немцев, нанеся им рану немалую, прогнали невозвратно..."

Все было верно в этой записи, кроме последнего: немцы возвратились...

4 марта, в канун дня Герасима-грачевника, черные немецкие ладьи снова появились возле Пскова. Ночью они проплыли рекой Великой мимо неприступного псковского Крома и приткнулись к берегу возле посада, огражденного лишь невысоким частоколом.

Коротконогие убийцы-кнехты, не замеченные никем, переползли через частокол и разошлись тихими ватагами по спящим улицам. Посадских сторожей они вырезали ножами, подпуская в темноте на взмах руки. Крались, будто ночные тати-разбойники, вдоль заборов, накапливались в темных закоулках.

1 Дюденева рать - большой ордынский поход на Русь в 1293 г., во время которого ханский полководец Дюдень опустошил значительную часть русских земель

2 1299 год

Первыми почуяли опасность знаменитые кромские псы, недремные стражи города. Они оцетинились, заскулили, просовывая лобастые волчьи головы в щели бойниц.

Десятник со Смердьею башни заметил легкое шевеление под стеной, запалил факел и швырнул его вниз. Разбрызгивая капли горячей смолы, факел прочертил крутую дугу, упал на землю и вдруг загорелся ровным сильным пламенем.

От стены Крома метнулись в темноту какие-то неясные тени, послышался топот многих ног.

Чужие на посадe!

Будоража людей, взревела на Смердьею башне труба. К бойницам побежали, стягивая со спины луки, караульные ратники. Из дружинной избы, которая стояла внутри детинца у Великих ворот, выскакивали дружинники и проворно садились на коней.

Оглушающе взревел большой колокол Троицкого собора, и почти тотчас, как будто только и ожидали набатного звона, в разных концах посада вспыхнули пожары.

На посадские улицы выбегали полуодетые, ошалевшие от испуга люди. Бежали, размахивая руками, падали сраженные немецким железом, отползали со стенами в подворотни.

"Господи! Кто? За что? Господи, спаси!.."

Кто посмелее, сбивались в ватаги, оцетинивались рогатинами, пробивались к Крому, чтобы найти спасение за его каменными стенами. Им преграждали дорогу кнехты, похожие в своих круглых железных шапках на грибы-валуи.

Истаивали ватаги посадских людей под ударами, потому что кнехтов было много.

Горестный тысячеустый стон доносился до ратников, стоявших у бойниц Перши. Будто сама земля взывала о помощи, и нестерпимо было стоять вот так, в бездействии, когда внизу гибли люди...

На воротную башню поднялся князь Довмонт, поддерживаемый с двух сторон дюжими холопами-оберегателями; третий холоп тащил следом простую деревянную скамью.

Князь Довмонт присел на скамью, поплотнее запахнул суконный плащ - ночь была по-весеннему студеной. Седые волосы князя в дрожащем свете факелов казались совсем белыми, глубокие морщины избороздили лицо, руки бессильно опущены на колени. Трудно было поверить, что этот старец олицетворял воинскую удачу Пскова.

К князю подскочил тысяцкий Иван Дорогомилов, предводитель псковского ополчения, зашептал просяще:

- Всех посадских побьют, княже! Неужто допустим такое?!

Князь Довмонт молчал, прикрыв ладонью глаза.

Никто лучше Довмонта не знал жестокого закона обороны города. А закон этот гласил, что нельзя отворять ворота, когда враги под стенами, потому что главное все-таки город, а не посад. Лучше пожертвовать посадом, чем рисковать городом. Нет прощения воеводе, который допустил врагов в город, сердобольно желая защитить людей с посада. Большой кровью может обернуться такая сердобольность...

Молчал Довмонт, еще не находя единственно правильного решения, прикидывал: "Главное - бережение града. Никто не осудит меня за осторожность. Но не позор ли оставить без защиты беззащитных? Можно ли на склоне жизни принимать на душу подобный тяжкий грех?"

Задышался в дыму, истекал кровью посад.

"Почему я медлю? - думал старый князь. - Неужели с годами уходит решимость? Я, всю жизнь отдавший защите Пскова, медлю спасти гибнущих людей его?"

Пронзительный женский крик донесся из темноты, поднялся на немыслимую высоту и вдруг оборвался, как обрезанный.

Князь Довмонт поднялся со скамьи, досадливо оттолкнул локтем кинувшихся помогать холопов, крикнул неожиданно звонким, молодым голосом:

- Выводи конную дружину, тысяцкий! За ворота!

Иван Дорогомилов с посветлевшим лицом кинулся к лазу винтовой лестницы. За ним стремительно покатились вниз, царапая кольцами доспехов тесно сдвинутые каменные стены, сотники конной дружины.

Князь Довмонт опять сел на скамью и замер, весь - напряженное внимание...

Страшен ночной бой в переплетениях посадских улиц, стиснутых глухими заборами, на шатких мостках через ручьи и канавы. Страшен и непонятен, потому что нельзя даже разобрать, кто впереди - свои или чужие, кого рубить сплеча, не упуская мгновения, а кого брать под защиту.

С в о и х псковские дружинники узнавали по белым исподним рубашам, потому что посадские люди, застигнутые врасплох, выбегали из дворов без кафтанов, простоволосые, босые. Своих узнавали по женскому плачу и испуганным крикам детей, потому что посадские люди пробивались к Крому вместе с семьями. И погибали вместе, если топоры и рогатины не могли защитить их от кнехтов.

Ч у ж и х распознавали по отблескам пламени на круглых шлемах, по лязгу доспехов, по тому, как отшатывались они, заметив перед собою всадников с длинными копьями в руках. Дружинники опрокидывали немецкие заслоны, пропускали через свои ряды посадских беглецов и ехали дальше, пока слышны были впереди крики и звон оружия: это значило, что там еще остались свои люди, ждавшие спасения...

Князь Довмонт с высоты башни слушал бой. Именно с л у ш а л, потому что нельзя было увидеть ничего в дымной мгле, окутавшей посад.

Шум боя удалялся, слабел и наконец затих. Что это значило, Довмонт знал: псковская конница прошла по-

сад из конца в конец, и все, кто остался в живых из посадских людей, были уже за ее спиной. Пора отводить дружины, пока немцы не отрезали их от города.

Князь Довмонт приказал трубить отступление.

В распахнутые настежь Великие и Смердьи ворота вбегали люди. Спотыкаясь и путаясь в длинных ночных рубахах, сенили женщины с ребятишками на руках. Мужчины несли на плечах раненых, волокли узлы с добром. Немного их осталось, спасенных от немецкого избиения...

Довмонт понимал, как это трудно - отстоять ворота, если кнехты пойдут по пятам дружинников. Главное - выбрать миг, когда до ворот останется один рывок дружинных коней. Снова доносился с посада шум боя, но теперь он не удалялся от Крома, а приближался к нему, ширился, нарастал. И вот уже видно с башни, как пятятся дружинники из посадских улиц, сдерживая копьями напиравших кнехтов. Князь Довмонт кивнул трубачу:

- Пора!

Коротко и резко прокричала труба.

Дружинники разом повернули коней и поскакали к перекидным мостам через Греблю, отрываясь от пеших кнехтов. Всадники, не задерживаясь, проскальзывали в ворота и сворачивали в узкий охабень¹, накапливались там, чтобы грудью встретить врага, если кнехты - не приведи господи! - успеют вбежать под башню раньше, чем закроются ворота.

Черные волны немецкой пехоты катились к Перше, и казалось, что невозможно сдержать их бешеный порыв. Но дубовые створки Великих и Смердьих ворот захлопнулись раньше, чем кнехты добежали до Гребли. Со скрипом поднялись на цепях перекидные мосты. Стрелы

¹ Охабень, или захабень, - длинный коридор, примыкавший с внутренней стороны городской стены к воротам. Если враг врывался в ворота, его задерживали в запертом охабне

брызнули в лицо немецкой пехоте.

Будто натолкнувшись на невидимую стену, кнехты остановились и побежали обратно, в спасительную темноту посадских улиц.

Князь Довмонт облегченно перевел дух: ворота удалось отстоять!

Надолго запомнилась псковичам та страшная ночь: зарево пожара над посадом, багровые отблески пламени на куполах Троицкого собора и зловещая темнота в Запсковье и Завеличье, отданных на поток и разорение кнехтам.

По улицам катились дрожащие цепочки факелов, сплетаясь в причудливые узоры. Псковичи валили на соборную площадь, к оружейным клетям, из которых здоровяки-десятники уже выносили охапками мечи и копья, выбрасывали прямо в толпу овальные щиты и тяжелые комья кольчуг. Псковское городовое ополчение вооружалось к утреннему бою.

А то, что бой неизбежен, что немцы не уйдут, если их не прогнать силой, в Пскове знали все - от боярина до последнего посадского мужика, как знали и то, что, кроме них самих, прогнать немцев некому!

Только утром затих пожар на посаде. Свежий ветер с Псковского озера погнал дым за грядку известковых холмов, и глазам псковичей открылась черная обугленная равнина на месте вчера еще кипевшего жизнью посада, а за пепелищами - цепи кнехтов.

Левее, на берегу реки Псковы, возле пригородной церкви Петра и Павла, стояли большие шатры, развевались стяги с черными крестами. Там разбили стан конные рыцари - цвет и сила крестоносного воинства. Вокруг стана суетились пешцы, устанавливая рогатки на случай вылазки псковичей. К стану тянулись по дороге припоздавшие кучки рыцарей. Видно, немцы готовились к длительной осаде.

Но князь Довмонт решил иначе. Он не стал дожидаться, когда соберется все немецкое воинство и укроется за

окопами и рогатками.

- Будем бить немцев в поле! - сказал он воеводам.

С глухим стуком упали перекидные мосты перед Великими и Смердьими воротами. По мостам густо побежала псковская пехота.

Сила Пскова - в городском пешем ополчении, едином в любви к родному городу, стойком в бою, потому что все знали всех, и дрогнуть в бою означало навеки опозорить свой род: в одном строю стояли отцы и сыновья, деды и внуки, соседи, дальние родичи, мастера и подмастерья, торговые люди и их работники, иноки псковских монастырей, сменившие монашеские посохи на мечи и копья!

И на этот раз пешее ополчение первым начало бой.

Перепрыгивая через канавы, обрушивая наземь подгоревшие жерди заборов, ныряя в овраги, псковские ратники стремительно и неудержимо рвались к рыцарскому стану.

Древний клич: "Псков! Псков!" - гремел над пепелищами посад, над покатыми берегами реки Псковы, ободряя своих и устрашая врагов.

Князь Довмонт, выехавший следом за пешцами на смирной белой кобыле, едва поспевал за быстроногими псковичами. Воины обгоняли его, оборачивались на бегу, и их лица, внешне такие разные, казались Довмонту похожими друг на друга, как лица братьев.

И князь Довмонт был сейчас в одном потоке с ними, в одном устремлении, в одной судьбе. Он выпрямился в седле, будто сбрасывая тяжелую ношу прожитых лет, и тоже кричал ликующе:

- Псков! Псков!

А между немецкими шатрами уже началась сеча.

Рыцари едва отбивались от наседавших со всех сторон настырных псковских пешцев. Падали, продавливая мягкую осеннюю землю непомерным грузом доспехов. Сбивались кучами, стояли, ошестинившись копьями, и тогда уже псковичи платили многими жизнями за каждого по-

вергнутого рыцаря.

От устья Псковы, от Водяных ворот Крома, спешила псковская судовая рать. Ладьи приставали к берегу под рыцарским станом. Ратники в легких мелкокольчатых доспехах поднимались по склону и нападали на немцев с тыла.

Поле битвы походило теперь на взбаламученное весенним штормом озеро, и редкие островки рыцарского войска тонули в волнах псковского ополчения.

Трубы у шатра магистра звали на помощь.

Но помощь не пришла. Псковская конница, выехавшая из Великих ворот, проехала сгоревший посад и оборушилась на немецких пешцев.

Дружинники гонялись за кнехтами, кололи их копьями.

Погибало немецкое пешее войско, которое магистр хотел бросить на весы боя, погибало без пользы, и в этом была тайная задумка князя Довмонта: связать кнехтов дружинной конницей, пока пешее ополчение избивает рыцарей...

Когда князь Довмонт подъехал к рыцарскому стану, все было кончено. Понуро стояли в толпе ликующих псковичей пленные рыцари и их оруженосцы. В клубах пыли откатывались прочь немногочисленные рыцарские отряды, успевшие прорваться через окружение. Кнехты враспынную бежали к речке Усохе, карабкались, как черные муравьи, на известковые холмы.

Меч, обнаженный князем Довмонтом за правое дело, снова оказался победоносным!

Псковичи праздновали победу, не зная, что это - лебединая песня старого князя Довмонта. Весна набирала силу, но сам Довмонт, окруженный любовью и благодарностью горожан, медленно угасал, как будто отдал в последней битве все оставшиеся жизненные силы.

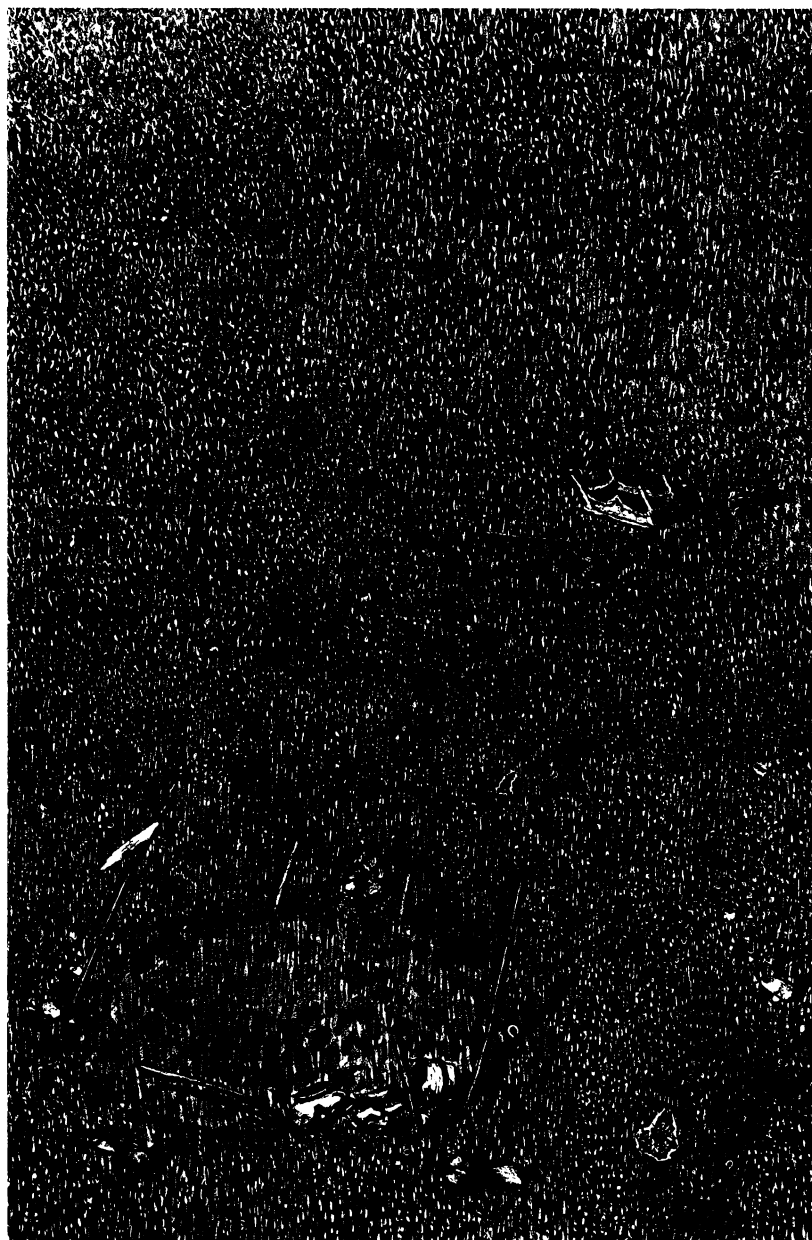
Мая в двадцатый день, на святого Федора, когда покойники тоскуют по живым, а живые приходят на погосты голосить по родителям, не стало князя Довмонта

Псковского. А вскоре наречен был Довмонт святым. Не за смирение наречен, не за умерщвление плоти и не за иные иноческие добродетели, но за ратную доблесть, подобно другому прославленному воителю земли Русской - Александру Невскому.

Висит над воротами Псковского кремля огромный, в два человеческих роста, прямой меч, символ воинской славы русского пограничного города. И псковичи до сих пор называют его "Мечом Довмонта".

Вторая ошибка Мамая

...ПЕРЕД вестником несчастья открыты все двери.

В полночь, и за полночь, и в глухой предрассветный час, когда забываются коротким сном даже недремные дворовые псы, вдруг судорожно простучат копыта по перекидному мосту через городской ров, скрипнут тяжелые створки крепостных ворот, и хрипящий конь, схваченный под уздцы воротными сторожами, забьется, разбрызгивая клочья пены, и обессиленный гонец мягко завалится на протянутые руки, шепча онемелыми губами: "Княжье дело! Княжье дело!"

И разнесется вдребезги покойная тишина. Ватагой пронесутся по улице конные. На княжеском дворе, топчя сапогами и звеня оружием, суматошно забегают дружинники, захлопают двери и начнут загораться окна - одно, второе, третье, потом сразу много, опоясывая громаду дворца тусклым ожерельем огней.

На красное крыльцо, позевывая и зябко поводя плечами под накинутым второпях кафтаном, выйдет боярин-дворецкий, чтобы самолично встретить гонца. А тот обвиснет на руках дружинников, будто и впрямь идти не может, и понесут его бережно, как икону, к княжеской ложнице, куда не бывает доступа даже большим боярам.

Перед вестником несчастья открыты все двери!..

Только так, а не иначе представлял свое возвращение в Москву сын боярский Андрей Попов. Каждый сторож-полянин мечтает о звездном часе, когда весть, доставленная им, откликнется эхом по всей Руси. Андрей Попов скакал с воронежской сторожевой заставы, и известия, которые он вез великому князю Дмитрию Ивановичу, были поистине страшные.

Время перевалило за полночь, когда Андрей плетью загнал коня в черную воду Брашевского брода. До Москвы осталось недалеко, верст десять. Он должен быть в Москве до рассвета! Должен!

Запавившийся конь с трудом поднялся на крутой берег, рванулся было рысью по дороге и вдруг стал. Передние ноги коня подломились, и он начал быстро-быстро падать на бок - Андрей едва успел вырвать сапоги из стремян. Конь захрипел, силясь приподнять голову, дернулся и затих.

Андрей провел ладонью по взлохмаченной конской гриве, тяжело вздохнул. Четвертого коня он менял за дорогу, но с каждым успел сродниться. Гонец и конь - единое...

Спрямяя изгибы дороги, Андрей медленно побрел по лугу, уставленному стогами сена. Ни огонька не было вокруг, ни даже собачьего лая. Что они, вымерли, что ли, все на Москве-то?!

Ветер гнал навстречу низкие клочковатые тучи. Бледный серпик месяца то выплывал, то снова скрывался. Андрею казалось, что стога, похожие на круглые татарские юрты, ползут вровень с ним, почти не отставая. А может это сам он топчется на месте?

Скорее надо идти, скорей!

Но силы больше не оставалось. Ломая сапогами низко скошенную траву, жесткую, как жнивье, Андрей побрел к ближайшему стогу, вырвал охапку сена, бросил на землю и сам завалился навзничь.

Тучи продолжали бежать над головой, и Андрею вдруг показалось, что какая-то неведомая сила подняла его и несет к Москве, где ждет вестей из Дикого Поля великий князь Дмитрий Иванович, и что он, Андрей, по-прежнему спешит, спешит...

Сколько дней и ночей продолжается эта неистовая гонка? Три, пять? А может, не на дни, а на годы отсчет?...

Глава I

ПЕРВАЯ ЗАСТАВА

В лето шесть тысяч восемьсот восемьдесят пятое¹ на реке Пьяне без славы погибало русское войско.

Поначалу ничто не предвещало беды. Воины шагали бойко, с песнями, оружие и доспехи сложили в телеги, чтобы не обременяться в пути. И немалая ведь была рать: нижегородцы, владимирцы, юрьевцы, ярославцы, муромцы. И воевода над полками был молодой да пригожий - княжич Иван, сын нижегородского князя. На привалах княжич собирал в шатре бояр и полковых воевод, щедро угощал хмельными медами. Воины, глядя на воевод, тоже хмельным не брезгали. Сытно, хмельно, благодатно все было - не зима, чай, и не осень тоскливая, только-только макушка лета минула, месяц июль. Не поход, а вроде как гулянье, забава. А тут еще слухи успокоительные, будто ордынский царевич Арапша, на встречу которому шло войско, в другую сторону повернул, к Дону или к Донцу.

Нагими, весело поплескавшись в парной воде, воины перебрали реку Пьяну и остановились на просторной луговине среди леса - отдыхать после похода.

Опять рекой, чуть поменьше самой Пьяны, полились меды, пиво и вино. Иные для пущей потехи сарафаны надевали, ходили ряжеными меж костров, плясками веселились. Истинно сказано, что войско без крепкой руки - не войско даже, но стадо овечье, на закланье обреченное. Так и случилось.

По пяти лесным дорогам привели мордовские проводники к Пьяне ордынцев, и нигде не встретили их сторожевые заставы, потому что не было застав, все равно бражничали, никто не захотел отставать от застолья.

1 1377 год

Как гром с ясного неба, обрушились на беспечный стан конные тысячи проклятого Арапши, и началось побоище...

Побежали обратно к реке Пьяне воеводы и бояре, конные дружинники и пешцы ополчения, а впереди всех - княжич Иван, простоволосый, в одной исподней рубахе. Первым ввергнулся он с конем в реку, первым и утонул, открыв счет многим христианским душам загубленным. Мутной стала Пьяна от крови. Погребальным звоном разнеслась по Руси весть о побоище. С горькой укоризной повторяли люди новую пословицу: "На Пьяне - все пьяны!"

Словом, пропили воеводы свое войско, а похмелье - великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому. Поредели полки, которые он исподволь готовил к единоборству с Ордой, и в этом была главная потеря. Многих витязей недосчиталась Русь после Пьяны. Мечи-то да копья быстро наковать можно, а откуда новых ратных умельцев взять? Год требуется, чтобы перековать смерда-землепашца в умелого воина. Подарит ли спокойные годы Орда? Беда, беда...

Но мудрый и из беды полезные уроки извлекает. Узнал князь Дмитрий, что не одно младоумие и беспечность княжича Ивана погубили войско. Воеводы на Пьяне пренебрегли сторожевыми заставами, за что и поплатились. Чтобы не повторилось подобного, Дмитрий Иванович решил поставить крепкие заставы по краю Дикого Поля - на Дону, Воронеже, Сосне, Красивой Мече и иных пограничных реках, где стоять было бы усторожливо.

Дело было новое и опасное. Не каждому можно доверить честь назваться полянином, сторожем земли Русской. Многие дети боярские, товарищи Андрея, тоже ходили тайком к воеводе и оружейнику Родиону Жидовинову, которого князь поставил старшим над заставой. Но повезло только Андрею Попову. Может, вспомнил

воевода Родион его отца, сотника Семена, давнего своего знакомого, а может, сам Андрей ему понравился, кто знает? Однако сказал воевода:

- По весне со мной поедешь, Андрей. Готовься...

А чего Андрею готовиться? Вот он, весь тут! Конь здесь же, на княжеском дворе, меч у пояса, кольчуга на плечах, доспехи и мягкая рухлядь в дружинной избе, за углом. Богатства же Андрей пока что не нажил. Только и именья у него что молодость да сила. Да еще усердие, которое юноша успел показать на княжеской службе. Но молодых и старательных в дружине Дмитрия Ивановича Московского предостаточно, особенно гордиться этим не приходилось. Считай, что повезло Андрею, просто повезло!

Воевода Родион снаряжал заставу неторопливо, с великим старанием, воинов перебирал, как разборчивая невеста - женихов, чтобы по всем статьям подходили.

Себе в товарищи взял княжеского стремянного, крещенного татарина Федора Милюка, известного на Москве лошадирика. Про Федора говорили, будто бы он узнавал конскую статью с закрытыми глазами, на слух да на ощупь. Ухо подставит, проведет ладонью по животу, по ляжкам и тут же скажет, добрый конь или нет. Правду говорили люди или нет, кто знает, но плохих коней даже не предлагали стремянному, это точно. А что росточком Милюк не вышел и косолапит малость, так то для воина не изъян. Рослых да статных в дружине сколько угодно, а вот такого конезнатца где еще найдешь?

И еще одно достоинство было у княжеского стремянного. Знал он и обычаи ордынские, и язык их нехристианский, не многим ведомый. Цены не было Милюку на польной службе. Потому только и отпустил Дмитрий Иванович своего любимца, не пожалел - в Диком Поле будет Милюк полезнее, чем на княжеском дворе.

Всего трое их оказалось на заставе, старших-то: сам воевода Родион, стремянный Федор Милюк и сын боярский Андрей Попов. А остальных сторожей (было их пять десятков) воевода набрал из самых что ни есть простых ратников. По отчеству никто из них не звался, но все как на подбор оказались ловкими, сильными, крепко сидели в седле, стрелы метали искусно. И еще смотрел воевода Родион, чтобы были его сторожа сметливыми. На заставе служить - это не в конном строю с копьем стоять, над сторожем десятичника нет, самому соображать придется. А не сообразишь - сам без пользы пропадешь и товарищей погубишь. Ленивому разумом на заставе делать нечего...

Мая в пятый день, на самую Ирину-рассадницу, когда мужики на лугах прошлогоднюю худую траву выжигают, невеликая конная рать воеводы Родиона выехала из Москвы.

Впереди - сам воевода, в суконной шапке с меховой опушкой, в синем плаще, из-под которого торчали ножны длинного прямого меча. Других сторожей Родион вооружил легкими кривыми саблями, удобными в быстролетных сшибках со степняками, но для себя иного оружия, кроме дедовского меча, не признавал.

Чуть отставая от воеводы, скособочился в седле стремянный Федор Милюк. Под огромной меховой шапкой личико стремянного - с выпирающими скулами, с раскосыми глазками, голым подбородком - казалось совсем крошечным, будто ребячьим; только глубокие морщины да землисто-бурые щеки напоминали, что стремянный уже разменял пятый десяток лет. Федор Милюк кутался в стеганный халат, татарский лук колотился о спорбленную спину. Невзрачен был Федор, больше похож на пленного ордынца, чем на княжеского стремянного, но на Москве его знали, народ на улицах приветствовал криками.

Андрей, ехавший впереди конной дружины, даже позавидовал. Разве не видят горожане, как гордо выступает его, Андрея, рослый вороной конь, как солнце перекачивается по кольцам начищенного москворецким песком доспеха, как развеваются над шлемом-шишаком разноцветные перья, а плащ из тонкого заморского сукна птицей-соколом вьется за плечами? Милюк же и лицом страховит, и одет бедно, а вот поди ж ты - на него москвичи смотрят, не на боярского сына Андрея Попова. Обидно...

Вздыхнув, Андрей отвернулся.

Позади ровными рядами рысили всадники в легких кольчугах, с небольшими круглыми щитами, с тонкими копьями-сулицами в руках. Сабли и луки привязаны к седлам, кожаные колчаны скрипят, полные стрел. Славная, нарядная рать! Вот так бы и ехать до самого края Дикого Поля!

Но Андрей знал, что не пройдет и получаса, как в ближнем лесу ратники увяжут во вьюки нарядные доспехи, переоденутся в простые дорожные рубахи и войлочные колпаки. Знал - и все оглядывался, оглядывался, будто спешил наглядеться...

С пригородных полей тянуло дымом. Струйки пламени бежали по бороздам. Запах гари был тревожным и горьким. Будто сквозь пожарище ехали всадники.

Такой и запомнилась Москва - в дымном мареве.

Не с того ли майского дня началась гонцовская дорога Андрея?

≈

Глава 2

ВОЖА-РЕКА

Путь заставе был назначен до реки Дона. Но многое ли из назначенного сбывается в жизни? Через раз, через два - и то бы неплохо! Так и на сей раз случилось.

Близко к половине пути, за речкой Проней, что течет по Рязанской земле, остановили заставу тревожные вести. Мурза Бегич, любимый воевода повелителя Орды темника Мамай¹, двинулся с большим войском на Русь.

Ордынцы поперли напролом, через Рязанскую землю. По одному этому можно было понять, что целят они прямо на Москву, отчину великого князя Дмитрия Ивановича.

Воевода Родион отрядил гонца в Москву, а остальных людей увел обратно за реку Проню - дожидаться Бегича. Застава растянулась вдоль пронского берега. Где десяток сторожей встал, где пяток, а где и по двое приказал Родион ездить конным у реки, если берега были там крутыми и лесистыми, от ордынцев безопасными.

Напутствуя сторожей, воевода говорил:

- Хоробрость свою не показывайте. Не хоробрость нужна - осторожность. Глядеть в оба глаза вы здесь поставлены - не сражаться. Сражаться войско будет, что наперехват татарам придет. Дело сторожей - вести посылать, чтоб господин наш Дмитрий Иванович каждый день и каждый час ведал, где остановился кош² ордынский. Разъезды татарские пропускайте, по лесам и оврагам схоронившись, но за кошем, как волки за стадом, следуйте неотступно! И вести шлите, вести!

Родион еще раз окинул взглядом свое невеликое воинство.

Стремянный Федор Милюк успокаивающе кивал головой: мол, понятно все, не подведем, воевода!

За него воевода и не беспокоился. Вот если бы и остальные на заставе были такие многоопытные, жизнью умудренные. А то, вишь, Андрейка-то кречетом в седле

1 Летописцы ошибочно называли Мамай царем, то есть ханом. Но Мамай не был потомком Чингисхана и не имел права на ханский титул. Он называл себя темником, или эмиром

2 Кош - ордынский лагерь; в данном случае - главные силы ордынского войска с обозами и осадными орудиями

нахохлился, руку на сабле держит. Не полянин будто, а поединщик перед сечей - весь вперед устремлен! А ведь ему с десятком отдельно идти, на устье Рановы-реки, больше посылать туда старшим некого, единственный Андрейка - сын боярский на заставе, остальные - простолюдины. Отдельно с ним поговорить надобно...

Отпустив других сторожей, воевода подозвал Андрея, наказал строго:

- Запомни, что приказано! Ни сабель обнаженных, ни стрел пущенных чтоб у тебя в десятке не было - одни глаза, да уши, да кони гонецкие! По вестям твоя служба измеряться будет, не по битым татаринам!

Андрей послушно склонил голову:

- Все исполню, воевода...

- Ну, с богом!

Прыснули ватаги конных от пригорка, на котором стоял воевода Родион. Андрей с десятком - на рассветную сторону, стремянный Федор, тоже с десятком, - на закатную, остальные сторожа - россыпью - к реке Проне, к назначенным местам. Была у Родиона крепкая застава - и будто нет ее, растворилась в полях, в оврагах, в перелесках. И сам Родион вроде не воевода уже, а простой десятник, и не весь берег под его приглядом, а только кусочек берега, верст на двадцать. Каждый сторож теперь сам себе голова. Что в ту голову воевода успел вложить, то и есть, больше не прибавишь. О своем малом берегу теперь думай, воевода. Остальное не в твоей власти...

Дикое Поле дышало суховеями, как дальними степными пожарами. Трава выгорела до бурого цвета, шуршала под копытами коней. Эх, край земли Рязанской, облака взбитые, дни как пекло, ветры горькие, полынные!

Август - птиц отлет: иволги стаями к югу тянутся, а под ними стрижи стригут, будто стрелы татарские - пронзительно...

Андрей своих людей берег, велел шишаки и кольчуги пока во выюки увязать, налегке ехать. До устья Рановы не близко, а успеть надо первыми. Ордынцы - то ли далеко, то ли рядом, кто скажет? Не приходят больше путники из Дикого Поля, словно его кто частоколом отгородил. На себя одна надежда. Недоглядишь - погибнешь...

Вот и устье Рановы по ту сторону реки Прони видать, назначенное место. Берега высокие, течение тихое, воды по жаркому времени немного. Прозрачна пронская вода, как стекло, брод нащупывать не надо - виден с берега, как мост желтый, песчаный. Плохо это, ох, как плохо!

В лесу над бродом велел Андрей шалаши ладить, стан разбивать. Здесь ордынцев ожидать надо, здесь. Лето к концу клонится, самое подходящее время для ордынцев. Ордынцы всегда к осени норовят налететь. Мужик рожь соберет, сено в стога уложит, скотина на травных лугах мясо нагуляет - вот тут-то и наскочит татарин и все именье заберет. И самого мужика заберет, и жену его, и ребятишек. Полонянки в Орде ценятся, особенно в последние годы. Дороги стали полонянки, князь великий Дмитрий Иванович рубежи обороняет, труднее стало ордынцам в русские земли приходиться, опаснее. Но еще пробуют ходить, вороги...

Первые ордынские разъезды появились у Прони на самом исходе августа. Всадники в полосатых халатах и бурых войлочных кафтанах, с луками за спиной, бойко поскакивали на маленьких лохматых лошадках, подъезжали к самой воде, а иные и стрелы пускали через реку, в кусты ивняка - вдруг кто откликнется, выдаст себя?

Андрей приказал своим людям сидеть тихо, только гонца первого послал, сказать на Москве, что ордынцы-де в малой силе у реки Прони, броды и перелазы вынюхивают, а большого коша пока нет.

И тогда Андрей своей заставы не выдал, когда ордынцы, осмелев, через реку перебрали, погнали по рязан-

ской дороге сотней конных. Велел только людям поглубже в лес уйти да по сторонам посматривать усторожливо. Сам возле берега на дуб забрался.

Листва у дуба осенней желтизной тронута, но еще густая, так что сидеть можно было безопасно. А под дубом, в большой промоине, конь Андрея и запасных еще два, и коновод верный - Сенька Мылец, старый московский знакомец. Ничем Сенька самому Андрею не уступит: ни смекалкой, ни ловкостью, ни воинским умением. Будь Сенька не крестьянский сын, а из детей боярских, то, может быть, он бы сам на дубе сидел, а Андрей его коней стерег, кто знает? Но Сеньке обижаться грех. Чей кто сын - это от бога. Андрей же Сеньку любит...

Минул семенов день¹. Примета есть, что в тот день ужи на берег выходят, ползут по лугам на три версты.

Выходили ли ужи в этот год из реки, Андрей не видел. Не до ужей было. За ордынцами успевай доглядывать, все больше и больше их копилось. Сотнями перебирались через реку, юрты на нашем берегу ставили, костры палили - будто на кочевье у себя, в Диком Поле.

Еще одного гонца послал Андрей, а с гонцом такие слова: "Множат татары у Прони, а коша нет!"

То ли третье, то ли пятое было число месяца сентября - Андрей со счета сбился, но поутру в тот день будто черная туча поднялась на полях за Проней, покатила к нашей стороне. Задрожала земля под десятками тысяч копыт, спряталось солнце в пыльном мареве - и потемнело окрест. Главный кош Бегича приближался к реке Проне.

Третий гонец, нахлестывая коня, поскакал к московской стороне.

А следом четвертый гонец повёз уже прямую весть: "Татары возятся Проню!"

1 1 сентября

Пришло время снимать заставу. Андрей повел свое ополовиненное воинство в обход, через леса, чтобы выйти впереди ордынского коша, снова послать вести о нем и опять успеть обходными путями забежать наперед. В том он видел теперь свою службу.

Добежали ли гонцы благополучно до Москвы, Андрей не знал, как не знал и того, что не только его застава посылала вести и что великий князь Дмитрий Иванович, уже переправившийся с полками через Оку, точно рассчитал движение Бегича и назначил место битвы - на рязанской реке Воже.

Русские полки пришли к Воже раньше ордынцев.

Передовые сотни Бегича с визгом, воем, устрашающими криками кинулись к реке. Взметнулись черные татарские стрелы, зачиркали на излете по шишкам и кольчугам русских ратников. В ответ ударили тяжелые русские самострелы. Ордынская конница откатилась от берега.

Медленно подтягивался к Воже ордынский кош: конские тысячи, обозы, крытые повозки, табуны запасных коней и стада верблюдов с тяжестями. Грибами-поганками вырастали на татарском берегу войлочные юрты. Запоздалыми луговыми цветами вспыхивал яркий шелк на шатрах темников и мурз. Тысячи костров окутали дымом и берег, и реку.

Грозным было зрелище несметного ордынского стана, и Бегич надеялся, что руссы сами побегут в леса. Но дни проходили, а руссы все еще стояли на берегу Вожи, не отступая, но и не нападая. Бегич терялся в догадках. Может, князь Дмитрий не хочет боя и удовлетворится, вынудив Орду просто отойти в поле? Такую возможность следует обдумать. Отойти, а затем, когда руссы возвратятся в свои деревянные города и распустият войско по селениям, неожиданно ворваться в землю князя Дмитрия с другой, незащищенной стороны? Пожалуй,

это разумнее, чем кидаться очертя голову за проклятую Вожу...

Так или не так думал Бегич - неизвестно, но стояние на Воже продолжалось и уже начало тяготить ордынцев; ордынские кони уже съели всю траву в окрестностях.

Наступило утро 11 сентября 1378 года, обычное, осеннее, не слишком студеное и не слишком теплое. Утро как утро...

В шатер Бегича ворвался мурза Кострюк, предводитель передового тумена. Новость, принесенная им, оправдывала дерзость мурзы: руссы отступили от берега, освободив прибрежные луга на добрых полторы версты!

Бегич ликовал: русский князь совершил непоправимую ошибку. Самым трудным, и это опытный Бегич хорошо знал, было переправить тумены через реку на виду неприятеля и собрать на том берегу в единой кулак. Не воспользоваться оплошкой русских - значило бы навечно уронить себя в глазах мурз, каждый из которых - соглядатай Мамай. Вот они, мурзы, один за другим лезут в шатер: Хазабин, Коверта, Карабукул...

Мамай не прощает своим военачальникам нерешительности.

И Бегич решился.

Над ордынскими туменами взметнулись бунчуки из хвостов рыжих кобыл. Взревели огромные медные трубы, которые еще Чингисхан взял добычей в мусульманском городе Бухаре. Судорожной дрожью залились барабаны.

Ордынская конница вступила в Вожу, и река, запруженная множеством всадников, выплеснулась на низкие берега.

Русское войско, стоявшее поодаль от берега, даже не пыталось помешать переправе. В центре неподвижного русского строя был великокняжеский полк; гордо развевалось над его рядами черное знамя с ликом богородицы, заступницы Русской земли. Справа и слева стояли

полки окольного Тимофея Вельяминова и князя Даниила Пронского. Все воины были в одинаковых доспехах, с длинными копьями в руках, на рослых боевых конях. Русское войско походило на слиток железа, и не видно было в нем щели, куда могли бы воткнуться клинья атакующей ордынской конницы.

Великий князь Дмитрий Иванович отлично понимал всю опасность сосредоточения ордынских туменов на этом берегу Вожи. Но он привел свои полки, чтобы погубить ордынское войско и надолго отучить мурз набегать на русские земли. Ради этого стоило рисковать. Ордынцы сами полезут в западню, они горды и самоуверенны, они привыкли побеждать в сражениях. Пришло время переломить эту привычку. Как иначе думать о конечном освобождении Руси?

Андрей Попов видел битву как бы со стороны. Застава воеводы Родиона, снова собравшаяся вместе, была поставлена за краем русского строя, на пригорке, поросшем редким молодым сосняком. Они стерегли дорогу, по которой ордынцы могли обойти русское войско. Больше от Родиона не требовалось.

А может, великий князь Дмитрий Иванович просто желал побережь сторожѣй-полянинов? Не последний ведь ныне поход ордынцев, еще не одну заставу придется посылать к краю Дикого Поля...

Андрею оставалось только смотреть, как разворачивается битва на берегу Вожи, и он смотрел и запоминал на всю жизнь...

Черной волной покатила ордынская конница на русский строй. Тысячи стрел исчертили быстро сжимавшееся пространство между русским и ордынским войском. Бесновались, вытягивая гривастые шеи, степные жеребцы. Визжали, размахивая кривыми саблями, голощекие татары.

А русские воины стояли молча и неподвижно, как будто не стрелы хлестали им в лицо, а благотворитель-

ный весенний ливень, и не было брешей в их стене - живые смыкались над павшими.

Такого раньше не случалось. К такому ордынцы не привыкли.

Нукеры мурзы Кострюка начали сдерживать коней, не решаясь удариться грудью о стальную поросль русских копий.

Тогда взвились в прозрачное осеннее небо русские полковые стяги, застоявшаяся дружинная конница обрушилась на смешавшихся ордынцев, и дрогнула земля, и зашумели, как от неожиданного вихря, окрестные леса.

Напрасно мурзы и тысячники раздирали рты в крике. Напрасно сам Бегич с нукерами-телохранителями кинулся в сечу. Дух ордынского войска уже надломился.

Ордынцы обратились в бегство - обратно, к реке, за которой было спасение! Осенние воды реки Вожи равнодушно принимали тела ордынцев, чтобы сплавить их в Оку, а потом - в Волгу, с которой Бегич начал свой поход.

Следом перешла Вожу русская конница. Богатые шатры мурз и юрты сотников, стада и повозки, награбленное добро и бесчисленные кривые сабли, брошенные в пыльную траву, стали добычей победоносного русского войска. Только наступившие сумерки спасли ордынское воинство от истребительной погони.

Для Андрея Попова часы битвы были одновременно и радостными, и тяжелыми. Радостно было видеть мощь русских полков и бегство ордынцев, торжество русской ратной силы. Тяжко было оставаться в бездействии, когда рядом сражаются боевые товарищи.

Счастливые! Они своими руками добыли победу над Ордой!

Воевода Родион положил свою ладонь на плечо молодого полянина:

- Не печалься! В сей победе есть и наша немалая доля!

Высшую мудрость этих утешительных слов Андрей Попов поймет только спустя два года...

Глава 3

СТЕПЬ И СТЕПНЯКИ

Если бы Андрею сказали раньше, что уроженец лесов может полюбить степь, он бы только посмеялся. Другинники, ездившие с посольствами в Орду, рассказывали, что степь угнетает путника своим однообразием.

Немеренный лоскут пустой земли, то гладкий, словно стол, то слегка всхолмленный плавными складками, а над ним небо, всегда тусклое - в жару ли, в холода ли - и тоже пустое, как степная земля. И кажется чужаку, что небо непрерывно катится за край степи, падает на колючую сухую траву, на репейники, на сухой навоз и лошадиные кости. И на человеческие кости тоже, потому что Дикое Поле - злое место, не для людей место - для хищного зверя...

Может, само Дикое Поле и было таким, но край его, где степь соседствовала с лесом, то отвоевывая у него землю, то отступая на юг по долинам рек и влажным сумракам оврагов, выглядел совсем по-другому. Простор - это было, и кости лошадиные - тоже, но одинаковости Андрей не заметил.

Гладкую степь перерезали полноводные реки, широкие овраги с пологими склонами, которые рязанцы называли "абалами". По степи обильно рассыпаны круглые западины с плоским дном, обильно поросшим осиновыми кустами и ивняком. Зелеными городами поднимаются среди равнины дубравы, кленовые и ясеновые рощи, а в речных долинах стоят сосновые боры, могучие и вечные.

Даже там, где на степной равнине нет ничего, кроме разнотравья, край Дикого Поля непрерывно изменяет свой облик вместе с временами года.

Зимой степь покрыта снегами, но это не мертвящие снега, под которыми земля каменеет. Под снегом стоит живая трава, ордынские кони выбивают ее копытами и так кормятся.

С середины апреля в степи начинается царство воды - тают снега. Месяц май прибавляет к талым водам частые грозы и проливные дожди. Вода стоит в степных западинах, в ложбинах, несется мутными потоками по оврагам, переполняет вспухшие реки. А степь пьет, пьет эту воду, чтобы взойти сочными травами.

До начала мая зелень зеленая-зеленая, как горный камень малахит. В начале июня зелень сменяется нежной голубизной множества цветущих незабудок, а среди них, как золотое шитье на драгоценной ткани, - золотистые пятна степного крестовика и лютика.

В середине июня степь покрывается темно-лиловым шалфеем с вкраплениями желтых головок козлобородника, а к концу месяца из темно-лиловой вдруг превращается в снежно-белую из-за обилия цветущего клевера-белоголовки, поповника, таволжанки.

К середине июля выбрасывает к солнцу свои цветы эспарцет, и белизна принимает тускло-розовый оттенок.

И только потом неистовое солнце да ветры-суховеи выжигают зелень, степь становится бурой, как шкура медведя, и лишь типчак и тонконог еще тянут из земли последние соки. Кажется, подожги сухую степную траву, и будет она полыхать бегущим пожаром до самого моря!

Тосклива, неприветлива степь осенью. Будто замирает в ней все живое в ожидании будущего весеннего буйства природы. Только перелетные птицы стаями летят над степью, но не задерживаются в ней - путь их дальше, к морю.

Но ведь и Русь засыпает долгой зимой. Все живое не может обходиться без сна, а земля везде - живая...

Не враждебной казалась Андрею степь, хотя и стоял он у ее края с оружием в руках, с настороженностью в сердце. Враждебна была не степь, а ордынцы - горе Руси, ее тяжкий жребий и боль.

Только несчастий ждали русские люди с полуденной степной стороны, но сама степь не была в этом виновата. Степь была готова щедро делиться своими богатствами и с хлебопашцем, и со скотоводом-кочевником!

И ведь было так когда-то, было!

Рассказывают старики, что в стародавние времена мирно соседствовали в степях народы, заводили русские люди свои пашни на Донце, на Дону, на благодатной Тамани, где стоял русский город Тмутаракань!

Что же изменилось?

А изменилось вот что: пришли из Азии ордынцы - сначала печенеги, потом половцы, потом нынешние вражины - татары. И стало Дикое поле источником горя.

К ордынцам Андрей испытывал мучительный интерес. Расспрашивал "языков", схваченных сторожами во время объездов границы. Подолгу беседовал с русскими полонянниками, чудом бежавшими из ордынской неволи и со слезами обнимавшими сторожей: для полонянников даже дальняя застава была уже русской землей, хотя впереди были еще многие дни опасного пути. Часами разговаривал с Федором Милюком, который давно прикипел сердцем к Москве, но обычаи своих соплеменников помнил.

Все услышанное откладывалось в памяти Андрея, копилось до времени, чтобы однажды вспыхнуть, как озарением, пониманием г л а в н о г о. Кто же они такие, эти желтолицые и узкоглазые пришельцы из неведомых краев, превратившие степи из блага для человека в разбойничье логово?

Андрею Попову казалось, что теперь он может ответить на этот вопрос. Они - ч у ж и е! Чужие не только для Руси, но и для всех народо́в, которые живут плодами трудов своих, сеют хлеб, созидают и строят, верят в

доброе соседство и не покушаются на чужое богатство. А потому вражда между оседлой Русью и хищной кочевой Ордой неизбежна, пока ордынцы живут на несчастьях своих соседей. Примирить Русь с Ордой так же невозможно, как труд и разбой, как любовь и страх, как милосердие к лесному зверю с азартом охотника. И еще понял Андрей, что ордынцы всегда будут нападающей стороной, потому что Руси ничего от них не нужно, а Орде от Руси нужно все, ибо только этим она жива!

Но не потому так происходит, что ордынцы сами по себе хуже, чем другие народы, вовсе нет! Стремянный Федор тоже из татар, но вернее и душевнее человека, чем он, трудно отыскать. Да и другие служилые татары, которых Андрей встречал на заставе, были неплохими людьми. Даже по пристрастным рассказам полонянников можно заключить, что у ордынцев есть чему поучиться.

Рассказывают, что среди ордынцев нет ни взаимного человекоубийства, ни драк, ни ссор. Повозки и юрты, иногда хранившие немалые сокровища, не запираются на замки, потому что в кочевьях нет ни воров, ни разбойников. Среди простого народа нет взаимной зависти, каждый довольствуется тем, что имеет, и не посягает на добро соседей. Нельзя сказать, чтобы у них было много пищи, особенно в голодные зимние месяцы, но они охотно делятся с сородичами всем, что имеют. Ложь почитается у них за позор, недостойный мужчины и воина. Отступая в бою, они никогда не бросают своих раненых и увозят с собой, даже рискуя жизнью. Любого ордынца в любом кочевье встречают, как гостя, кормят и оберегают его...

Но все эти достойные обычаи, способные украсить любой народ, ордынцы относят только к своим. А к чужим ордынцы поворачиваются совсем другой стороной.

С чужими они вспыльчивы и раздражительны, потому что презирают всех, кто отличается цветом кожи, образом жизни, одеждой и верой. В общении с чужими

ж и м и они коварны и изменчивы, считают ложь - доблестью, а изощренную хитрость - заслугой. Они бывают лживы на слова, если надеются извлечь таким путем для себя пользу, и жалят, как скорпионы, добившись желаемого. Даже знатные вельможи и послы из других стран не встречают в Орде почета. Любой ордынец, какого бы он ни был звания, считает себя выше их, старается показать свое превосходство. Выпросив подарка, он тут же оскорбляет презрением и грубостью одарившего его человека.

Убийство чужих не считается у ордынцев преступлением. Беззащитных людей они режут спокойно и безразлично, как баранов. Подростки и даже дети обучаются меткой стрельбе из луков, пронзая стрелами обессилевших или престарелых рабов. Чужому можно делать все плохое, что возможно, только потому что тот - чужой!

Презрение к другим народам удивительным образом сочеталось у ордынцев с рабским подчинением ханам, мурзам, темникам, тысячникам. Желание повелевать другими народами обернулось рабством для простых ордынцев, и в этом была какая-то высшая справедливость. Поработитель сам не может быть свободным!

Крещеный татарин Федор Милюк неторопливо рассказывал, подбрасывая уголек на узкой ладони, и уголек то тускнел, то вспыхивал красной звездочкой, когда в лощину забегал порыв свежего ветра:

- Хан имеет удивительную власть над всеми татарами, даже над самыми знатными. Хан указывает, где кочевать темникам, темники указывают место тысячникам, тысячники - сотникам, сотники - десятникам, и все они повинуются беспрекословно. Простые татары навсегда распределены между вождями. Они обязаны идти в поход, когда позовут, отдавать пищу, сколько потребуют, пригонять молочных кобылиц и отдавать их в пользование вождям на год, на два или три года, как те прика-

жут. Хан и мурзы берут из имущества все, что пожелают, сколько пожелают и когда пожелают, и никто никогда не возразит. И самими ордынцами, и их семьями хан и мурзы распоряжаются как им угодно...

- Выходит, нет в степях свободных людей? - интересовался Андрей. - Не потому ли на нас так ходят, всей Ордой?

- Истинно! - подтвердил Милюк. - Простому ордынцу некуда податься. Все Дикое Поле мурзы между собой поделили, пастбища разграничили. А над мурзами - хан...

- А над ханом - Мамай... - усмехнулся Андрей.

- Мамай ли, другой ли, но всегда Орда опасной будет, - убежденно сказал Федор Милюк. - В войне Орда свое предназначение видит, войной живет. А в войске перед воеводой все не вольны, война не терпит неповиновения...

Задумывался Андрей. Непонятно было: как можно жить, если вся жизнь - в войне? Не потому ли ордынцы враждебны для всех соседей?

В понимании этого было оправдание трудам и опасностям, которые вот уже третье лето выносил на своих плечах сын боярский Андрей Попов, старший над заставой из десяти всадников. Если Дикое Поле постоянно дышит враждебностью, постоянна и недремна должны быть стража возле его рубежей...

Глава 4 ОРДА ИДЕТ!

Было лето шесть тысяч восемьсот восемьдесят восьмое¹, и был июль, месяц-сенозорник, месяц-страдник. В июле на Руси - страда, труд непрестанный, потому что

¹ 1380 год

и сено под косу просится, и рожь поспевает, и бабы на огородах уже с ранним овощем от зари до зари маются, полют да поливают.

А здесь, на краю Дикого Поля, начало июля только жару прибавило да степь последними белыми цветами покрылась. Едут сторожа-станичники по клеверу-белоголовке, как по снегу, только следов позади не остается. Да и какие следы от двух коней? А станичники из Андреевой заставы по двое ездят, не больше.

Так было заведено на воронежских заставах-сторожах воеводой Родионом Жидовиновым. Всего-то у него людей пять десятков, а верст под присмотром - поболее трехсот, каждому десятку на стороже по полсотни верст отводилось, да и то если откинуть лесные и овражные, неудобные для ордынской конницы, места.

Казалось бы, как такой простор взглядом охватишь?

Но ведь охватывали же! У рязанских казаков учились, что извечно степной рубеж стерегли. Севрюков, жителей Путивля, которые возле самого поля жили и на степных хозяйствах - ужожах - даже пашню заводили от ордынцев втайне, расспрашивали. Возможным оказалось дело, когда знающие люди все толком рассказали.

На краю дубравы или на возвышенности стояла застава-сторожа, смотрела окрест, насколько глаз видел. Кони под седлом, двое сторожей за степью смотрят, остальные - четверо или больше - в траве дремлют, поводьев из рук не выпуская. Только свистни - вскочат и понесутся быстрее ветра, кони-то у сторожей отборные, за этим сам воевода Родион следит, строго за коней спрашивает.

Но сама сторожа - это полдела, а то и четвертушка: глазом далеко не увидишь. На то есть станичные разъезды. Утром отъезжают станичники по двое от заставы, до полдня в одну сторону едут, степь углядывая, а потом в обратную, чтобы к вечеру возвратиться. Вот пятьдесят верст и выходит - двадцать пять на восход от заставы,

двадцать пять - на закат. Вот и вся земляца, порученная сторожевому голове Андрею Попову, досмотрена!

Если разъезды с ордынцами в степи разминутся, тоже не беда. Это от самих станичников следа не остается, а если тысячи ордынских коней пройдут, то пропахивают в степном черноземе широкую дорогу - сакму. Наедут станичники на сакму - и стремглав к заставе:

- Орда прошла!

А опытные поляне по ширине и глубине сакмы определяют даже, сколько было ордынцев, есть при них кибитки или нет...

И в этом случае Андрею Попову известно, что делать. Посылай гонцов на соседние заставы. Снимайся с места и, таясь, пробирайся по сакме за ордой: соображай, куда она идет, на какую Украину. Ночью объезжай ордынские станы, считай костры. Старайся выхватить из караула ордынца-"языка". С полными вестями посылай гонца в Москву, а там и сторожа с соседних застав подоспеют, сообща легче по сакме идти. И все - тайно, и все - спешно...

Потому-то и готова застава всегда сорваться с места.

Если станичники возвращались, ничего в степи не приметив, Андрей все равно уводил людей с места дневки. Ордынцы коварны и хитры, как степные гадюки, подползают неслышно, нападают врасплох. Им тоже нужен "язык", большую награду дают мурзы за сторожа-полянина, которому все ведомо - и броды, и дороги, и другие заставы. Всю заставу вырубят, и то Руси дешевле обойдется, чем один пленный полянин. Перед ордынцами не отмолчишься, не отговоришься незнанием - замучают лютыми муками, сама душа кричать начнет!

Недаром сторожам строго-настрого велено было бегаться: останавливаться в укромных местах, и где днем стояли - чтобы не ночевали, а где ночевали - чтобы утром там людей не было. Огонь, чтобы кашу сварить, в

одном месте дважды разводить было не велено, а уж постоянный стан разбивать - тем более.

Андрей Попов, к примеру, знал усторожливых мест, где днем стоять можно или ночью спать без опасения, не один десяток. На каком из этих мест будет застава, не мог догадаться даже Сенька Мылец, которому Андрей доверял и всегда оставлял вместо себя, если случалась нужда куда-нибудь отлучиться.

Нелишними были эти предосторожности. Случалось, возвращаясь через некоторое время к старому кострищу, находили возле него следы некованных ордынских коней. Но врасплох застать заставу ордынцам так и не удавалось. Опытным полянином стал Андрей Попов, сын боярский, старший дружинник великого князя Дмитрия Ивановича Московского. И на соседних заставах не хуже станичные головы были...

Утро, с которого началась последняя сторожевая служба Андрея Попова, ничем не отличалась от прошлых. Едва лучи солнца пробились сквозь заросли ивняка в западину, где ночевала застава, Сенька Мылец поднял людей. Над углями уже сытно булькала в медном котелке каша. Круглый ржаной каравай разрублен ножом на толстые ломти по числу людей, а рядом с каждым ломтем - деревянная ложка. Ополосни сонные глаза в ручье, подсаживайся к котелку и хлебай.

Наскоро поели, пошли седлать коней.

Старшие станичники, Олешка Лебза и Плотуня Устюжанин, пошептались с Андреем, сговариваясь, до каких пределов нынче ехать и на какое место возвращаться, и тоже отошли к коням.

Андрей сидел на попоне, скрестив по-татарски ноги, поглядывал, как Сенька Мылец затаптывает сапогами кострище, как сторожа натягивают кольчуги, закидывают за спины гнутые ордынские луки (удобные были ордынские луки, убоистые, почти все на заставе обзавелись ими).

- Так поехали мы? - издали, уже с коня, крикнул Плотуня.

Напарник его тоже был в седле, плетью нетерпеливо помахивал. Андрей досадливо вскинул руку: отъезжай, мол, чего спрашиваешь?

Затихал, удаляясь, мягкий перестук копыт. Пора и самой заставе трогаться...

Пробирались конные по балочкам, по овражкам, по долинам речек, хоронясь за курганами и земными складками. Если где-то не было укрытий, вперед выезжал один Сенька Мылец, смотрел окрест. Остальные ждали, пока он подаст знак, и быстрым наметом пересекали опасное место. Рывок - остановка, рывок - остановка, привычная для сторожей езда.

Вот и одинокий курган среди равнины, а на вершине большая яма, где можно и коней укрыть, и самим спрятаться. Лучшего места для заставы не найти, давно заметил его Андрей, но остановился здесь в первый раз - приберегал для особого случая.

Почему именно сегодня Андрей увидел т о т особый случай и почему, нарушая обычай, сам остался наверху вместо дозорного ратника, он не сумел бы объяснить. Предчувствие, наверно...

Пустая, мирная лежала вокруг степь. Безветренно было, знойно. В яме кони тихо похрапывают, ногами на месте перебирают. Нудно коням в неподвижности, тоскливо. Тяжко и людям под палящим солнцем, но поляне к неподвижности привыкли. Кто дремлет, прикрыв глаза рукавом, кто шепчется с приятелем.

Андрей вздохнул, вытер пот со лба, присмотрелся. Что-то ему сегодня в степи не нравилось. Изменилась будто что-то, но что - непонятно.

У подножия кургана протопотала стайка диких коз. Заяц пробежал мимо, потом еще один, еще. Извиваясь, как змея, проскользнула в траве степная лисица. Когда это видано, чтобы лисица ясным днем из норы вышла?

Да и вообще не странно ли, что бежит сразу столько зверья? Будто гонит кто его с полуденной стороны облавой...

Тревожно стало Андрею. Подумалось: неспроста все это, неспроста!

Кликнул Сеньку, молча указал пальцем на пробежавшее зверье.

Сенька посерьезнел и, не то спрашивая, не то высказывая смутную догадку, выдохнул в самое ухо:

- Орда идет?

Что-то неладное почуяли и другие сторожа. Неторопливый шепоток в яме примолк. Люди, запрокидывая головы, вопрошающе смотрели на Андрея.

А дикие звери все бежали и бежали мимо кургана, не обращая внимания на приподнявшихся Андрея и Сеньку. Разве случалось когда-нибудь раньше, чтобы дикие звери среди бела дня так бесстрашно шли?

Вдали показались две черные точки. Резво бегут к кургану, уже топот коней слышен, передний всадник над головой шапкой размахивает. Плотуня Устюжанин?!

Андрей чуть навстречу не рванулся, но пересилил себя, остался за кустом. Только сторожам крикнул, чтобы в седла садились, а Сеньке сказал, чтобы у его, Андреева, коня подпругу подтянул и держался поблизости, на всякий случай.

Плотуня, нахлестывая коня плетью, обогнул курган, соскочил на землю, кинул поводья своему напарнику и полез, задыхаясь, по крутому склону. Андрей привычно отметил, что станичник поступает разумно, позади кургана ни его самого, ни коней со стороны Дикого Поля не видно.

- Орда прошла! Орда! - издали выкрикнул Плотуня.

Сапоги его скользили по траве, и он никак не мог одолеть последнюю сажень склона. Но вот наконец Плотуня присел рядом и приглушенным голосом продолжил:

- Большая орда... Сакма широкая, сажень с двадцать, а уж глубина - будто плугом по степи прошлись! Беда, Андрей Семенович!

Первым побуждением Андрея было скакать немедленно всей заставой к сакме, своими глазами убедиться. Но сдержал себя Андрей, нарочито спокойно остановил запалившегося Плотуню:

- Заводи лошадей в яму. И - чтоб ни голоса, ни шеленя!

Плотуня обескураженно заморгал круглыми глазами, полез на карачках вниз, к своим коням...

Пришел день, ради которого Андрей Попов, сын Семенов, второе лето мотается у Дикого Поля. Но орду они все-таки уследили, уследили! Теперь думай, Андрей, как поступить, хорошенько думай!

А может, и не нужно что-либо от себя придумывать? Может, просто следовать воеводскому наказу?

Как это воевода Родион говаривал? Не хоробрость нужна, но осторожность... Служба по вестям измеряться будет... Добывай прямые вести и в Москву с гонцами посылай... Сакму доглядывай... Вот твоя служба, Андрей! Кидаться же днем навстречу ордынцам - безрассудно...

Солнце перевалило за полдень, когда в степи показались ордынские разъезды. Большие были разъезды, словно рати, чуть не по сотне конных.

Шли ордынские всадники облавой, в каждый лесок заезжали, к каждой западинке принюхивались - искали русских сторожей. С двух сторон обтекали ордынцы курган, где притаилась застава, но наверх не поднялись. О большой яме на вершине могли знать разве что местные люди, но таких проводников-вожей у ордынцев, как видно, не было. А с виду вершина кургана казалась совсем голой, два кустика там торчало, и точно бы негде людям там спрятаться. Миновали ордынцы курган и промчались дальше.

До ночи просидела застава Андрея Попова на кургане, а в темное тихо снялась и поспешила к сакме. Правду сказал станичник Плотуня: орда там большая прошла. Когда Андрей перемерил сакму шагами, то не двадцать сажень оказалось, а немного меньше сорока. То ли ошибся Плотуня, то ли после него еще многие тысячи ордынцев прошли, сакму расширили.

Теперь нужно идти тайно по сакме, станы ордынские объезжать вокруг и считать ханских людей. Идти следует только ночами, потому что днем степь полна ордынскими разъездами - не разминутся.

Сторожа тихо приближались в темноте к ордынским станам, пробовали считать костры, но костров было больше, чем звезд на небе. О поимке ордынского "языка" и думать было нечего - большими ватагами ездили по степи ордынцы, легче было самим в полон угодить.

Днем сторожа отсыпались в укромных местах, выставив дозорных, а поздним вечером опять ехали следом за ордой - в черную темень, в кислый кизячий дым ордынских костров.

Двенадцать ночей шли за ордой благополучно, а перед тринадцатой ночью случилось несчастье. На спящую в овраге, в осиновых горьких кустах, заставу Андрея Попова наехала ордынская сотня. То ли дозорный Олешка Лебза придремнул, то ли срезали его издали стрелой, но напали ордынцы врасплох, на спящих, повязали сыromытными ремнями...

Андрею снилось, что лежит он в лесу один, а к нему медведь идет, на задние лапы поднялся, дышит смрадно. Подходит ближе, ближе. Хочется Андрею закричать, но крику нет. Хочется руки поднять, защититься чтобы, а руки не поднимаются. А медведь уже тяжело на грудь навалился...

Опамятовался Андрей, глаза открыл, а на нем ордынец сидит, да еще двое за руки держат - не шевельнуться. От ордынцев воняет прогорклым жиром, кислой

кожей; лица у них круглые, темные, глаза за щеками не видать - будто безглазые ордынцы.

Подержали ордынцы Андрея за руки и отпустили. И с груди ордынец слез. Андрей перевел дыхание, приподнялся. Перед ним еще один ордынец стоит, одетый понаряднее других: в новый халат, в медную круглую шапку, а из-под шапки два лисьих хвоста свешиваются. Андрей догадался, что это ордынский сотник.

Вертит сотник в руках Андрееву саблю в дорогах - с серебром - ножнах, восхищенно цокает. И другие ордынцы улыбками расплылись, тычут пальцами в Андрееву нарядную кольчугу, встряхивают плащ из тонкого сукна. Кто-то полез к Андрею за пазуху, вытянул крестик серебряный на серебряной же тонкой цепочке.

Залопотали ордынцы: "Конязь! Конязь!"

Других полоняников ордынцы плетьюми исхлестали, нанизали на одну веревку, словно бусы, и пешими повели. А Андрея бережно на коня посадили, только ступни ног под лошадиным брюхом стянули ремнем, чтобы соскочить не сумел, и отдельно повезли к своему стану. Даже шишак на голову Андрею нахлобучили, плащ на плечи накинули, чтобы наряднее пленник казался.

Все понятно было Андрею: приняли его ордынцы за знатного человека, за боярина или воеводу, хотят доставить своему мурзе в лучшем виде. За знатного человека награда больше, чем за простолюдина, вот и старается сотник. Правда, саблю сотник не вернул, привязал к своему седлу.

Ехали, догоняя ханский кош, долго и нагнали только вечером. Ордынский стан мигал множеством костров, но пламя от кизяков было дымное, тусклое, и Андрей мало что увидел.

Черные кибитки, черные повозки, черные какие-то тени, двигавшиеся по сторонам. Одно запомнилось Андрею: неумолчный шум. Гудел ордынский стан, как встревоженный улей, перекликался гортанными голосами,

лошадиным ржанием, воплями верблюдов, скрипом тележных колес. Будто не ночь была, а день базарный.

Возле какой-то юрты Андрея стащили с коня, втокнули внутрь, швырнули на кучу пыльного войлока. В юрте темно, хоть глаз выколи, только круглое отверстие в крыше чуть светится.

Андрей долго лежал с открытыми глазами, вглядываясь в окольцованный войлоком клочок чистого неба, где остро и зовуще поблескивали звезды. Рядом, в угольной темноте, кто-то стонал, дышал с надрывом, потом затих. Скоро и сам Андрей забылся тяжелым сном.

Глава 5

СТАН МАМАЯ

Андрея разбудили глухие мерные удары, сотрясавшие войлочные стены юрты. Андрей приподнял голову, огляделся. Посередине юрты сидел на корточках ордынец в засаленном халате, лениво пошевеливал в очаге тлеющий навоз. Тусклые язычки пламени, выплескиваясь из золы, лизали медный закопченный котелок. Струйка вонючего дыма тянулась вверх, к круглой дыре в крыше. А в дальнем, сумрачном углу, прикрытый попоной, неподвижно лежал человек с головой, обвязанной бурами от запекшейся крови тряпицами, с ввалившимися мертвыми глазами. Из-под попоны торчали ноги в красных сапогах с высокими гнутыми каблуками. Такие сапоги Андрей видел только у воеводы Родиона Жидовинова, ни у кого больше. И седая, дерзко торчавшая борода - тоже его. Не уберется, значит, воевода. Вишь, как посекли его поганые - до смерти!

Андрей вдруг с беспокойством подумал о своих гонцах. Добежали ли до Москвы? А ну как не добежали, тоже иссеченные где-нибудь лежат? Тогда - беда...

Но узнать было не у кого. Ордынцы если и знают, то не скажут. И исправить тоже ничего нельзя - сам в плену. Оставалось надеяться, что кто-нибудь из гонцов проскользнул сквозь ордынскую облаву.

Глухие удары отзывались в затылке тупой, ноющей болью.

Так начиналось каждое утро в ордынских кочевьях. С восходом солнца ханские нукеры, свободные от караула, готовили любимый напиток степняков - кумыс. Бурдюки с кобыльим молоком подвешивали к жердям и часами били деревянными колотушками. Молоко шипело и пенилось, бродило как живое, раздувая кожаные бока бурдюков, а потом светлело, выкидывая на дно мутную гущу. Прозрачный напиток ордынцы переливали в другие, маленькие бурдюки и складывали в глубокие ямы для охлаждения. Острый, хмельной, освежающий кумыс, слегка отдающий запахом горького миндаля, ордынцы ценили превыше всех напитков и поглощали в огромных количествах, потчевали им гостей.

Но Андрей не был гостем, кумыса ему не предлагали...

Ордынец принес от очага плошку горячей бараньей похлебки, сунул прямо в лицо - Андрей даже отшатнулся.

- Корош! - ухмыльнулся ордынец, снова поднося плошку. - Ох, корош!

Андрей медленно тянул сквозь зубы несоленую, обжигающе горячую, мутную жижу, а ордынец стоял перед ним, уперев ладони в бока, и повторял удовлетворенно:

- Корош! Корош!

Потом ордынец выхватил из руки Андрея опустевшую плошку, кинул ему сосуд из высушенной тыквы - с водой, и опять подсел к своему очагу, безразличный и непонятный.

Полог юрты приподнялся, впустив струю знойного, зловонного воздуха. Мягко ступая остроносыми сапогами

без каблуков, в юрту скользнул молодой мурза в нарядном халате, с дорогой саблей у пояса, в круглой шапке с опушкой из соболей. Он подошел к телу Родиона Жидовинова, потыкал его в бок носком сапога, разочарованно покачал головой. Поманил пальцем Андрея: выходи, мол...

Андрей с трудом поднялся, побрел к выходу. Перед порогом помедлил, осторожно переступил заляпанную грязью жердину - вовремя вспомнил предостережение Федора Милюка, что по ордынским обычаям наступать на порог юрты - величайший грех, за который карают смертью; ордынцы верили, что это приносит бедствия хозяину. Наверно, он поступил правильно, потому что ордынцы одобрительно заулыбались, а ордынец-сторож снова повторил свое: "Корош! Корош!" Может, других слов по-русски он и не знал?

Андрея посадили на коня, отдали плащ, наборный пояс, шлем-шишак. Окружили десятком нукеров и повезли через ордынский стан.

Всадники ехали мимо нарядных шатров мурз и темников, мимо высоких юрт тысячников, покрытых белым войлоком, мимо бурых кибиток простых ордынцев, мимо плетеных изб, поставленных на телеги с деревянными колесами. Все жилища ордынцев были такими, что их можно было разобрать, уложить на повозки и перевозить следом за войском.

Повсюду бегали стаи одичавших лохматых собак. Собаки не лаяли, только скалили желтые клыки и пятились, уступая дорогу всадникам.

Ордынцы, сидевшие на корточках возле юрт, провожали Андрея недобрыми взглядами, о чем-то перешептывались. Они показались Андрею совсем одинаковыми: невысокие, коренастые, с широкими плечами и короткой шеей, с круглыми скуластыми лицами, узкими раскосыми глазами. Свои волосы, черные и жесткие, как конская грива, они выбривали надо лбом на два пальца

шириной, а сзади, за ушами, заплетали в две косицы. Несмотря на летний зной, многие сидели в волчьих и бараньих шубах, вывернутых мехом наружу. Такие же шубы, но мехом внутрь, ордынцы носили и зимой. Важно прохаживались тучные, медлительные женщины. Ордынцы считали, чем женщина толще, тем она красивее, и нарочно откармливали своих жен, не позволяя им много двигаться. Женщины казались много крупнее и выше мужчин, потому что женский головной убор - бокка, изготовленный из обтянутых тканью прутьев, увеличивал рост почти на локоть. А девушек только с трудом можно было отличить от молодых воинов, потому что они одевались в короткие кафтаны, кожаные штаны и лихо скакали на конях.

На самом краю стана теснились жалкие шалаши рабов, едва прикрытые дырявыми шкурами от палящего солнца и дождя. Рабов никто не сторожил. Вокруг простиралась степь, где не было для беглецов никакого укрытия. Встреча с первым же ордынским разъездом сулила немедленную и мучительную смерть.

Толмач уже сказал Андрею, что русского князя пожелал увидеть сам Мамай, предводитель Золотой Орды. Андрей не стал рассеивать это заблуждение: князь так князь...

Шатер Мамай стоял на вершине холма. Рядом с шатром был разостлан большой хорезмийский ковер. На горе шелковых подушек восседал сам Мамай. Два нукера-телохранителя, в мелкокольчатых персидских доспехах, с обнаженными саблями в руках, стояли за его спиной.

Мамай был невелик ростом, худощав, остролиц - все у него было каким-то колючим: и хрящеватый нос, и узкий подбородок, и выпирающие скулы, даже уши, плотно прижатые к голове, как у настороженного хищника. Мамай заметно косил на левый глаз, и казалось, что он непрерывно подглядывает за мурзами, сидевшими

рядом на подушках. Сухие пальцы Мамаю скребли полы красного халата, колючего от золотого шитья. Темники и тысячники почтительно примостились на корточках у края ковра. Сидеть на подушках - высокая честь, которой удостаивались только мурзы, в жилах которых была капля крови великого воителя Чингисхана...

Нукеры остановили Андрея саженьях в двух от ковра, и он мог видеть, как пируют предводители ордынского воинства. Стоял, покачиваясь на гудевших ногах, и смотрел.

Рабы принесли большой котел с вареной бараниной, поставили перед каждым из пирующих деревянную плешку с солью. Старый ордынец отрезал куски мяса и, повинувшись знакам Мамаю, подносил их гостям на кончике ножа. Куски были разные: одни - большие и сочные, другие - поменьше, с сухожилиями и костями. Не только доля в военной добыче, но и кусок мяса на пиру выделялся в соответствии со значимостью человека, и порядок этот определял Мамай...

Андрей заметил, что некоторые мурзы и темники, проглотив часть мяса, складывали остальное в кожаные мешочки - каптаргаки, висевшие у пояса. И никого это не удивляло и не оскорбляло. По ордынским обычаям мясо нужно съесть без остатка или унести с собой, чтобы не обижать хозяина.

Мясоедство продолжалось долго. И второй котел баранины принесли рабы, и третий. Насытившись, мурзы вытирали сальные пальцы о голенища сапог. А рабы уже подносили деревянные чаши с похлебкой. Края чашек - издали было видно! - обросли толстым слоем старого застывшего жира, но на грязь никто из ордынцев не обращал внимания. Только для самых знатных мурз рабы ополаскивали чаши в котле, но ополоски выливали в тот же котел с похлебкой.

В этой простоте и непритязательности пира было что-то нарочитое. У Мамаю в сундуках столько дорогой по-

суды, что мог бы накормить из нее целый тумен, а угощает гостей из деревянных простых чашек. Может, хоть этой простотой желает сравниться с первым завоевателем Чингисханом, который в походах презирал роскошь?

Андрей подумал, что, может быть, и так...

Потом мурзы и темники пили хмельной кумыс из больших рогов, пили много, жадно, захлебываясь от то-ропливости. Мамай благосклонно кивал сотрапезникам. Пир удался на славу, все гости были сыты и пьяны...

А тем временем равнина перед холмом заполнялась ордынской конницей. Клубы пыли заволакивали небо. Глухо стучали копыта, звенело оружие.

Ордынские воины сидели на крепких низкорослых конях - бахматах, отличавшихся от лошадей другой породы густыми гривами, падающими почти до земли, длинными толстыми хвостами и необыкновенной выносливостью. На бахмате можно было скакать весь день с непродолжительными остановками. Вооружение ордынцев было простым, но удобным и единообразным. Каждый воин имел хороший дальнобойный лук, два колчана со стрелами, нож, топор и веревку, чтобы вязать пленников или тянуть осадные орудия. Сотники, десятники и нукеры имели панцыри, железные или медные шлемы. Зловеще поблескивали обнаженные кривые сабли. Целый лес копий покачивался над рядами конницы. Копья были разные: и тонкие, как жало, и с широкими остриями, некоторые - с крючками, чтобы стаскивать противника с седла. Почти у всех ордынцев были небольшие щиты, сплетенные из прутьев и обтянутые толстой бычьей кожей.

Но не оружие ордынской конницы внушало тревогу Андрею Попову. Русские дружинники были вооружены лучше, непроницаемые для стрел русские кольчуги и закаленные мечи славились даже в заморских странах! Андрея устрашала поразительная, казавшаяся невероят-

ной согласованность в действиях огромной конной массы ордынцев.

Мамай неторопливо поднял правую руку.

Гулко ударил большой барабан.

На длинном шесте взметнулся лоскут пламенно-красной материи, и, повторяя сигнал, над темной массой всадников заалели флажки тысячников и сотников. Ордынские воины пришли в движение, скрылись в туче пыли, а когда снова очистилась степная даль, вместо развернутого строя перед холмом застыл сомкнутый клин ордынской конницы.

Снова загрохотал барабан.

Рядом с шатром Мамай взметнулся еще один красный стяг, и клин ордынского войска двинулся вперед. Конница накатывалась неотвратимо и величественно, как морские волны. Передние бешено мчавшиеся всадники были уже в сотне метров от холма...

Полуголые богатыри-нукеры снова ударили деревянными колотушками по большому барабану. Шесты с красными тряпицами упали наземь, а вместо них взметнулся зеленый стяг.

Ордынский клин остановился, всадники начали заворачивать коней. Снова все заволело пылью. Спустя малое время Андрей различил в пыльном мареве стройные ряды конницы, изготовившейся к отражению удара сбоку; вправо и влево от нее разбегались другие конные рати, чтобы окружить воображаемого противника...

Мамай неожиданно легко вскочил с подушек, подбежал к пленнику и закричал прямо в лицо; толмач, от торопливости проглатывая окончания слов, едва поспевал переводить:

- Смотри, русский князь, на непобедимое войско! Смотри и запоминай! Кто в силах остановить эти тумыны? Горы рассыплются в прах, стены крепостей падут от одного грохота копыт! Смотри, с чем иду в гости к вашему князю Дмитрию, осмелевшему рабу! Силы

моей - двенадцать орд да три царства, а князей со мной - семьдесят три, а воинов под пятьсот тысяч подходит! Да еще два алпаута с двумя великими ратями идут ко мне, а числа их воинов я сам не знаю! Может ли Дмитрий, слуга мой и данник, нас всех накормить и одарить?

Андрей молчал, ошеломленный этой вспышкой неистовой ярости. Он не помнил, как нукеры потащили его от шатра прочь, как везли обратно через стан - перед глазами непрерывно стояло искаженное яростью лицо Мамаю, звенел в ушах его пронзительный крик.

Андрею втолкнули в юрту, проворно содрали кольчугу, кафтан, штаны, сапоги. Сторож-ордынец с размаху ожег плетью, толкнул на войлок.

Тела воеводы Родиона в юрте уже не было.

Андрей лежал, закрыв глаза, а перед ним будто продолжали проноситься в клубах пыли ордынские тумены, дрожала земля, и пляшущее, развернутое в крике лицо Мамаю выдыхало: "Смотри!Смотри!"

Андрей не верил в пятьсот тысяч ордынского войска, не бывало такой многочисленности на земле, но то, что он увидел, было страшно. Одна мысль настойчиво билась в голове: "Дошли ли гонцы?" Эта мысль тяжким грузом давила на него, подсказывая единственно возможное решение. Если гонцы не дошли до Москвы, дойти должен он сам. Он должен бежать из ордынского стана...

Глава 6

БЕГСТВО

Вот и ночь наступила - душная безнадежная. Едва различимый в отблесках огня, клевал носом у очага сторож-ордынец. За день-то на него Андрей вдоволь насмотрелся, в юрту никто больше не приходил, разве что второй сторож, который вокруг юрты с копьём ходит, раз-другой заглядывал.

Ордынец был немолод, хил, голову в войлочном колпаке держал набок, будто она была тяжела для него, голова-то. Старую саблю в поцарапанных кожаных ножнах бережно поглаживал ладонью: видно, другого богатства, кроме сабли, у него не было. На халат лоскутки разноцветной материи нашиты, пуговицы где нужно и не нужно, бляшки какие-то, но разве это богатство? Ребятня забава...

Ел, правда, ордынец много - чуть-чуть из котелка стало Андрею доставаться. Даже удивлялся Андрей: "Куда только лезет в него, в нехристя, столько пищи? На вид мал и тощ, а вот поди же ты..."

Было в этом ордынце что-то жалкое и одновременно страшное. Десятки и сотни тысяч таких вот степняков составляли ордынскую силу - слепую, жестокую, нерассуждающую, готовую по первому слову своих мурз собираться в тумены и мчаться куда угодно, убивать, грабить и жечь, втапывать в землю копытами коней целые народы, угонять в Дикое Поле печальные вереницы пленников. Любой из дружинников Андрея мог в поединке искромсать ордынца, но сотня таких, как он, сокрушила бы и богатыря. Так велся в прошлые, черные для Руси, годы счет в битвах с Ордой: на одного русского витязя - десятки ордынских воинов, на русскую тысячу - сокрушавшие все своей многочисленностью конные тумены. Теперь многое на Руси переменялось. Но чтобы великий князь Дмитрий Иванович Московский успел собрать войско, его нужно вовремя предупредить...

И Андрей Попов решился.

Незадолго до рассвета, когда наступает час самого крепкого сна, Андрей сполз со своего войлока, сжимая в руке обломок ножа - нашарил у стены, припрятал, а вот теперь пригодилось единственное оружие. Обломок был коротким, тупым, но рукоятка у сломанного ножа тяжелая, с железным набалдашником, не хуже кистеня.

Андрей неслышно подобрался к дремавшему сторожу, тукнул рукояткой в голый затылок. Ордынец повалился без стопа, дернулся только - и затих. Путаясь в рукавах от торопливости, Андрей натянул ордынский халат (с запасом оказался халат, двух таких сторожей в него можно было завернуть!), нахлобучил на голову войлочный колпак, перепоясался саблей. Сапоги ордынские ему не подошли - маленькая нога оказалась у сторожа. Так и вышел Андрей из юрты - босиком.

Наружного сторожа не было, ушел куда-то. Опять удача!

Андрей пошел между юртами - уверенно, не хоронясь. Редкие встречные не обращали на него внимания, посчитали за своего. А ордынские караулы далеко за пределами стана были, внутри чужих не опасались. Только раз Андрея окликнули, но он промычал что-то непонятное и прошел мимо. Догонять его не стали...

Безнадежным казалось дело - уйти пешим от погони, но, видно, эта кажущаяся безнадежность и спасла Андрея Попова. До рассвета он успел выбраться за пределы ордынского стана, а дальше не пошел: нашел яму в склоне оврага и улегся там, засыпавшись ветками и пучками сухой травы. Так близко погоня не искала беглеца. Конные разъезды пробежали мимо. А потом снялся и весь ордынский стан, потянулся дальше на север, к русским рубежам. Отскрипели тележные колеса, отстучали по пересохшей земле конские копыта, и стало тихо в степи, совсем тихо...

...Не знал Андрей, что всего несколько часов отделяли его от смерти. Утром в шатер Мамай, как было заведено, пришел старый битикчи¹, чтобы рассказать, что случилось за ночь. Второй десяток лет служил битикчи своему повелителю, Мамай ему верил. Среди прочего битикчи поведал, что некоторые мурзы недовольны, что

1 Битикчи - писец ханского совета - дивана

чужому князю а, может, и не князю вовсе! -было показано ордынское войско.

- А сам как думаешь? - хмуро спросил Мамай.

И старик бестрепетно ответил, смотря прямо в глаза грозного повелителя:

- Думаю, что это вторая ошибка Мамаю...

- А первая? - весело и заинтересованно спросил Мамай, которому нравилась дерзкая откровенность старика, единственного в Орде, кто бы осмелился сказать подобное.

- Первая твоя ошибка - сам поход...

Мамай помедлил, сказал равнодушно:

- Вели отрубить голову...

Однако нукеры, тут же поскакавшие выполнить повеление, нашли в юрте только труп сторожа. Пленник бежал...

Тяжко пешему в степи. Расстояния невыносимые, а шаги так коротки. Будто на месте стоишь - почти не меняется ничего вокруг, только босые ноги горят, сухой травой изрезанные, трещинами покрываются от зноя. И вокруг поглядывай, чтобы разъезд ордынский не схватил, и под ноги смотри, чтобы не наступить на степную змею-гадюку: и так - смерть, и так - смерть.

Но выдюжил Андрей, не поддавшись стыдной слабости: лечь в траву и забыться, чтобы тихой смертью искупить невыносимые страдания, - и все шел, шел по степи, стяхивая босыми ногами пыль с колючей травы.

Близ Черного леса, что стоит возле реки Воронежа, Андрея встретили сторожа с русской заставы, переодели в гонецкое платье, обули, накормили, дали коня и провозятых.

И началась бешеная скачка, днем и ночью. Менялись кони и попутчики, а Андрей будто из железа выкован - все торопил, торопил. Надеялся, что так и доскачет до Москвы - на одном дыхании. Но на последнем, самом малом переходе, оставшись совсем один, сломился...

* * *

Разбудил Андрея Попова ослепительный солнечный луч, ударивший прямо в лицо. Где-то рядом скрипели тележные колеса.

Андрей поднялся, зашагал на негнувшихся ногах к дороге. Хотел окликнуть проезжего мужика, но только надсадный хрип вырвался из горла.

Мужик, заметив вывернувшегося из-за стога человека, сам придержал лошадь. Он смотрел с любопытством и страхом на окостенелое лицо с воспаленными глазами, на пропыленную насквозь одежду, на тонкие пальцы, сжимавшие саблю. Страховитым показался незнакомец, непонятным, но мужик успел заметить гонцовскую шапку на его голове и опустил поднятый было кнут. Андрей тяжело повалился на телегу, на шершавые доски, слегка притрушенные сеном, прохрипел:

- На княжий двор гони... Быстрей... Быстрей...

Бойко застучали копыта. Телега подпрыгивала на ухабах, опасно кренилась, и Андрей боялся теперь одного - как бы не упасть на бегущую под ним землю, ибо подняться еще раз он не сможет. Он прижимался к доскам животом, грудью, лицом, раскинутыми в стороны руками.

Солнце перевалило за полдень.

Великий князь Дмитрий Иванович Московский пировал в набережных теремах, куда ветер с Москвы-реки надувал живительную прохладу. Искрился золотистый мед в широких чашах. Пили за князя Владимира Серпуховского и Боровского, славного воина и достойного владельца двух княжеств. Кто осмелился бы в такую минуту прервать великого князя, державшего речь о дружбе и приязни к своему любимому двоюродному брату?!

Но бесплотной тенью проскользнул дворецкий, тронул великого князя за рукав. Великий князь Дмитрий Ива-

нович гневно скосил на него глаза, со стуком поставил кубок на дубовый стол. Тихие слова: "Вести с Дикого Поля!" - мгновенно притушили вспышку гнева. Не оглядываясь на притихших бояр, Дмитрий Иванович поднялся и зашагал к низкой дверце, за которой скрывалась потайная каморка.

Было 23 июля 1380 года.

Была первая прямая весть о выступлении правителя Большой Орды темника Мамаю, которого ждали давно, но которое все равно показалось неожиданным.

А спустя семь недель была Куликовская битва...

Содержание

ЧЕРНЫЕ СТРЕЛЫ ВЯТИЧА	7
"КОЛУМБ ВОСТОКА"	115
МЕЧ ДОВМОНТА	163
ВТОРАЯ ОШИБКА МАМАЯ	213

Литературно-художественное издание

Для старшего школьного возраста

Каргалов Вадим Викторович

ВТОРАЯ ОШИБКА МАМАЯ

Исторические повести

Ответственный редактор *Т. Н. Терехова*
Художественный редактор *М. Е. Федоровская*
Технический редактор *В. А. Кучерявый*
Корректор *Т. М. Мурашова*

ИБ № 13912

Подписано к печати с компьютерного набора МНПП «Траст» 14.04.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Шрифт таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 15,12. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1032. С 272. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Мининформпечати РФ. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. МНПП «Траст». Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Каргалов В. В.

К21 Вторая ошибка Мамая: Повести/Художн. А. Верцайзер и Е. Поликашин.— М.: Дет. лит., МНПП «Траст», 1993.— 255 с.: ил.

ISBN 5—08—003630—3

В книгу входят исторические повести, посвященные героическим страницам отечественной истории, начиная от подвигов князя Святослава и его верных дружинников до кануна Куликовской битвы.

К 4803010201—272
М101(03)—93

Без объявл.— 93

ББК 8467

В. Каргалов

ЧЕРНЫЕ СТРЕЛЫ ВЯТИЧА
„КОЛУМБ ВОСТОКА“
МЕЧ ДОВМОНТА
ВТОРАЯ ОШИБКА МАМАЯ

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

